VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА • Дайте кошке слово

НАТАЛЬЯ
РОМАНОВА

Дайте кошке слово

Наталья РОМАНОВА

Дайте кошке слово

Москва
„Детская литература"
1992

ББК 46.7
Р 69

Художник
С. Яровой

Научный консультант
доктор биологических наук Г. М. Длусский

Книга «Дайте кошке слово» состоит из рассказов и повестей, написанных в разное время и в разном жанре, однако она едина по мысли и композиционно.

Через всю книгу проходит образ героини, довольно рано нашедшей свое призвание, которое она сумела пронести через всю жизнь.

Если в начале книги — в повести «Ливень» — показана девятиклассница, в которой только пробуждается творческое начало, то в дальнейших рассказах и повестях раскрывается «особое видение» героини. Ее наблюдения всегда неповторимы, потому что они личностны.

В силу своей специальности (героиня — биолог) она наблюдает за всем, что происходит вокруг: в лесу, в реке, на поляне и дома. А дома живет кошка. Сначала одна, затем вторая. Повести об этих двух кошках, Уте и Коте,— это повести, с одной стороны, обыкновенного любителя кошек, а с другой — это пристальное наблюдение биолога, вначале бессознательное, затем все более и более направленное на проникновение внутрь, в глубь жизни животного, которое живет рядом и которое ты можешь познать, изучить.

Р $\frac{4802020000—016}{М101(03)\text{-}92}$ 038—90

ISBN 5—08—001437—7

©Детская литература, 1975
©Н. Романова, повесть, рассказы, 1992
©С. Яровой, иллюстрации, 1992

ЛИВЕНЬ

Повесть

Глава I

УЧИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ НЕ ВЫЗЫВАЕТ К ДОСКЕ

По дарвинизму я, наверное, тоже получу тройку. Дома уже привыкли: четыре экзамена и четыре тройки. В последнее время я совсем не могу заниматься...

Моей подруге Тане кто-то сказал, что все женщины делятся на два типа. Одни созданы только для любви, а другие и еще для чего-нибудь. Наверное, я отношусь к первому типу... А кроме того, я просто неспособная. Вот Люба — это вторая моя подруга — целыми днями думает о своем Максе, а получает пятерки.

Один раз она учила со мной биографию Пушкина и зареклась. Говорит, что я зубрю. А я не зубрю. Просто у меня мозги как-то странно устроены. Я могу сто раз читать одно и то же и ничего не запомнить. Но если мне вдруг удается по-настоящему разобрать какой-нибудь кусочек из прочитанного, то остальное потом само очень легко запоминается. Вот я и сижу иногда над одним предметом по нескольку часов. И в результате половину уроков не успеваю вообще сделать. Маме в школе говорят, что я просто лентяйка: то у меня четверки, то двойки.

Наша староста, цвет класса, считает, что я «серость». Мне даже приснилось, как она Любе про меня сказала: «Что ты дружишь с такой серостью?» — и при этом показала на серое одеяло; которое почему-то тут же лежало. Но это во сне, конечно. А наяву она злится страшно из-за дарвинизма. У нее во всех четвертях по дарвинизму тройки, а у меня пятерки. Светопреставление!

Вообще, конечно, Вадим Андреевич странный человек. И я сама не очень понимаю, почему у меня по дарвинизму в четвертях пятерки. Ведь он ни одного раза меня нормально к доске не вызывал, спрашивал только с места, когда я поднимала руку.

А в третьей четверти принес мне на отзыв диссертацию своего друга об индивидуальном развитии. Сначала я хотела

отказаться, но папа меня убедил написать. Растолковал мне, что к чему, и я целых двадцать два пункта написала. Последний пункт был о развитии тлей. Мне тли так понравились, что я сама без папы построила фантастическую теорию. Таня меня все подбивала про эту теорию написать в рецензии, чтобы проверить, будет ли Вадим вообще читать мой «труд» или он просто так мне всякие задания выдумывает.

Но о своей теории я писать все-таки не стала. Мне не хотелось, чтобы Вадим Андреевич смеялся надо мной. А теперь я об этом жалею, потому что папа решил, что у меня какие-то необычайные способности к биологии. А я хочу быть актрисой. Правда, мне не верится, что это когда-нибудь будет, потому что у меня нет внешних данных. Мама считает, что я могла бы играть характерные роли. Но я не хочу характерные. Я хочу играть героинь: Катерину в «Грозе» или Чайку Чехова. «Чайка... чайка... Я чайка?»

...Если бы меня спросили: Кирилл или сцена, я бы выбрала сцену.

Сколько раз вчера я ходила мимо его дома? Один раз, когда ехала в школу, второй раз — из школы, третий раз, когда пошла в магазин, четвертый — из магазина. Вечером Таня ко мне приехала. С ней мы прошлись раз пять. Итого — девять раз. Может, Кирилл заболел? А может, уже уехал в археологическую экспедицию? Но как же он не зашел попрощаться с папой? Сегодня двадцать пятое, понедельник. Я ставлю в календарь еще один черный крест. Больше двух месяцев Кирилл не приходил. Таких перерывов ни разу не было. Хотя вот: январь и февраль — тоже одни черные кресты. Правда, в середине января стоит красный квадрат. Это я его встретила на улице, и мы долго-долго гуляли. Я еще тогда в яму попала, и Кирилл мне сказал: «Ты ничего не видишь». Я ему ответила: «Я только ям не вижу». А он повторил: «Нет, ты ничего не видишь». Я Любе рассказала, а она говорит, что это ничего не значит. А по-моему, Кирилл хотел мне намекнуть, что я не вижу, как он ко мне относится. С Любой вообще трудно: она говорит, что я все переворачиваю так, как мне хочется. Она не верит, что я нравлюсь Кириллу. Она считает, что он ко мне относится просто как взрослый к ребенку. Неужели это правда? Иногда со стороны гораздо лучше видно. Вот я же вижу: Люба Максу нравится. Только Макс почему-то

очень странно себя ведет. Я уверена, что Люба долго не выдержит такого отношения. Потому что Люба — не я. Это я могу любить четыре года без всякой надежды! И ждать, ждать!

Почему-то Кирилл всегда приходит к нам по понедельникам. Папа говорит, что у него есть расписание: к кому и по каким дням он ходит в гости, по каким дням в театр, в кино, на выставки. Папа все про Кирилла знает, Кирилл был его самым любимым учеником.

Я терпеть не могу людей, у которых все распланировано. А в Кирилле мне все нравится.

Таня уверена, что я в конце концов разлюблю Кирилла. А чтобы я скорее его разлюбила, она на него всякие дурацкие карикатуры рисует. Кирилл всегда носит кожаную одежду. У него все пальто кожаные, и кепка кожаная, и пиджак есть кожаный — он себе специально заказывал. Так Таня его изображает в кожаных рубашках, с кожаными волосами и кожаным сердцем. А еще она рисует, как Кирилл, уже с брюшком и беззубый, делает мне наконец предложение, но так как зубов нет и он шепелявит, то я его не понимаю.

...Телефон звонит... Это Люба. Голос странный.

— Что-нибудь случилось?

— Да.

— Что?

— Тут соседка ходит. Задавай вопросы.

— С Максом?

— Да.

— Был?

— Да.

— Поругались?

— Наоборот.

— Вы же не ссорились?

— Ну... в общем, все хорошо... Понимаешь?

— Понимаю...

— Совсем, совсем хорошо. Понимаешь?

— Понимаю.

— Целый час...

— Ты пела?

— Да, и не только...

— Разговаривали?

— Да... И молчали.

— Молчали?

— Ну, не так молчали... Я буду тихо говорить, слышишь? Он меня поцеловал. Слышишь?

...Я иду по улице... Нет. Пусть лучше я у себя дома. Стою в том углу. Лицом к стенке. Подходит Кирилл. Я чувствую, как он стоит сзади, и не поворачиваюсь. Потом вдруг поворачиваюсь, и Кирилл меня целует. Тогда я... даю ему пощечину. А вдруг я не сумею? И промахнусь... Все женщины дают пощечины, когда любят. Их же никто не учит.

Мама пришла. Надо спрятать календарь. До прошлого года я думала, что и папа и мама знают, как Кирилл ко мне относится. Потому что папа, когда я в пятом классе училась, сказал кому-то, а я слышала, что жена Кирилла еще в пеленках. И я решила, что папа говорит про меня, так как я на семь лет моложе Кирилла. А папа к тому же все время называл его моим женихом. Он и сейчас его часто так называет, но теперь-то я понимаю, что папа шутит, а тогда я думала, что Кирилл сказал папе, что он меня любит. И я все ждала, когда же Кирилл это скажет мне. Целых четыре года ждала. А в прошлом году я наконец спросила у мамы. И оказалось, что они ничего не знают.

Кажется, папа меня зовет... Встаю. Открываю дверь, вхожу в соседнюю комнату и сразу понимаю: что-то случилось.

Мама не сняла плащ. Она сидит в кресле и напевает: «Тру-ту-ту, тру-ту-ту...» Вообще моя мама никогда не поет. Когда мама начинает петь, у меня от ее голоса мурашки идут по спине. Мама поет, только если очень расстроена. Обычно это бывает, когда у нее неудача в суде. Моя мама адвокат. А мой папа историк. Но он всегда вникает в ее адвокатские дела и дает ей советы. Я тоже иногда даю советы, и тогда мама переглядывается с папой, и я понимаю — она надеется, что я стану юристом.

Но что же все-таки случилось? Папа ходит по комнате, сам себе что-то говорит и подергивает мизинцем правой руки. Папа всегда подергивает мизинцем, когда думает.

— Вот что, Ира.— Папа садится на стул.— Мама была сегодня в школе. Директор требует, чтобы ты перевелась в школу по месту жительства. Она считает, что, после того как

мы переехали на новую квартиру, ты стала хуже заниматься, потому что теперь тратишь три часа в день на езду.

Это новость! Вот, оказывается, почему мама поет.

— Ты пока не расстраивайся,— продолжает папа,— вопрос еще окончательно не решен. Но мне легче будет убедить директора после экзамена по дарвинизму. Ведь дарвинизм ты сдашь хорошо.

— Это ничего не изменит. Пятерка по дарвинизму — это все равно что пятерка по пению. Если бы это была математика или русский...

— Ну ты же всегда знаешь все лучше других! — Папа начинает раздражаться, мама перестает петь.— Дело твое. Можешь вообще не заниматься. Я прекрасно вижу, что происходит. То, что ты тратишь время на езду, все это так, но не в этом дело. Дело в твоих Танях, Любах, бесконечных никому не нужных разговорах, дурацких звонках по телефону. Можешь на меня так не смотреть. Я прав...

Когда папа сердится, лучше молчать. И я молчу. Я вижу, что мама хочет что-то сказать, но папа делает ей знак. Некоторое время он ходит по комнате, нервно подергивая мизинцем, потом снова садится и начинает уже другим тоном, тоном доверительным и участливым. Когда папа со мной так разговаривает, мне сразу становится спокойно.

— Давай разберемся. Ведь в тебе говорит сейчас просто дух противоречия. Ну, предположим, я не прав — биология не твое призвание, мама не права — ты не станешь юристом. Но для того чтобы поступить, как ты мечтаешь, в театральный институт, тоже необходимо окончить школу, и окончить хорошо! Теперь представь себе будущий год: выпускной класс, новые учителя, новое окружение! Уверяю тебя, все это будет гораздо труднее, чем просто начать хорошо заниматься здесь.

Иду по своему переулку. Вот дом, где живет необыкновенно лохматый мальчик, который очень нравится Тане, хотя она с ним не знакома. Неожиданно из его окна высовывается лохматая тетка. В руках у нее котенок.

— Тебе не нужен котенок? — спрашивает она.

А вдруг это мать Таниного мальчика? Упустить такой случай

невозможно. Таня давно просит меня как-нибудь познакомить с ним. Она говорит, что мне это сделать легче, чем ей, так как он мне безразличен. Мысль работает молниеносно. У меня уже есть кот, но ведь котенка я могу кому-нибудь отдать...

— Наши соседи хотели котенка. Правда, они любят совсем черных котят. Но я попробую их уговорить.

— Ой, как это было бы хорошо! Я тебя прошу, уж ты постарайся — уговори.

— Ладно, я постараюсь.

— Ну, а если они не возьмут?.. Ты только его не выбрасывай.

— Что вы! Если они не возьмут, я его обратно принесу.

— Обратно? — пугается мама Таниного мальчика и отходит от окна.

Я все испортила. Зачем я так сказала? Я даже не могу теперь подозвать ее к окну. Нельзя же крикнуть: «Подойдите, пожалуйста, мама Таниного мальчика!» И вдруг она сама возвращается. Теперь в руках у нее уже пять котят.

— Видишь, у меня их сколько? А ты говоришь — обратно. Ладно уж, выбирай самого красивого.

— Хотите, я их всех раздам?

Я еле сдерживаю свою радость. Мать Таниного мальчика недоверчиво вглядывается в меня.

— Если бы ты правда могла это сделать...— говорит она наконец неуверенно.— Я сегодня уезжаю в командировку. Очень надолго. А мой сын остается совсем один. И тут еще эти коты!

Так он действительно ее сын! Я — гений!

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я их всех, всех раздам. Честное слово! У меня есть подруга Таня. Завтра мы с ней вместе придем за котятами.

— А вы не могли бы сегодня?

— Сегодня? Нет, у нас завтра экзамен. Мы тогда сразу после экзамена придем.

— Ну хорошо. Я уезжаю, но мой сын будет вас ждать. В пять часов. Его зовут Виктор. Постой! А ведь одного котенка ты собиралась взять сейчас!

Иду домой. Котенок сидит у меня в кармане жакета. Выглядывает только голова, пушистая, серая с голубым отливом.

И глаза у котенка тоже голубые. А уши расположены скорее на шее, чем на голове. Очевидно, уши у котят с возрастом мигрируют. Если брать каждый день по одному котенку, у Тани с Виктором будет пять свиданий!

А я сейчас зайду домой, переоденусь и пойду к Кириллу. Я ему отнесу этого котенка. Я бы ни за что просто так не пошла к нему. Но ведь я приду по делу, и в этом не будет ничего особенного.

Интересно, если бы Кирилл узнал, что у меня так со школой получилось, он бы огорчился?

А вдруг бы даже расстроился?.. Один раз, когда я еще совсем маленькая была, папа при Кирилле начал меня ругать. Так у Кирилла лицо все перекосилось, и он вступился за меня.

Я сегодня так испугалась, когда папа сказал, что знает, почему я перестала заниматься. Я решила, что он про Кирилла догадался. А он про Таню и Любу. Уж Таня-то здесь совсем ни при чем. Знал бы он, сколько она сил тратит, чтобы я перестала думать о Кирилле и занималась! Только уж с этим ничего поделать нельзя. Не думать о Кирилле я не могу.

...А ведь женская школа нашего микрорайона находится прямо напротив дома Кирилла. Значит, я смогу целыми днями смотреть на его окна. И предлог у меня будет ходить мимо его дома. Как же это мне раньше в голову не пришло?

А Таню и Любу я буду видеть после школы.

Окна у нас открыты. Значит, родители дома. У меня не хватит терпения ждать, пока они уйдут в театр.

Может быть, не заходить домой?

Но мне так хочется надеть розовое платье! Оно новое, Кирилл его еще не видел. У этого платья бока в оборках, и талия получается очень тонкая. И потом, когда я надеваю что-нибудь новое, я меньше сутулюсь. Даже сама не знаю почему. Когда Кирилл мне сказал: «Слабó тебе ходить прямо», я сначала на него обиделась. Но потом я подумала и решила, что ведь это, наверное, даже очень хорошо, если ему хочется, чтобы я ходила прямо. Надо будет еще ленты розовые заплести...

На лестничной площадке слышно, как мама с кем-то разговаривает по телефону:

— Так вы ей скажете? Я вас очень прошу. Нет, мы бессильны. Поможет. Я уверена. Всего доброго.

Вставляю ключ в замок. Мама обрадованно:

— Постойте, Кирилл!

Вздрагиваю и замираю, боясь пропустить хоть одно слово.

— Ира пришла. Так мы оставим вам книгу. Вы сейчас зайдете? Нет, нас уже не будет. Мы очень торопимся.

Платье! Нет, раньше причешусь. Нет, умоюсь. Причесаться на прямой или на косой? Лучше на косой.

Были бы у меня такие волосы, как у моей мамы, я бы каждый день новые прически делала. Уж вьющиеся-то волосы мама могла бы мне «передать». А то палки! И остричь не разрешают.

Косы получились неодинаковые. Переплести? Лента мятая будет. Ладно, пусть так остаются. Снимаю босоножки, надеваю лодочки. На столе еще успею убрать?

Звонок. Подхожу к дверям.

— Кто тут?

— Чужие.

Открываю и отхожу. Прислоняюсь к стене. Чуть-чуть запрокидываю голову назад. Так мне больше идет. Нос выглядит короче. Дверь приоткрывается. На пороге Кирилл.

— В этот дом пускают?

— Пускают,— отвечаю я,— вам папа книжку оставил.

— Прекрасно, я за ней и зашел. Ты чего к стенке прижалась, «чужих» боишься?

Приходится отойти от стенки и вернуть голову в нормальное положение. Если стоишь не у стенки, запрокинутая голова очень уж неестественно выглядит.

В комнате Кирилл не садится. Он берет со стола книгу, молча перелистывает ее и кладет в портфель.

— Сейчас отвезу. Звонил товарищ, она ему срочно нужна.

Мне уже абсолютно безразлично, как я держу голову, как выглядит мое платье, прическа... В мыслях у меня только одно: сейчас он уйдет. Еще несколько минут, и его уже здесь не будет. И я опять начну ждать дни, недели, месяцы...

— О, у вас, кажется, прибавление семейства!

— А это ваш котенок.

— Как — мой?

Я ужасно довольна. Хоть на одну секунду, но Кирилл удивился. Видел бы папа! Он считает, что заставить Кирилла удивиться не может никто.

— Серьезно, возьмите котенка. Мне нужно раздать пять котят.

— Это что же, новая форма подготовки к экзаменам?

— Почему?

— У тебя же завтра экзамен.

— Откуда вы знаете?

— По радио передавали.

Так вот почему он торопится уйти! Мама ему сказала, что у меня завтра экзамен.

— Я все равно не сдам.

— Почему так?

— Не могу заниматься...

Кирилл молчит.

— А знаете, говорят, девочки опять будут с мальчиками учиться.

— Неужели?

Я не могу, чтобы Кирилл сейчас ушел. Что-то надо сделать... А если показать коробку?.. Нет, это безумие! Все равно. Покажу! Неужели действительно я это сделаю?

Подхожу к письменному столу, открываю нижний ящик. Вынимаю коробку. Кирилл пока не может догадаться, что это: коробка завернута в газету. Ее еще можно спрятать обратно. Развернула газету... Узнал? Я не смотрю на Кирилла. Я не знаю, узнал ли он. Для этого он должен помнить коробку конфет, которую подарил мне пять лет назад.

— Как ты думаешь...— Кирилл держит в руках конфету.— Как ты думаешь, в них нет червей?

В конфетах червей не бывает. Только этого не надо говорить. Это и так ясно.

— Не сердитесь... Знаете, почему я их... не съела?

Кирилл возвращает конфету на место.

— Знаете? Только скажите — да или нет?

— Учись.

Я стою и молчу. Хорошо, хоть в классе нет девчонок. Вадим Андреевич вызвал меня отвечать последней. Отвечать... Я не отвечаю. Я молчу.

— Морозова, вы учили?

Я выучила все билеты до единого. А почему сейчас ничего не могу вспомнить — не знаю. Я вижу картину: впереди совсем маленькая лошадь, за ней побольше, за ней еще больше. Кроме этого, я ничего не помню. Кто изучал предков современной лошади? Что он открыл? Когда это было?..

Неужели я не получу «отлично». Мне очень нужно получить «отлично». Очень нужно! Если бы только Вадим мог знать, как это мне нужно!

Вчера Кирилл ответил мне: «Учись». Значит, мне надо только вырасти, и все будет хорошо. Я решила позвонить ему сегодня и сказать: «Я получила «отлично». Он бы понял: я слушаюсь его, я расту, я учусь. А теперь вместо этого он узнает, что я на экзамене провалилась. Папа ему это расскажет обязательно. Мои родители Кириллу все рассказывают... Все рассказывают?.. Ах, вот оно в чем дело!.. И тут я вдруг понимаю, что я просто кретинка! Но какая! Ведь это же мама попросила Кирилла подействовать на меня, чтобы я учила. Поэтому он так и ответил мне: «Учись».

Ну конечно, я же сама слышала, как мама по телефону говорила Кириллу: «Так вы ей скажете? Мы уже бессильны».

— О чем вы думаете, Морозова?

— О чем я думаю?.. Я думаю о лошадях...

— А сколько вы сегодня спали?

— Я вообще не спала.

— Понятно.

Дверь открывается. Входит наш директор, говорит что-то Вадиму и показывает на часы. Наверное, она проходила мимо и заглянула узнать, почему задержался экзамен. Вадим предлагает ей стул. Директор садится и снова что-то говорит Вадиму. По-моему, обо мне.

Вадим слушает ее, почтительно склонив голову. Ну их всех. Пусть говорят, что хотят. Мне теперь абсолютно все безразлично. Только не хочется больше здесь стоять. Может, взять да уйти?..

Директор кончила говорить и откинулась на стуле, взяла в руки карандаш. Приготовилась слушать. Вадим выпрямился.

— Итак, с первым вопросом мне все ясно.— Вадим Андреевич с силой ударил ладонью по билету.— Теперь ответьте: какие бывают типы индивидуального развития?

— Индивидуальное развитие бывает...— начинаю я только для того, чтобы что-нибудь говорить,— прямое и с превращением. Прямое развитие, например, у пауков, а с превращением — у бабочки.

— А какой тип развития у тлей?

Тля? Наверняка Вадим спросил про тлю потому, что я о ней писала в рецензии на диссертацию его друга. В школьном учебнике про тлей ничего не сказано. Но как он запомнил? Я же в рецензии о тле только вскользь упомянула.

— У тлей очень сложное развитие. Могу схему нарисовать.

Я вдруг решаю рассказать им свою теорию о тлях. Рисую. Кладу мел. Поворачиваюсь. Директор постукивает карандашом по стеклу стола. Вадим разглядывает схему.

— Откуда эта схема?

— Из Брема.

Вадим отрицательно качает головой.

— Я ее в другом виде нарисовала, чтобы можно было сравнивать.

— С чем?

Снова беру мел и под первой схемой рисую еще две. Одна изображает прямое развитие. Другая — с превращением. Сравнивая эти три схемы, можно сделать вывод: у тлей развитие с превращением.

Вадим уточняет:

— Вы хотели сказать — с неполным превращением.

— Нет, с полным,— настаиваю я,— потому что хотя здесь отсутствует куколка, но здесь есть партеногенетическое яйцо.

Слово «партеногенетическое» я еле выговариваю. Когда я только начала его произносить, Вадим зажмурился, а когда кончила, открыл глаза и улыбнулся.

— И вы знаете, что такое партеногенетическое яйцо?

— Это неоплодотворенное яйцо, из которого развивается тля.

— Правильно. Только партеногенетические яйца бывают и у других беспозвоночных. Ну хорошо, а почему же вы все-таки считаете, что у тлей развитие с полным превращением?

— Потому что личинка тли с помощью этого яйца превращается во взрослое насекомое.

Повторить слово «партеногенетическое» я не решилась. Но Вадим все равно зажмурил глаза. Продолжаю:

— Если личинка какого-нибудь насекомого совсем не похожа на это насекомое, то, для того чтобы в него превратиться, она... ну, делается куколкой... В куколке все ее органы разрушаются, становятся жидкими, и из этой «жидкости» развиваются органы взрослого насекомого. А вот если личинка так отличается от взрослого, что никакая куколка не может помочь ей превратиться во взрослое насекомое? Тогда личинка не будет превращаться в куколку, а отложит неоплодотворенное яйцо, из которого и разовьется взрослое насекомое. При этом у тлей из неоплодотворенного яйца не сразу развивается взрослая тля, а чаще всего развивается снова личинка, которая опять откладывает неоплодотворенное яйцо. И так происходит до тех пор, пока из какого-то энного неоплодотворенного яйца не развивается, наконец, взрослая тля.

Я уже кончила свою речь, а Вадим так глаз и не открыл. Директор держит руку у рта: по-моему, она просто зевает. Что меня дернуло затеять эту канитель с тлями? А впрочем, не все ли мне теперь равно...

Вадим наконец открыл глаза.

— А знаете, это все очень интересно. Только я хочу разобраться: значит, внутри одного цикла поколений тлей «взрослой тлёй» вы считаете только ту, которая откладывает оплодотворенные яйца, всех же промежуточных тлей вы считаете личинками, так?..

Я не понимаю, что происходит. Но кажется, Вадим находит, что теория моя верна? Очевидно, так, если он вдруг сейчас начал разъяснять ее директору... А я ведь заговорила о тлях только для того, чтобы хоть как-то протянуть время. Вадим Андреевич, кажется, что-то спрашивает меня. Слышала ли я что-нибудь о миграции у тлей? Да. Это переселение тлей с одного растения на другое. Связана ли миграция с партеногенезом? Чаще всего миграция тлей связана с сезонными переменами.

Я говорю «миграция», уже подражая Вадиму Андреевичу. Я говорю «партеногенез» и даже не запинаюсь. Вадим Андреевич задает мне вопрос за вопросом. Мои ответы он вмиг перестраивает в строго научные. Терминология «настоящей биоло-

гии» так сложна, что я в конце концов даже уже перестаю понимать, о чем идет речь. А Вадим Андреевич продолжает ставить все новые и новые вопросы. Он ставит их перед собой и передо мной одновременно. Потом он делает выводы, строит предположения. И мне начинает казаться, что мы с Вадимом Андреевичем здесь совсем одни.

— Постойте.— На миг Вадим Андреевич замолкает.— А ведь между вашими «личинками тлей» и «взрослыми тлями» нет тех необычайных различий, о которых вы говорите.

Вадим прав. «Необычайных различий» действительно нет. Но меня ничуть не смущает это обстоятельство. Мы с Вадимом Андреевичем решаем серьезную научную проблему, и нет ничего особенного в том, что не все сразу идет гладко. Сейчас мы подумаем, и кому-нибудь из нас в голову обязательно придет правильное решение.

Директор шепнула что-то Вадиму. Вадим улыбнулся.

— Ладно, этот разговор мы продолжим в другой раз,— говорит Вадим Андреевич, обращаясь ко мне.— А сейчас ответьте, кто же все-таки занимался изучением предков современной лошади?

— Ковалевский.

— Правильно. Вот и расскажите нам об этом.

...Вбегаю в телефонную будку. Набираю номер.

— Папа! Папа, меня оставляют в моей школе! Мне пятерку поставили! Знаешь, кто был на экзамене?.. Что?!

...Оказывается, директор сказала маме, что она придет сегодня на экзамен послушать, как я отвечаю. Но попросила мне не говорить. Так вот почему мои родители так волновались. Теперь я окончу свою школу.

Дождь пошел. И солнце. Грибной дождь, и такой сильный.

Би-та-я, тер-тая
сто
двадцать
четвер-тая...

Это гимн нашей школы.

Настоящий ливень! Бьет по спине, как молотками. На мостовой подпрыгивает на полметра. Я иду одна. Все под крышами стоят. И машин нет. На улице Горького нет машин! Один сплошной ливень. И еще я.

И еще тли... На листьях. Они обязательно должны здесь быть. Вот они. На нижней стороне листа. Совсем сухие. Как под зонтиком. Оранжевые, желтые, зеленые. Хотя тли и отличаются по форме, величине и по цвету, но у них у всех одинаковое выражение «лица». Безобидное, кроткое, покорное.

Ну и что из того, что внешне личинка похожа на взрослую тлю? Может быть, внутри, в каком-нибудь одном маленьком, микроскопическом месте она так от нее отличается, что без превращения никак не обойтись. Вадим Андреевич хочет мне какую-то книжку про тлей дать. Там, наверное, и внутреннее строение тлей описано. А ведь Вадим знал, что директор должна прийти слушать мой ответ. Он ждал ее и поэтому вызвал меня последней... И Кирилл знал... Но может быть, он просто воспользовался обстоятельствами? Ведь так бы он, наверное, никогда не решился сказать о своем отношении ко мне. Позвонить ему? Монета у меня есть... Нет, лучше потом позвоню. Сейчас мне хочется пробиваться сквозь этот ливень, петь и думать о тлях.

Би-тую, тер-тую
сто
двадцать
четвертую...

Люди стоят в парадных и смотрят на меня как на ненормальную. Действительно, наверное, очень смешно. Огромная улица. Я иду одна и пою. Дождь стучит по голове, по спине, заливает глаза, уши, бурлит в босоножках...

Глава II

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ МОЕТ ПОСУДУ

Птицы? Нет. К птицам я почему-то равнодушна. И темы по птицам неинтересные. Часами тупо сидеть в кустах и следить, что носят в клювах самки своим птенцам.

Рыбы? Рыбы интереснее. Но к ихтиологам стыдно идти. На последнем занятии сказали, что вообще-то я девочка ничего, только все рыбы у меня щучки. Это правда: я, сколько ни билась, так и не научилась различать рыб.

Остаются земноводные. Да, лягушку с тритоном не спу-

таешь. Какие темы по земноводным? Николай Иванович ничего не сказал о темах.

Пойти на Верхние дачи поговорить с ним? А по дороге зайти на почту: может, от мамы письмо пришло?

Письмо есть, только не от мамы, а от Виктора. На конверте вместо обратного адреса нарисован котенок. Это значит, у Витькиной кошки снова родились котята и их надо раздавать. За три года мы с Танькой раздали тридцать шесть котят.

Здравствуй, Ирочка!

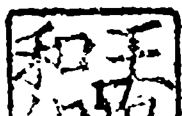
Твое письмо получил вчера и до сей поры не могу поверить, что ты смогла вместить на семи страницах столько невероятной глупости. Извини меня, но я постараюсь, насколько возможно, доказать тебе это. Буду приводить твои, так сказать, этапные фразы и отвечать на них.

1. «Не понимаю, зачем ты называешь меня «свет Григорьевна», когда я вовсе не Григорьевна. Что ты этим хочешь сказать?»

Ира, дорогая, да я ничего этим не хотел сказать, кроме того, что сказал. Мне нравится называть тебя «свет Григорьевна», и я не знаю, что в этом может быть обидного. Называю же я Таню «букой», и она не обижается. А ты называешь меня «рептилией». А когда я имею удовольствие с тобой общаться, по сто раз говоришь мне «дурак», уверяя, что это твое самое ласковое слово. Но будет об этом. Теперь перейдем ко второму.

2. «Что же ты обо мне думаешь, как о будущем ученом, если считаешь, что я должна выбирать кафедру в зависимости от того, какую кафедру выбрали мои друзья?»

Либо я в своем письме действительно неясно выразился, либо ты не приложила никаких усилий, чтобы понять то, что я хотел высказать. Перед тем как послать тебе это злополучное письмо, я лежал и вспоминал, как я, ты и Таня поступали в университет, как мы жили на первом курсе в Чашникове. И мне стало жаль, что практику второго курса проходят по кафедрам! Я пожалел (ну может человек пожалеть? Неужели за это на него должно обрушиться то, что обрушилось на мою бедную голову), я пожалел, что ты не пошла на кафедру биохимии вместе с Таней, вместе с половиной нашей

группы и вместе со мной, в конце концов! И что ты на практике сейчас не в Москве вместе с нашими, а в Звенигороде с малознакомыми тебе людьми. И ты же сама писала мне, что скучаешь по группе. А если говорить серьезно, то я уверен, что ученый из тебя выйдет хороший, но на кафедре высшей нервной деятельности ты не останешься.

3. О сестрах.

Я написал, что у меня теперь есть две сестры: ты и Таня. Что я имел в виду?

Ты и Таня ко мне очень хорошо относитесь. Считаете ли вы себя моими товарищами или нет, не знаю. Но я могу видеть как в Тане, так и, в особенности (говорю без лицемерия, зачем мне оно нужно?), в тебе хороших товарищей. Если тебя это возмущает, что ж, извини, я тебе об этом больше не буду говорить. Эх, свет Григорьевна! Как бы я разгромил тебя, если бы мы не переписывались, а разговаривали.

Маме кто-то все-таки сообщил, что кость неправильно срастается и меня снова положили в больницу. Безобразие, ведь она в такой ответственной командировке.

Ну, пока. Желаю тебе разубедиться в своих выводах и сделать хорошую работу.

Жду ответа в твоем духе: испепеляющего.

Представляю, какие у тебя сейчас глаза! Наверное, вот такие.

Дальше нарисованы огромные, круглые, возмущенные глаза и надпись:

Глаза самые что ни на есть характерные для Ирины свет Григорьевны.

Виктор.

Лаборатория земноводных расположена в одноэтажном деревянном доме на Верхних дачах. Николая Ивановича в лаборатории нет. У окна за столом сидит студент.

— Вы не знаете, где Николай Иванович?

— Скоро будет.

Сажусь, жду.

Чашниково. Да, это было в прошлом году в это же время. Витька определял нам с Таней растения. Он их здорово знал. Называл любое по-латыни без всяких определителей. А над рус-

скими названиями задумывался. Из-за него до сих пор я не умею пользоваться определителем.

«Представляю, какие у тебя глаза...» Дурак... «Если говорить серьезно, ученый из тебя выйдет хороший». А я не то что работу сделать, темы еще никак не могу выбрать. На работу дается всего девять дней. Это действительно очень мало. Как зовут этого парня? Он, кажется, из бывшей третьей группы. Рассматривает головастиков под лупой. Наверное, взял работу по земноводным.

— Простите, вы не знаете, какие темы у Николая Ивановича?

— Нет, не знаю.

— Вы еще не разговаривали с ним о темах?

— Николай Иванович сказал, чтобы я сначала научился по определителю различать головастиков.

— А это сложно?

— Не очень.

— Научите меня. Только... как вас зовут?

— Сева.

— А меня Ира.

Пересаживаюсь к лупе. Смотрю на головастика. Головастик лежит на спине.

— Головастиков различают по числу рядов роговых зубчиков,— объясняет мне Сева.— У этого головастика четыре ряда, значит, это головастик травяной лягушки. А если бы здесь было три, то это был бы головастик озерной лягушки.

— И все?

— Все.

— А для чего эти зубчики?

— Это «молочные зубы» головастика.

— У вас здесь только головастики травяной лягушки?

— Да.

— Можно, я еще посмотрю на какого-нибудь головастика?

Головастики плавают в кристаллизаторе. Это большой стеклянный сосуд. Вылавливаю одного головастика и кладу на часовое стекло. Часовое стекло действительно похоже на стекло от карманных часов, только оно несколько больше и сильнее вогнуто. Головастик кружит по часовому стеклу, и я никак не могу препаровальной иголкой перевернуть его на спину.

— Такого трудно перевернуть. Надо было взять головастика побольше. Отлейте воду и переворачивайте двумя иголками.

Головастик скользит под иголками. Наконец перевернулся. Считаю: раз — ряд, два — ряд. Головастик отсвечивает. Больше рядов не видно. Верчу зеркальце лупы и направляю свет по-другому. Опять считаю: раз — ряд, два — ряд. Нет, здесь только два ряда, а не четыре.

— Сева, а у этого головастика почему-то только два ряда зубчиков, а не четыре, как, вы сказали, должно быть у головастиков травяной лягушки. Смотрите.— Я отодвигаю голову от глазка лупы и придерживаю рукой часовое стекло, чтобы головастик не исчез из поля зрения. (Сева нагибается, смотрит в глазок.) Видите?

— Вижу.

— Может быть, в этом кристаллизаторе головастики не только травяной лягушки?

— Нет, Николай Иванович сказал, только травяной лягушки.

Как странно: я просматриваю одного за другим головастиков — у всех разное число рядов. И вдруг мне в голову приходит очень простая мысль.

Здесь плавают головастики разных возрастов! Поэтому и число рядов зубчиков у них тоже разное. Но тогда... Тогда существующий определитель не годится. Им нельзя пользоваться.

— Сева! Великолепная тема для самостоятельной работы: составить определитель головастиков с учетом их возраста. А что? Посоветуйтесь с Николаем Ивановичем, может быть, действительно вам стоит взять такую тему?

Удивительно! Этот парень все время смотрит вниз, может быть, он недоволен моим внезапным вмешательством?

— Что ж, можно взять и такую тему,— отвечает Сева,— только тогда уж вместе с вами...

Тема Николаю Ивановичу понравилась. Оказывается, он так и предполагал: стоит покопаться в головастиках, и тема родится сама собой. Он только посмеялся, что мы собрались составить определитель головастиков за девять дней. Сказал, если мы

успеем описать развитие только головастика травяной лягушки, и то это будет очень ценно.

Развитие травяной лягушки, начиная от икры и кончая взрослой особью, мы с Севой разбили на пятнадцать стадий. Каждую стадию решили описывать и зарисовывать. Два дня рисовали вместе. Одни стадии рисовал Сева, другие я. Но потом Сева сравнил рисунки и свои разорвал. И вот уже три дня я рисую одна. Сижу целыми днями. Только утром мы ходим, ищем по прудам икру травяной лягушки. У нас нет ранних стадий.

Я рисую очень медленно, и мне кажется, что Сева недоволен моими темпами. Сам рисовать отказался, а от меня хочет, чтобы я рисовала и хорошо, и быстро. А я быстро не умею. Если бы Сева переделывал, как я, каждую линию по двадцать раз, уверена, он рисовал бы ничуть не хуже меня. Но может быть, мне только кажется, что он недоволен! Вообще его трудно понять. Он как-то больше со мной молчит. Я сначала думала, что он вообще такой скучный и молчаливый. Но тут есть девочки из его группы, он с ними проводит все вечера, и, по-моему, довольно весело. Сегодня утром у меня с Севой из-за них произошло даже небольшое столкновение. Дело в том, что, когда я вместе с Севой прохожу по территории биостанции, эти «Севины девчонки» просверливают меня глазами. И мне ужасно неловко, что я тащусь каждый раз за Севой сзади. Ведь если бы не работа, я бы не ходила. Очень надо! Сегодня утром, когда мы входили на биостанцию, я опять увидела, как «Севины девчонки», завидев меня, стали подталкивать друг друга локтями. Тогда я сказала Севе, что на территории биостанции он должен ходить со мной рядом. Завтра мы опять пойдем за икрой и, сколько еще будем ходить, неизвестно. Если мы не найдем икры, то работу нельзя будет закончить. У нас есть семь последних стадий, а семи первых нет. Сейчас я рисую четырнадцатую стадию и уже совершенно замучила головастика. Через серебристо-зеленый покров живота у него золотистой спиралью просвечивает кишечник. Это надо нарисовать, а у меня не получается. Стираю, рисую, опять стираю. И так уже четыре часа подряд.

Для того чтобы головастик лежал на спине неподвижно, надо, чтобы он лежал почти совсем без воды. Через каждые пятнадцать минут я даю головастику «отдохнуть»: наливаю в часо-

вое стекло воду. Несколько минут головастик плавает. Потом я снова сливаю воду, переворачиваю его на спину и продолжаю рисовать.

— К вам можно?

К Севе пришли девочки из его группы.

— Ира, тебе письмо. Сева, ты выйдешь с нами?

— Сейчас. Только вот домою.

— Что это, как мы ни придем, ты все моешь часовые стекла?

Сева краснеет. Оставляет часовые стекла, выходит.

Письмо от Тани.

Ирочка!

У меня все ужасно. Хотела к тебе приехать, но эта практика такая трудная, что мы сидим в университете с утра до вечера. Может быть, ты приедешь в Москву? Витька прислал мне письмо. Я в нем ничего не понимаю. Пишет о каких-то сестрах. Я ему написала письмо. Но не отослала! Буду ждать твоего решения. Только отвечай скорее! В письме я написала о своем отношении к нему (ты знаешь каком) и чтобы он ответил, как он относится ко мне и к тебе. Отсылать мне письмо или нет? Правильно посоветовать можешь только одна ты.

Жду ответа. Обязательно. Поняла?

С твоим Севой я один раз в прошлом году разговаривала. В коридоре. Долго. Он мне не понравился. По-моему, много о себе мнит. Жду ответа. Срочно!

Таня.

Входит Сева.

— Ира! Два часа назад на Сером озере видели икру!

— Надо идти. Но я должна дорисовать. Ты пока соберись. Хорошо?

— Лупу брать?

— Да. И часовые стекла не забудь.

— Тебе банка эта еще нужна?

— Нет. Но вода нужна.

— Воду я солью в кристаллизатор. А ведь действительно, я только и делаю, что мою у тебя посуду.

— Знаешь что! — Я отрываюсь от лупы. Смотрю Севе прямо

в глаза.— Мне очень интересно, зачем эти девочки приходят сюда каждый день?

Сева краснеет. Очевидно, у него близко расположены кровеносные сосуды.

Серое озеро. Я сижу на берегу. А Сева в болотных сапогах бродит по воде. Болотные сапоги высокие, доходят ему до бедер. У верхнего края сапог сбоку есть петли. Ремень, продетый в петли и стянутый в поясе, не должен давать сапогам спускаться. Но Сева почему-то ремень не надевает. А чтобы сапоги не спускались, петли держит в руках. Спотыкается: руки заняты и равновесие удержать трудно. Икры нет.

«Моет посуду». Я же не заставляю его мыть. Я сама могу великолепно вымыть эти несколько часовых стекол. Дело не в этом. Дело в том, что я рисую, а ему нечего делать. Но я в этом не виновата... Он сам отказался рисовать. И мы в конце концов будем еще вместе писать эту работу.

Сева все ходит и ходит. Может, девчонки подшутили над ним и здесь нет никакой икры? Что они в нем нашли? Сутулый, неловкий. Глаза, правда, красивые, но тоже странные — слишком сосредоточенные. И потом, их же не видно, он всегда смотрит вниз. Ну, Галя, понятно, в него влюблена. Вероятно, из-за этого она такая прибитая. А другие? Правда, может быть, они приходят к Севе ради Гали. Меня же таскала Танька за собой всюду, где можно было встретить Виктора.

И все-таки я их не понимаю. Ведь Сева еще совсем маленький. Кажется, он шестнадцати лет поступил в университет с золотой медалью. Сын членкора и правнук академика. Теперь я хоть знаю, почему девчонки между собой называют его «правнук». Несчастный Сева — все его как-нибудь называют. Я его про себя называю Редибунда — это по-латыни «озерная лягушка». А все потому, что я в последнее время либо смотрю в лупу на головастиков, либо на Севу, и мне уже кажется, что рот у Севы тоже образовался из рядов роговых зубчиков. Я один раз себе это вообразила и теперь никак не могу от этого отделаться. Танька говорит, что когда я чем-нибудь занимаюсь, то уже ничего другого вокруг не вижу. Она меня так и называет: Абажуркин, Форточкин, Пятеркин, а сейчас я, наверно, Рисовалкин.

Вчера случайно зашел разговор с Николаем Ивановичем о кафедрах. Почему я пошла на ВНД — кафедру высшей нервной деятельности? Я ответила: чтобы изучать механизмы процессов. Он мне возразил: тогда уж лучше было пойти на биохимию. Я услышала про биохимию и взорвалась. Сказала: хочу заниматься животными, а не выжимками из них. Глупо так вышло. Николай Иванович, наверное, решил, что я просто дура. Жаль. Он такой замечательный ученый. К нему на лекции ходят студенты со всех кафедр.

Не понимаю, почему все так против кафедры высшей нервной деятельности? Витька уверен, что я не останусь на этой кафедре. Один папа доволен моим выбором. Он считает, что на этой кафедре все мои способности найдут применение: во-первых, научное мышление, которое он открыл у меня еще в девятом классе; во-вторых, по его мнению, я хотела стать актрисой из любви к психологическому анализу. В-третьих, пригодится моя изобретательность. Я действительно изобретательна. Последним моим изобретением была форточка в Витькиной комнате. Я прибила к оконной раме палку с веревкой на пружине. Надо было потянуть за веревку, а потом отпустить. Палка ударяла в форточку, и форточка открывалась. Это я сделала до того, как Витьку забрали в больницу. Он лежал дома один, и ему нельзя было подниматься.

А вот в работе с головастиками изобретать мне ничего не пришлось. Может быть, изобрести способ нахождения икры? Ведь без икры работу нельзя закончить.

— Икра! Икра!

Вскакиваю. Хватаю банку. Бегу. Сева стоит недалеко от берега. Но протянуть руку за банкой не может: в левой руке у него ветка, на которой икра, а в правой петли от сапог. Что же делать? Сбрасываю туфли.

— Здесь тина.

Надеваю туфли, бегу в лес. К длинной палке поясом от платья привязываю банку. Бегу обратно, протягиваю палку. Банка опускается на воду прямо у Севиной руки.

Зародыши в икринках разные: круглые, овальные, продолговатые. Это оттого, что они развиваются. Вокруг каждого зародыша большой шар прозрачной слизи.

Вылупившиеся головастики похожи на коротенькие сухие палочки. Присосками они прикреплены к листьям.

Прямо с листьями Сева вложил их в банку.

— В Шарапово! — кричит Сева.

— В Шарапово! — кричу я.

И мы мчимся в Шарапово пить квас. Где это Шарапово, мы не знаем, знаем только, что Серое озеро находится на пути.

Церковь. Она стоит слева от дороги. Она наполовину разрушена. Возле церкви десяток могил с плитами и крестами.

— Смотри — наши фамилии,— говорит мне Сева, указывая на два креста.

Я смотрю на кресты. Да, на одном кресте написано — Морозова, на другом — Голицын. Поразительно!

— Послушай, Морозова, по-моему, они были соавторами.

— И Морозова перегрызла Голицыну горло?

— Не исключено. Вот что, Морозова, давай залезем на колокольню и посмотрим, где, наконец, это Шарапово.

Шарапово, оказывается, совсем рядом, за крохотным леском. С колокольни оно хорошо видно. Даже будка, в которой продают квас. Только будка закрыта. У Севы по-детски надутое, обиженное лицо. Словно кто-то ему назло закрыл будку. И чего мы потащились в это дурацкое Шарапово! Обратно теперь, наверно, километров пятнадцать идти.

— Хоть бы колокола на этой колокольне были.

— Зачем тебе колокола? — удивляюсь я.

— А у меня с детства мечта — ударить в колокол.

Обратно идем рядом. Может быть, возымела действие моя утренняя просьба? Сева беспрерывно говорит. Обсуждается все на свете. Музыка, биофизика, литература, математика. И вдруг совсем неожиданно:

— Николай Иванович считает, что ты прирожденный эмбриолог.

— Да ну! А еще что он считает?

— Еще он считает, что ты витаешь в небе и тебя надо спустить на землю.

Я готовлюсь к докладу. Готовлюсь, лежа на кровати. Я устала. Два дня назад я наконец закончила все рисунки, и мы

начали писать работу. Писали целыми днями с утра до ночи. Измучилась я с Севой ужасно. Но что такое Сева, я, кажется, наконец поняла. Он способный мальчик, все схватывает на лету и поэтому привык прыгать по верхам, ни во что глубоко не вникая. Когда мы писали доклад, я переделывала каждую фразу по тридцать раз, добиваясь точности выражений и ясности мысли. Севу это возмущало. Видите ли, он бы один написал весь доклад за двадцать минут. По его мнению, эта тема не стоит такой затраты сил и времени. А я считаю, что в любом, самом незначительном явлении можно найти все законы жизни. Надо только уметь искать. У Севы же на это нет терпения. Вчера я узнала, что Сева хорошо играет. Музыкальное училище даже рекомендовало его в Консерваторию. А он не пошел. Решил, очевидно, ограничиться мечтой о колокольном звоне. Папа говорит, что из людей, способных ко всему на свете, часто ничего не выходит.

Но работа все-таки получилась у нас как будто ничего. Даже Сева, прочитав сегодня, сказал: «Здорово!» Теперь самое главное — завтра сделать хорошо доклад. Конечно, Сева считает, что это неважно: работа сама за себя должна говорить. Но Сева может считать все, что ему хочется. Доклад буду делать я. Сейчас из всего написанного я его скомпоную и потом выучу наизусть.

— Она здесь!

Оборачиваюсь. В дверях палатки Севины девочки. Они пришли за мной. Я совсем забыла. Сегодня на семь часов назначен общий сбор: упаковка лекарственных трав. Что же делать? Я и так не успеваю подготовиться к докладу.

— Зачем тебе готовиться? — говорит мне Галя.— У тебя же есть Сева. Он еще ни к одному докладу никогда не готовился. Севе не надо готовиться.

Какое счастье, что я уже ни в кого не влюблена. Я хотя бы вижу людей такими, какие они есть. А не выдумываю их, как когда-то выдумала Кирилла.

— Хорошо, я сейчас приду.

Дверь палатки снова загибается. В палатку кто-то входит. В пышном платье, с огромной сумкой... Так это же моя Таня!

— Здравствуйте, девочки! Как у вас тут чудесно! С Москвой не сравнишь!

Таня подходит к моей тумбочке и начинает вынимать из сумки какие-то банки, кульки, свертки.

— Это все мытое, ешьте, девочки. Черешня мелкая, но вкусная. Клубника мятая, но тоже ничего. От ягод не полнеют. Вы тут, наверно, тоже перестали есть? Как, разве вы не знаете, что к Международному фестивалю молодежи все москвички решили похудеть? Поэтому ничего не едят. И волосы начали отращивать. А я уверена, что мода к будущему году изменится и все иностранки приедут в Москву бритые.

Один из свертков Таня быстро прячет под мою подушку.

— Это тебе. Потом посмотришь. Кстати, твоя Люба тоже волосы отращивает.

— Ты ее встретила?

— Да. С полной сумкой брюссельской капусты. Оказывается, Макс ужасно любит есть, особенно брюссельскую капусту. А кроме того, у них много новых удивительно интересных друзей, и все они тоже любят брюссельскую капусту. Кривляка все-таки твоя Люба. И я уверена, что она выдумывает, будто не может петь, потому что у нее горло болит. Просто она прекрасно понимает: никакая певица из нее не получится.

— Перестань! Как ты можешь?

— Она говорит, ты нашла ей врача, который обещает укрепить ее прелестный голосок? Зря ты это сделала. Вот увидишь, она всю жизнь провозится с врачами, а в результате останется вообще без специальности. Ладно, проводи меня. Я приехала всего на пятнадцать минут на машине Федорова. Федоров остается, а машина идет обратно.

— Федоров приехал? Значит, он будет на докладах!

Это говорит Галя.

— Девочки, не бойтесь,— успокаивает Таня.— Федоров абсолютно прелестный дядька. Я сегодня не думала ехать. Ведь уже поздно. А остаться на ночь я не могу. У нас с утра занятия. Я хотела завтра приехать. Но Федоров ходил по всему биофаку и спрашивал, кому нужно в Звенигород. Всю дорогу он шутил и рассказывал анекдоты. Не предполагала, что академики такие. Ира, пойдем к машине, а то она уедет без меня.

Выходим все вместе. Девочки идут в одну сторону, а мы с Таней в другую. Я думаю о Любе и о Тане. Я давно уже поняла, что Таня просто ревнует меня к Любе. И в школе ревновала.

Неужели же она никогда не вырастет и не поймет, что это глупо?

— Я от тебя ничего не получила,— говорит Таня.

И только тут я вспоминаю, что должна была написать Тане свое мнение о ее письме к Витьке. Как же это я забыла? И вот она примчалась в такую даль на пятнадцать минут.

— Ладно, я сама все решила и сегодня утром отнесла Витьке в больницу это письмо. И вот ответ. Прочти.

Таня протягивает мне листок. Почерк Витин.

Таня, мне трудно сразу ответить на твое письмо. А ты внизу ждешь. Скажу пока только одно. Ты же знаешь, что ты моя бука. Ну а Ира, она просто очень хорошая девочка, и я ей очень за все благодарен. Скоро увидимся.

Виктор.

«Благодарен...»

— Ну что ж, Таня, по-моему, все великолепно.

— Правда? Ты так считаешь? Мне самой понравилось. А если уж ты говоришь!.. Знаешь, я в прошлое воскресенье, когда была у Витьки в больнице, разговаривала с ним о тебе. Рассказывала про Севу и про твоих головастиков. Мне было интересно, как он отреагирует. Он слушал, слушал и очень серьезно вдруг сказал, мне даже понравилось: «Ира далеко пойдет».

— Да?.. Что-то я хотела тебе сказать. Вот что. Приедешь в Москву, позвони моей маме. Скажи, что ты здесь была и что у меня все хорошо. Гудок. Это тебя. Идем.

Подходим к машине. Прощаемся.

— Я тебя люблю. Слышишь, Ирка? Хотя ты здесь совсем какая-то не такая... Зря я тебе показала письмо.

— Не говори чепухи. Я просто волнуюсь, потому что не успеваю подготовиться к докладу.

— Ладно, не сердись. Накрути волосы и выспись. Завтра, я уверена, ты им покажешь.— Таня садится в машину.— Я тебе под подушку положила шоколадку. Не засни на ней.

Машина отъезжает. Я стою одна...

Я думала, у меня есть друг... брат. Конечно, и совсем чужому можно помочь, когда он болен. Но ведь мы с Витькой

дружили три года. И как дружили... Мне он писал, что я для него — сестра. А оказывается, он мне просто за все благодарен.

Попросить, что ли, Севу сделать доклад?

Четыре стола вынесены из столовой на улицу и составлены вместе в один узкий длинный стол. Вдоль стола справа и слева в несколько рядов поставлены скамейки. Народу много. Пришли студенты и преподаватели не только зоологических кафедр, но и ботанических.

В конце стола сидит академик Федоров. Прямо против него у другого конца стола стою я.

Докладываю. Докладываю уже минут пять. Говорю хорошо. Чувствую, что хорошо, по тому, как слушают. Недаром я хотела стать актрисой. Сейчас играю докладчика. Текст выучен наизусть, но говорю я его так, словно мысли рождаются на ходу. Говорю то быстро, то медленно. Важные места выделяю голосом, второстепенные пробегаю. Иногда останавливаюсь, задумываюсь.

— Седьмая стадия. Стадия хвостовой почки... Роговых зубчиков нет... Восьмая... глаза только начинают...

Описывая стадию, я показываю рисунок. Затем пускаю его по рядам.

— Девятая стадия... На этой стадии надо особо подчеркнуть...— Я понижаю голос и отчетливо произношу каждое слово: — Подчеркнуть перемещение анального отверстия.

Я переиграла? Нет, кажется, никто не обратил внимания.

Смотрю на Федорова. Он еле сдерживает смех.

— Девятая стадия... Десятая стадия...

Больше я уже ничего не подчеркиваю.

Заключительное слово. Его делает Федоров. Одну за другой он разбирает работы... Дошел до нашей.

— Разрешите сделать маленькое отступление. Я только что спросил у Николая Ивановича, каким образом авторами этой работы была обнаружена ошибка в определителе головастиков? Оказывается, совершенно случайно — в процессе определения. Вы представляете себе, сколько людей до них пользовались этим определителем и ничего не заметили, прошли мимо такой, как теперь кажется, бросающейся в глаза ошибки. Что это значит?

Это значит, исследователь должен быть всегда, в любой мелочи внимателен и наблюдателен.

Теперь о самой работе. Она оставляет приятное впечатление. Хорошо сделаны рисунки. Интересно выбраны стадии. И доложена она была... вдумчиво. Надо сказать прямо: докладчик мне понравился.

Меня кто-то толкает в спину, кто-то в бок, наступают на ноги. Я никого и ничего не вижу. Смотрю под стол.

— Следующий доклад посвящен вопросу...

Все. Все... Не буду пока ни на кого смотреть. Так посижу. Чей доклад теперь разбирает Федоров? Кажется, Севиных девочек. Хвалит? Да. О чем-то я хотела подумать... Что-то было важное. Не помню. Надо слушать Федорова. Вспомнила. Казалось важное, а это вот что: завтра начну работу по ботанике. Тоже девять дней. Как странно бывает: я слушаю Федорова и ничего не слышу. А хорошо, что будет практика и по ботанике. Почему-то очень хочется сейчас еще что-нибудь здесь делать. Теперь уже есть опыт. Рисовать опять буду... И работать, работать. Это главное... Когда кончатся доклады, надо выпустить головастиков в пруд... и убрать лабораторию, там развал. Федоров говорит о Голицыне? Ничего не понимаю. При чем тут Сева? Ведь речь идет о докладе девочек. Ах, вот что, у Севы статья напечатана в каком-то сборнике. Ну и что же? То есть... я этого, конечно, не знала, но я не понимаю другого: при чем тут девочки? Нет, надо очнуться и слушать. Все. Слушаю.

— Очевидно, студентки взяли такую тему,— говорит Федоров,— потому что их увлекли интересные проблемы, поставленные в статье Голицына. Вот жаль только, что не были учтены сроки выведения птенцов. Полагаю, в дальнейшем...

Я сижу на опушке леса. Читаю Севину статью, о которой говорил Федоров. Она напечатана в академическом журнале.

Действительно, после такой работы наша работа о головастиках должна была показаться Севе чепухой. Неужели он знает столько языков? Здесь библиография на пяти языках. Если бы у меня была такая статья, представляю, как бы я о ней всем растрещала. А он?.. А он скромно мыл посуду. Надо же суметь такого Севу заставить только мыть посуду. И он ничего.

Ничего?.. Я, кажется, все начинаю понимать: он смеялся надо мной. Все это время просто смеялся. Увидел мое нахальство, отстранился от всего и решил посмотреть, что из этого выйдет. А теперь? Ведь работу Федоров похвалил?.. Работу похвалил — общую с Севой работу. А надо мной смеялся. Конечно, тоже смеялся. «Понравился докладчик!» — это же тонкий юмор академика. Почему-то больше ему никто не понравился. Одна я понравилась. Еще бы: с таким пафосом изрекла про анальное отверстие. Какой позор!

Сева идет с банками. С двумя. В банках головастики. Ищет меня, чтобы идти на пруд? Подошел. Увидел раскрытый журнал со своей статьей. Взял у меня из рук сборник, закрыл.

— Идем.

Глаза смеются? А кто их знает, может, и смеются. Беру одну банку.

Пруд. Сева выпускает головастиков из своей банки. А я сижу на песке. Пруд этот какой-то треугольный. С двух сторон деревья. А с третьей нет.

Сева возвращается.

— Давай твою банку.

— Нет. Этих я сама выпущу.

Прислонился к дереву.

— Сева, я хочу тебя спросить. Только ответь правду.

— Да.

— Что ты обо мне думаешь?

Сева молчит. Как всегда, он смотрит вниз. На траву. А я смотрю на Севу и мимо него. На деревья.

— Ты удивительная... Я таких не встречал.

Встаю. Беру банку. Иду к пруду. Нагибаю банку и подставляю под банку руку. Головастики, попав на мою ладонь, сначала кружат в ней, а потом соскальзывают в пруд. Они прохладные, нежные, пузатые.

Глава III

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ОЧЕНЬ ЛЮБИТ МАННУЮ КАШУ

Шесть часов утра. Электрички уже ходят. Быстро вылавливаю из кристаллизатора двух самок рачков артемий и выпускаю их в литровую банку с морской водой. Завязываю банку марлей.

Банку ставлю в сетку. Что еще? Пропуск. Еще? Деньги. Выхожу на крыльцо.

— Бабушка!

Бабушка поливает огурцы в огороде. Она не слышит.

— Бабушка, я уезжаю!

Бабушка поворачивается.

— Куда?

— В Москву. Очень нужно.

— Ты же не ела!

— Бабушка, не могу. Не сердись. Раки рожают!

— Кто рожает?

— Раки.

Я за калиткой. До станции ходьбы двадцать минут. Пятьдесят минут в электричке. От Киевского вокзала до Ленинских гор еще тридцать минут, в общем около двух часов. Лишь бы артемии не родили по дороге.

Я выхожу на узкую тропинку, которая тянется между забором пионерлагеря и канавой. Ночью был дождь, глину развезло. Идти трудно. Ноги скользят. Перепрыгнуть через канаву и пойти по дороге? Но прыгать рискованно. У меня в руках банка. А тропинка, наверное, никогда не кончится. Скольжу я уже бесконечно долго.

Наконец я выбираюсь на дорогу. Разжимаю руку, в которой была сетка. Рука от напряжения затекла. А как артемии? Пока все в порядке. Детенышей еще нет.

По сосновому лесу идти легко. Вода здесь сразу впитывается в землю. Надо решить, как лучше дальше пойти: вéрхом или низом. Внизу сегодня, наверное, грязь: под мостом разлился ручей. А вверху по шпалам прыгать с банкой тоже неудобно. Лучше уж низом.

Я выхожу к железнодорожному полотну и спускаюсь вниз на дорогу, идущую вдоль насыпи. Теперь до станции осталось ровно два километра. Заглядываю в банку. Артемии спокойно плавают.

Интересно, кто сейчас на кафедре? Сегодня вторник. Николай Иванович по вторникам, кажется, бывает с утра. Но все равно. Я сначала умертвлю рачков с помощью фиксатора буэна — зафиксирую их. Потом покрашу в кармине, потом сделаю препарат. И уже с готовым препаратом приду к Николаю

Ивановичу. Хорошо бы сказать ему ту фразу, какую обычно любит говорить он: «Угадайте, ради чего сделан этот препарат?»

Догадается ли Николай Иванович, что красные точки, просвечивающие сквозь зародышевую сумку артемии,— это глаза науплиусов, детенышей артемий. Может, и не догадается. Он, наверное, и не подозревает, что артемии могут вдруг стать живородящими.

«Артемии мечут икру,— говорил Николай Иванович, еще когда отправлял меня в Одессу.— Икринки желтые, маленькие, плавают на поверхности воды косяками. Это очень красиво: желтые полосы на черной воде».

А может быть, и догадается. Я же догадалась сегодня утром. Утром... В кристаллизаторе, где не было ни единой икринки, появилась масса науплиусов. А зародышевые сумки, в которых обычно у артемий находится икра, были либо абсолютно пусты, либо наполнены движущимися красными точками. Догадаться нетрудно.

Передо мной столб. Значит, я прошла километр. Снова грязь. Главное, добраться до моста. От моста видна станция, и поэтому кажется, что ты уже дошла.

Николай Иванович был против того, чтобы новую курсовую я начала на даче без настоящего оборудования, без книг. Он оказался неправ. Лабораторию я оборудовала здесь отличную. Те книги, которые были необходимы для постановки опытов, я прочитала. Остальные я успею прочитать зимой. Я видела программу четвертого курса, она ерундовая. Зато и лето не будет потеряно.

Сегодня еще надо зайти в читальню. Уточнить концентрацию морской воды в опытах Гаевской. И надо взять с кафедры гидробиологии икру рачка бранхипуса.

Мост. Ручей под мостом, конечно, разлился, и камни лежат далеко друг от друга. Прыгать нельзя. Снимаю сандалии, перехожу ручей и снова надеваю. А как артемии? Не родили. Сева, наверное, уже уехал на Белое море... Вот бы Сева обрадовался! Когда у меня что-нибудь выходит, он доволен. Молчит, но я знаю — доволен, знаю по выражению лица... Написать ему письмо? Начать так: «Сева! Я сделала открытие!..» Нет, ему так писать неудобно: он слишком скромен сам... А как отнесся бы Витька? Наверное, сказал бы: «Я, как всегда, был прав». Ведь

он говорил Таньке, что из меня выйдет толк. Я с ними теперь совсем не вижусь. Они бегают где-то счастливые. Тане когда-нибудь потом скажу о своем открытии, а Любе сегодня скажу. У нее сейчас тоже успех. Она прошла по конкурсу и будет петь на фестивале молодежи... И что самое замечательное: горло у Любы оказалось здоровым. А болело оно от нетерпения, от желания петь, когда другие поют. Это ей один опытный певец объяснил. У него в молодости тоже горло болело, пока он не приучил себя терпеливо слушать чужое пение.

Я почти на станции. Остается взобраться по насыпи, перейти рельсы, подняться на платформу и взять билет...

Но почему все-таки рачки стали живородящими? Почему?.. Сами развились из икры...

Шум. Он усиливается. Это шум поезда. Бегу. Вода в банке плещется и течет по моей ноге. Издали вижу: у кассы очередь. Не успею.

— Садитесь! Я взял вам билет.— Передо мной пожилой мужчина с длинной бородой. Это художник с соседней дачи. Значит, он меня знает?

Я влетаю в вагон. Художник протягивает мне билет.

— Спасибо... Большое спасибо.— Я никак не могу отдышаться.— Возьмите, пожалуйста, деньги.

Художник берет деньги и достает из кармана коробку спичек.

— Это вам.

На этикетке спичечной коробки нарисован человек, падающий на рельсы перед мчащимся поездом.

— Я очень спешила.

— Надо думать, он тоже торопился.

Я выжимаю правый бок юбки — он мокрый. И правая сандалия мокрая. Банка стоит рядом на полу. Я нагибаюсь к ней и остаюсь сидеть на корточках. В банке плавают науплиусы...

— Вы ушиблись?

— Да...

Подымаюсь, беру банку и перехожу из тамбура в вагон. Сажусь. Художник садится напротив.

— Я не ушиблась... Просто мне нельзя было так быстро бежать. Вот посмотрите.

Я вынимаю банку из сетки. Артемия одного за другим выбра-

сывает науплиусов из зародышевой сумки. Науплиусы падают на дно банки... Лежат неподвижно, свернувшись в комочек... Медленно расправляют ножки. Каждая ножка похожа на веточку... Зародышевая сумка пуста. Теперь у меня осталась только одна беременная артемия. Взять на дачу тысячу разных банок и склянок и забыть фиксатор!

— Мне нужно успеть зафиксировать науплиусов, пока они еще в зародышевой сумке. А у меня теперь осталась только одна неродившая артемия и везти ее надо до университета!

Я ставлю банку на скамейку, потом снова беру в руки и опять ставлю на скамейку. Я не знаю, где ее меньше трясет.

— Поставьте на скамейку и подложите что-нибудь мягкое для амортизации. Да, можно косынку. Значит, наукой занимаетесь?

— Что?.. А-а... Да. Вот вдруг сделались живородящими. Обычно они икру откладывают.

— Что ж это они так?

— Не знаю. Я этим не занимаюсь. Это попутное «открытие».

— А есть и не попутное? — Художник улыбается.

— Нет, я просто хотела сказать, что я другим занимаюсь. Тема моей работы другая...

— Банка великолепно стоит. Не трогайте ее больше. Так чем же вы занимаетесь?

— Моя работа очень специальная.

— А вы расскажите популярно.

— Это рачки... Они называются артемии. Это соленоводные жаброногие рачки... И есть еще пресноводные жаброногие рачки — бранхипусы. Неизвестно, кто от кого в прошлом произошел: пресноводные от соленоводных или соленоводные от пресноводных. И я хочу это установить.

— Вы на какой кафедре учитесь?

— На кафедре эмбриологии.

— А я все гадал, чем это вы занимаетесь? Как ни пройду мимо вашей дачи, вижу, вы все над микроскопом сгибаетесь. Кстати, моя внучка тоже сутулилась, пока не начала делать «позу змеи». Это упражнение йогов. Вы с моей внучкой знакомы? Познакомьтесь обязательно. Она вас научит. А в сумерках не рисуйте: очень вредно для глаз.

— Я стадии боюсь упустить. Ведь рачки растут.

Мы смотрим в банку. Артемии уже успокоились и совершают правильные круги на спине, красиво перебирая ногами. У художника удивительно гордая осанка. У его внучки такая же. Я и не знакомилась с ней из-за ее осанки. Думала, у них семейная заносчивость. А оказывается, все дело в «позе змеи». Что за «поза змеи»?

— Почему дети рачков так не похожи на своих родителей? — спрашивает художник.

— Это самая первая личиночная стадия — стадия науплиуса. Организм у науплиуса приспособлен к личиночному образу жизни.

— А в пресной воде артемии могут жить?

— Нет, артемии выдерживают только небольшое опреснение. И опреснение...

Я останавливаюсь. Художник смотрит на меня в ожидании, но я молчу. Я вдруг понимаю: артемии стали живородящими именно в том кристаллизаторе, где я разбавила воду в два раза... Опреснение... Опреснение... Ведь это оно могло вызвать у артемий такую реакцию. Нужно что-то говорить. Художник ждет. А я не помню, что хотела ему сказать.

— Жарко как-то. Может быть, откроем окно?

— Пожалуйста.

Открываю окно, выглядываю. Ветер бьет по лицу. Если это реакция артемий на опреснение, то тогда можно рассматривать живорождение как одно из приспособлений артемии к постоянно меняющейся концентрации соли в воде. Это надо проверить. Проверить легко. В пяти кристаллизаторах залить икру сильно разбавленной морской водой... И еще хорошо бы изучить морфологию этого явления... и физиологию тоже... Надо посоветоваться с Николаем Ивановичем. И надо сказать ему, что доклад на конференции можно сделать не о прошлогодней работе о головастиках, а о живорождении у артемий. Это более серьезное и интересное открытие. Можно сделать красивые диапозитивы. Если доклады будут в большой аудитории, там стоит прекрасный эпидиаскоп.

За окном мелькают большие дома. Скоро Москва. А моя артемия? Я забыла про нее. Поворачиваюсь. Художник пристально смотрит в банку.

— Если понадобится засвидетельствовать ваше открытие, я готов.

Москва. Все выходят. Я жду. В толпе меня могут толкнуть. Художник встает:

— Желаю успеха. Надеюсь, успеете ее...

— Зафиксировать,— подсказываю я.

23-й автобус ждет пассажиров на остановке у Киевского вокзала. Через час картина изменится. И пассажиры начнут ждать 23-й автобус. Но сейчас он почти пуст. Я сажусь впереди, где висит табличка: «Для детей и инвалидов». Сегодня я, кажется, имею право сидеть на этих местах. Заглядываю в банку: не увеличилось ли число моих детей? Нет. Через полчаса я буду уже на кафедре. Если она родит теперь, будет совсем обидно.

Кафедра. Малый практикум. Мой стол. Я открываю ящик, достаю бутылочку с ярко-желтой жидкостью. Это фиксатор буэн. Он неприятно пахнет. Открываю притертую пробку и выливаю часть буэна в маленькую стеклянную баночку с крышкой — бюкс. Вылавливаю из банки беременную артемию и выпускаю ее в бюкс. Артемия делает несколько кругов... и вдруг начинает выбрасывать из зародышевой сумки науплиусов. Два, три, четыре... Хоть бы одного успеть зафиксировать в зародышевой сумке! Хоть бы одного! Она выбросит всех! Довезти, успеть довезти, и в последнюю секунду...

Артемия очень вяло делает еще два круга и замирает.

Вглядываюсь в зародышевую сумку. Там просвечивают три глазка. Они принадлежат трем науплиусам.

Все. Теперь уже все. Сажусь. Сижу... На Севином столе бумага без пятен... Удивительно... Что я там наболтала в поезде художнику: «попутное открытие». Не умею себя вести, мама права...

Пипеткой переношу артемию из фиксатора в кармин. Сколько должна лежать артемия в кармине, чтобы хорошо окраситься?

В лаборантской справляюсь о Николае Ивановиче. Он будет во второй половине дня. А Сева еще не уехал и где-то здесь в здании. Я прошу ему передать, чтобы он разыскал меня в читальне или на кафедре.

— Он мне очень нужен. По важному делу.

— Вы сегодня такая счастливая! У вас что-нибудь произошло? — спрашивает меня лаборантка.

— Счастливая? Это видно? Я потом скажу!

Я иду на кафедру гидробиологии. Здесь для меня оставлена сушеная икра пресноводного рачка бранхипуса. Я беру икру и спускаюсь на первый этаж. На первом этаже библиотека и телефон-автомат. Сейчас Любу ошеломлю своим открытием.

— Люба, это Ира говорит.

В ответ слышу счастливый Любин голос:

— Ирка! Я так и знала, что ты меня первая поздравишь!

К счастью, не успеваю спросить: «С чем?» Я со своими рачками совсем забыла: у Любы сегодня день рождения!

— Значит, я первая? А муж? Разве он тебя не поздравил? — выпутываюсь я.

— Макс ужасный. Ты знаешь, что он мне сказал, когда проснулся? «Мне приснился великолепный сон, что я еще не женат!» Ты хохочешь, он тоже хохочет, а мне каково? Я бы, конечно, этого ему никогда не простила, но он подарил мне такой халат! Гипюровый, черный с красным. Я Макса спросила, в чем мне сегодня принимать гостей, так он ответил: «Конечно, в халате». Ты во сколько приедешь? Приходи к семи.

Я хочу рассказать Любе о своем открытии. Возле автомата уже собралась очередь, поэтому я говорю очень тихо:

— Люба, я, может быть, раньше приду. Я сейчас в университете, потому что артемии...

— Кто?.. Не слышу... Какой Артем?

— Не Артем, а артемии, мои рачки, ты же знаешь...

— Отстань! Нет у нее никакого Артема. Это я не тебе, это Макс рвет трубку и кричит: «К черту Артема!» Понимаешь, мы хотим тебя сегодня познакомить с новым приятелем Макса. Он конструктор. Его зовут Алеша, и он такой же одержимый, как и ты. Только ты одержима рачками, а он изобретениями. Я уверена, Алеша тебе очень понравится. Так что ты мне хотела сказать про артемий? Макс, отстань! Артемии — это ее рачки... Ладно, Ирка, он все равно не даст говорить, придешь — расскажешь!

Каталог. Маленький круглый столик заставлен продолговатыми ящиками с формулярами. Я перебираю один за другим

формуляры и заполняю листки заказов. Я пишу, выводя каждую букву. Буквы ровные, четкие. Почерк не мой. Должно быть, такой почерк бывает у людей, которым не приходится мучиться из-за невыполненных дел. Буквы уверенные, счастливые. А может быть, у меня теперь всегда будет такой почерк? Надо начать читать систематически. Научиться читать научную литературу, как беллетристику. У Севы, говорят, «Экспериментальная эмбриология» — настольная книга. Надо приезжать с дачи раз в неделю. И читать. Если мама будет сердиться, что я лето провожу в читальне, можно ей сказать, что я хожу с Таней и Витей по театрам или с Любой на концерты. А зимой надо научиться кататься на коньках, по-настоящему кататься. По радио говорят, кто занимается спортом, все успевает, а у меня никогда не хватает времени. Всю эту зиму я просидела только за учебниками. Так нельзя. Больше так не будет. Я буду заниматься спортом, буду слушать музыку, буду читать научную литературу и художественную, изучу несколько иностранных языков. А к фестивалю сошью себе какое-нибудь модное платье. Люба ведь шьет себе сама, почему же я не могу? А Севе я сегодня скажу очень спокойно: «Тут под бинокуляром лежит артемия. Посоветуй, сколько ее держать в кармине?» Заполнено десять требований. На первый раз хватит. Иду к девушке, принимающей заказ.

— Пожалуйста, выпишите мне эти книги на сегодня, а эти на субботу.

Девушка проверяет мои листки.

— Все в читальный зал? Вот эти четыре книги можно выписать на абонемент. Заказ будет готов через полчаса.

— Большое спасибо! А то мне с дачи приезжать. Большое спасибо!

Читальный зал для студентов. Открываю книгу. Выписываю цифры из опытов Гаевской. Беру другую книгу. Здесь дан обзор всех низших раков. Вот описание жаброногих рачков. Читаю:

Летом жаброногие рачки артемии становятся живородящими. Осенью они откладывают икру, которая и перезимовывает.

Летом жаброногие рачки артемии становятся живородящими...

Летом...

Я больше не читаю. Я смотрю на девушку, которая сидит впереди меня. Полосы из желтых горошинок на ее платье похожи на икру артемий, плывущую по лиману...

Одесса... Длинный и пустой берег лимана... Я одна... В правой руке планктонная сетка, в левой — банка на веревке. Я стою по колено в воде и вожу по ней сеткой взад и вперед. Потом поднимаю сетку на воздух. Вода стекает, и внутри сетка становится желтой от икры... В воздухе висит запах лимана. И тихо, тихо...

Здесь тоже тихо. Все пишут, читают. И я читаю. Я тоже читаю:

Летом жаброногие рачки артемии становятся живородящими...

Я вхожу в буфет. На витрине выставлены сосиски, пирожки, творожная масса.

— Скажите, пожалуйста, у вас нет манной каши?

Буфетчица не отвечает. Она поворачивается и уходит. Я слышу из задней комнаты ее голос:

— Маша, у тебя не осталось порции манной каши? Пришла та девочка, которая очень любит манную кашу.

Чайной ложкой из глубокой тарелки я ем манную кашу с черным хлебом. Это действительно очень вкусно. Оказывается, я просто девочка, которая очень любит манную кашу... И еще любит открывать то, что давно открыто...

Снова кафедра. Надо все сложить и возвращаться на дачу. И лечь спать. Я устала. Еще эти книги тащить толстенные. Может быть, отнести их обратно? Зачем они мне? Все равно так ничего не выйдет. Ничего. Я слишком самоуверенна. И ничего не знаю. Как я быстро вознеслась! Даже теорию придумала — опреснение. Художник... Он меня так внимательно слушал. Сочувствовал. Ой, как стыдно! Стыдно! Понимаешь, стыдно!

Открывается дверь. Сева...

— Ты с кем разговариваешь?

— Ни с кем. Сама с собой.

— Ну как твои дела?

— Никак. Я отдыхаю. Видишь, как загорела.

— Вижу. Зачем ты приехала?

— Книги доставала.

— А что ты в кармине красишь?

— Да так...

— Секрет?

— Могу показать, если хочешь.

Я беру артемию, кладу на часовое стекло и ставлю под лупу.

От красителя артемия стала розовой. И науплиусы в зародышевой сумке стали розовые. Розовые усики, розовое брюшко, розовые веточки ножек и ярко-красные глазки.

— Можешь смотреть.

Сева склоняется над лупой. Вертит винт, двигает часовое стекло. У Севы удивительные руки. Пальцы длинные и тонкие. Он хорошо играет на рояле и делает тончайшие операции на микроскопических объектах. С такими руками можно увлекаться экспериментальной эмбриологией.

— Она что, может быть и живородящей?

— Да. Летом... Как ты думаешь, ее еще держать в кармине?

— Нет, тут уже все прекрасно видно.

Я переношу артемию в пробирку со спиртом. Пробирку помещаю в специальный ящик. Банку с живой артемией и науплиусами ставлю опять в сетку. Книги заворачиваю в газету.

— Счастливо съездить.— Я протягиваю Севе руку.

— Постой! Мне передали, я зачем-то тебе был нужен. По делу.

Я поворачиваюсь. Прислоняюсь к двери. Надо или книги, или ящик положить в сетку. Все в руках нести неудобно.

— По делу? Нет. Просто мне хотелось тебя видеть. Что ты смотришь? Не веришь?

Я снова еду в автобусе, потом в электричке. Иду вдоль железной дороги, лесом, мимо пионерлагеря. Сейчас я буду дома.

К Любе я не пошла, позвонила, что не могу. Она не обиделась. С ней легко. Всегда легко. Если не хочешь, ей не обязательно объяснять, что с тобой. Она и так все понимает. А с их Алешей я знакомиться не хочу. Вообще не хочу ни с кем знакомиться...

Бабушка стоит у калитки.

— Ну, что там у тебя приключилось?

— Так, бабушка, ничего.

— Как — ничего? Ведь как угорелая умчалась!

Открываю дверь. Наконец я опять в своей комнате. Большой стол со скрещивающимися ножками, сбитый из нескольких деревянных досок, придвинут вплотную к открытому окну. На

середине стола в ряд один за другим стоят восемь больших круглых кристаллизаторов. В кристаллизаторах налита морская вода разной солености. В воде плавают артемии. Над столом на двух деревянных подпорках подвешена длинная палка. Вдоль палки протянут резиновый тонкий шланг. От шланга к каждому кристаллизатору отходят с помощью специальных тройников стеклянные трубки с тонкими оттянутыми концами. На стене на гвозде висят две спущенные волейбольные камеры. Тройниками они соединены между собой и с резиновым шлангом, идущим над столом, и с резиновой грушей пульверизатора. Груша лежит на полу.

Я ставлю сетку и книги на диван и подхожу к груше. Наступаю на грушу ногой. Артемии должны дышать. Они не могут перестать дышать оттого, что у меня плохое настроение. Я прижимаю к полу грушу, отпускаю и снова прижимаю. Воздух накачивается в волейбольные камеры. Камеры начинают медленно расправлять складки. Воздух идет по резиновому шлангу, потом в стеклянные трубки и выходит в воду. В кристаллизаторах появляются первые пузырьки. Пузырьки растут. Их становится все больше и больше. Вода кипит вокруг стеклянных трубок. Сюда бросаются артемии. Они уже не управляют своими движениями. Бурлящая вода их подхватывает, вертит, бросает вверх, вниз и отбрасывает к стенкам кристаллизатора. Несколько минут артемии приходят в себя, а потом вновь бросаются в водоворот. Их опять отбрасывает, и они снова бросаются. «Как угорелые»,— сказала бы бабушка.

— Ты что, не слышишь? Я тебе кричу, кричу. Иди поешь.

— Я, бабушка, не хочу, я ела.

— Что ж ты там ела?

— Манную кашу.

— Разве это еда — манная каша? Для взрослого человека?

— Бабушка, ты не знаешь, где мой купальный костюм?

— На террасе. Что это ты такую толстую книжку на речку тащишь? Не натаскалась еще за сегодняшний день?

...Вечер. Я стою у открытого окна в своей комнате. На террасе мама, папа и бабушка пьют чай.

— Вечно у нее какие-то тайны.

Это голос мамы. Она жалуется на меня папе.

— Помчалась в город в жару. Бабушка говорит, какая-

то подруга рожает. Ума не приложу, кто бы это мог быть?

— А я уверен, что поехала провожать Севу.

Это отвечает папа. Удивительно, до чего они меня не знают.

Я отхожу от окна. Беру пустой кристаллизатор. Насыпаю в него икру из темного пузырька, который я взяла сегодня на кафедре гидробиологии, и заливаю ее тонким слоем воды.

Здесь дней через восемь вылупятся маленькие науплиусы пресноводного рачка бранхипуса.

Глава IV

ХОРОШИЙ ЗАЯЦ, КОТОРЫЙ СТОЯЛ В ОЧЕРЕДИ

В углу стоит альбом. Он живой. Вернее, в нем, в альбоме, живут два существа, два рачка. Когда я раскрываю альбом, рачки начинают рассказывать. В воде рачки не умеют говорить. В воде они плавают, едят, любят. А здесь, в альбоме, рачки научились разговаривать. Для этого каждый день, много дней подряд умирали рачки, умирали под покровным стеклом в капле воды, умирали в разных позах, умирали для того, чтобы возродиться на бумаге. Каждый рачок отдавал черточку, точку, линию — и вот они создали двух новых рачков.

Два рачка переговариваются между собой. Я не всегда понимаю, о чем они говорят. Иногда я совсем перестаю их понимать, тогда я сержусь, и мне кажется, что они замолчали. Но я ложусь спать и утром, открыв альбом, снова слышу их речи.

В раздевалке я встретила Севу.

— Сева! Какой у тебя портфель! Модный...

Я люблю смотреть, как Сева смущается и старается скрыть свое неудовольствие от моих, как, вероятно, он считает, «бестактных реплик». Сам Сева всегда безукоризненно тактичен. Если вдруг оказывается, что я чего-то не знаю, что должна знать, Сева находит способ это сгладить. Меня такое отношение и трогает, и злит. Возможно, поэтому я нарочно стараюсь быть с ним бестактной. Сева не выносит, когда говорят о его одежде. Он всегда одет лучше всех. Но такое впечатление, словно он от этого страдает. Словно он с удовольствием носил бы совсем

другие вещи, но, увы, их нет. Кто-то приобретает, кто-то покупает, а он, несчастный, должен носить. Поэтому все вещи, даже самые модные, самые красивые, на нем висят. И кажется, будто Сева движется сам по себе, а вещи сами по себе.

— Сева, ты торопишься? Я хочу тебе показать альбом. В дипломной кто-нибудь есть?

— Нет.

Мы поднимаемся на четвертый этаж. Заходим в дипломную. Давно я здесь не была. Почти полтора месяца. Писала дома первые главы: постановка вопроса, методика...

Развязываю альбом. Сева смотрит рисунки.

— Железно,— говорит Сева, и я понимаю, что альбом ему нравится.

Глубоко в земле лежат черепки. Роют землю, находят черепки и узнают, как когда-то жили люди. Я ничего не рою, не нахожу никаких черепков, я просто смотрю, как развивается обыкновенный рачок. Современный рачок. Рачок двадцатого века. А должна узнать, как когда-то, много веков назад, одно живое существо превращалось в другое.

— Сева, сейчас я тебе что-то скажу, но об этом никто не должен знать. Ты мне даешь слово?

— Конечно.

Я знаю, Севе можно довериться, на него можно положиться. Так же, как на себя.

— У меня катастрофическое положение. Установить, кто от кого произошел, я, по-моему, не смогу.

Сева очень удивлен:

— Но ведь ты давным-давно все установила.

Я не знаю, как лучше Севе объяснить, чтобы он меня понял, чтобы поверил. Ибо сейчас, когда я еще не могу привести в свою пользу никаких доказательств, мне нужно, чтобы мне поверили на слово, чтобы поверили в меня, в мою интуицию.

— Понимаешь, Сева, меня и Николая Ивановича обманули мои первоначальные рисунки. Они точно соответствовали классической схеме. Но теперь я сделала все рисунки. Казалось бы, ничто не изменилось. Новые рисунки отвечают той же схеме. С оговорками, с допущениями, но отвечают. Однако может же быть так, что факты, соответствующие определенной схеме, не имеют с ней ничего общего. Пойми, все эти рисунки сделаны

мной. Для меня здесь каждая черточка и каждая точка живая. Я их физически ощущаю. И пусть все, да, пусть все считают, что я доказала, будто пресноводные рачки произошли от соленоводных, а я чувствую, понимаешь, чувствую, что ничего не доказала и доказать не смогу.

— В науке думают, а не чувствуют. Почему-то там, где надо, ты ничего не чувствуешь. А там, где не надо...

— Ну, а если мы здесь столкнулись с простым приспособлением личинок к различной среде их обитания? — говорю я Севе, делая вид, будто не поняла, что он мне только что сказал.— Личинок артемии — к соленой воде, а личинок бранхипусов — к пресной.

Сева думает. Прикусил нижнюю губу и думает. То, что он сейчас от меня услышал,— гипотеза. Но все дело в том, что если эта гипотеза верна, то она разом уничтожает все мои прежние результаты. И этого Сева не понять не может. Я жду.

— Надо все рассказать Николаю Ивановичу.— Сева что-то сегодня необычайно решителен. Даже костюм на нем перестал висеть.

— Ты же знаешь, что этого делать нельзя.

— А оставаться в такой ответственный момент без руководителя можно?

Сева, конечно, прав. Но ведь Николая Ивановича отозвали с кафедры для какой-то очень серьезной работы. Его освободили от всех дипломников. На особом заседании кафедры решалось, что делать со мной. Николай Иванович заверил всех, что мой диплом готов, и только поэтому его оставили моим научным руководителем. Мне Николай Иванович после заседания сказал: «Ира, не стесняйтесь; если нужно, приходите». Но одно дело — прийти посоветоваться по поводу какой-нибудь мелочи, а другое — прийти и сказать: «Моя работа никуда не годится. Надо все начинать сначала».

— Нет, к Николаю Ивановичу я не пойду. Я не могу к нему пойти.

— Тогда нужно, чтобы тебе дали другого руководителя.

— Другого?

Сева ищет выход из положения, но то, что он предлагает, нереально. Николай Иванович у нас на кафедре единственный специалист по сравнительной морфологии. И значит, нового

руководителя надо приглашать из института Северцева. Это можно было сделать в начале учебного года, но ведь сейчас уже середина февраля.

— Тогда я не знаю, что делать. Нет выхода.— Сева говорит это так, будто речь идет о нем, о его работе.

Мне очень дорого это. Сейчас, когда рядом нет Николая Ивановича, мне важна любая поддержка, даже просто сочувствие.

— Выход только один. Еще раз попробовать разобраться во всем самой.

Сева смотрит мне прямо в глаза. Это так необычно для него. Глаза у Севы все-таки очень красивые...

— Ты думаешь, я не справлюсь?

— Ирине Морозовой привет! — В комнату входит Виктор.— Ваше сиятельство назначило мне свидание — и я явился.— Рассматривает альбом.— Как жалко, Морозова, что Северцев существовал до тебя! Иначе мировая известность тебе была бы обеспечена.

— Ладно.— Я закрываю альбом.

Виктор развязен и весь дергается. Виктор вообще дергается, но сегодня особенно. Нервничает.

Сева берет со стола красивый модный портфель и уходит.

— О чем же пойдет речь? — спрашивает Виктор.

— О Тане.

— Я так и знал! Я видеть ее не могу.

— Но ведь у вас было все так хорошо.

Виктор вспыхивает:

— А ты откуда знаешь? Ты же с нами почти не виделась. Кстати, ты уже наконец поцеловалась с кем-нибудь?

Отвечаю очень спокойно:

— При чем тут я? Речь идет не обо мне.

— А при том, что я помню, для тебя это всегда был удивительно серьезный вопрос.

— Но ты же к Тане тоже относишься серьезно.

Виктор встает и начинает нервно ходить по комнате из угла в угол.

— С десятого класса ты стараешься вбить в голову мне и Тане, что я ее люблю.

— А разве ты ее не любишь?

— Да, не люблю и тянуть больше не имею права. И знаешь что — хватит об этом. Считай, что ты свою благородную миссию выполнила. А тебе я советую все-таки поцеловаться с кем-нибудь... Ведь время идет, сколько тебе уже?.. Двадцать один есть?.. Так ты со своими «открытиями» жизнь пропустишь.

Я понимаю, Виктор сейчас нарочно старается меня обидеть, чтобы прекратить неугодный ему разговор. Я терплю. Для меня сейчас Танька важнее собственного самолюбия. Только я никак не могу понять, если он никогда ее не любил, то что же это тогда было? Нет, он врет мне.

— Витька! Я тебя прошу, я тебя очень прошу: помирись с Таней.

— А я тебя прошу устраивать свою судьбу. Кстати, как поживает твой новый друг Алеша? Я что-то давно вас не видел вдвоем. А вы вместе хорошо смотритесь. Певица Люба права... Кажется, вы наконец разозлились, свет Григорьевна. Теперь я могу спокойно уйти.

Маленький, желтый, гладкий шарик плавает по воде. Поверхность шарика мелко-мелкозернистая. Но все равно кажется, что каждое зернышко шарика отражает свет самостоятельно. Слишком уж сверкает и переливается этот шарик на солнце. Шарик лопнул, и из шарика выплыл науплиус. Выплыл и запрыгал. Сначала он прыгнул вверх, потом вниз, потом снова вверх. У науплиуса есть науплиальные ножки. Он вытягивает их вдоль тельца по швам и устремляется вверх. А потом наоборот — взмахивает ими и падает вниз. Вверх — вниз, вверх — вниз, прыг-скок. Науплиус маленький и, как все маленькие, очарователен. У науплиуса есть голова, один так называемый глаз науплиуса, две антенны (это два уса) и маленькое симпатичное тельце. У науплиуса все есть. И он такой хорошенький, что хотелось бы, чтобы он навсегда остался таким и прыгал возле берега в прозрачной соленой воде. Но науплиус не может остаться науплиусом. Науплиус обязательно должен превратиться в метанауплиуса. А метанауплиус не так прекрасен, как науплиус.

В пресной воде тоже плавают шарики, только они не глад-

кие, как те, которые плавают в соленой. Они похожи на покрышку от футбольного мяча...

— Ира, тебе звонит Алеша.— Это голос папы.

— Скажи, что меня нет.

— Но я уже сказал, что ты дома и занимаешься.

Беру из папиных рук телефонную трубку и кладу на рычаг. Потом, словно ничего не произошло, спокойно отправляюсь на кухню за супом. Наливаю суп и сажусь к столу. Мама уже доела суп и сидит перед пустой тарелкой. Папа грызет кость. Раздается пронзительный свист — папа старается втянуть в себя содержимое кости. Свист сначала долгий, потом прерывистый, потом захлебывающийся — мозг пошел. Папа причмокивает языком.

— С интересом наблюдаю за развитием твоего романа,— говорит папа и снова принимается за кость. Папа отличается удивительной способностью — он умеет разгрызать кости любой толщины.— А тебе не кажется, что ты зря так поступаешь?

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Положим, ты знаешь, но мне не трудно пояснить: только что тебе позвонил Алеша — ты бросила трубку.

— Значит, иначе было нельзя.

— Я же не спорю. Я просто высказываю тебе свои интересные наблюдения.— Папа берет салфетку и вытирает руки.— Моя тетя, как ты знаешь, она была старой девой, так вот она тоже...

Чтобы не разреветься, я встаю и выхожу из комнаты. Я слышу, как мама ругает папу, как папа оправдывается, говорит, что не понимает, почему я обиделась, ведь мне же не тридцать лет. А он не виноват, что у него тетка была действительно старой девой. И вообще все эти наши тонкости не для него. И кстати, он прекрасно знает, почему мама сейчас устраивает ему этот скандал: не из-за дочери, о которой он думает не меньше, чем она, а из-за кости.

— Да, да, из-за кости! Я прекрасно все видел по твоему лицу. Ты не переносишь, когда я грызу кости. Так будь последовательна: либо не давай мне их, либо...

Итак, я старая дева... бросаю трубки... А ведь мы вместе «хорошо смотримся», «Люба права»... Еще бы, ведь это она познакомила меня с Алешей, хотя я очень этого не хотела.

Как-то Люба позвонила мне и попросила прийти на премьеру спектакля, который она поставила в красном уголке при ЖЭКе, где Алеша руководил кружком «Юный изобретатель». У Любы после очередного похода на концерт снова разболелось горло. И Макс решил, что она никогда не научится терпеливо слушать, когда другие поют. Поэтому они с Алешей начали уговаривать ее поступить на режиссерский. Меня Люба вызвала, чтобы я ей сказала правду: действительно ли у нее есть способности к режиссуре.

Любин спектакль мне понравился. Я сказала ей об этом, когда, переодевшись (Люба играла фею), она вышла в «зрительный зал». В ответ Люба подвела меня к Алеше и потребовала: «Скажи этому красавцу, что я гениальная женщина». Вот так я познакомилась с Алешей.

Я не люблю красивые лица. Некрасивое лицо всегда загадочнее. Неизвестно почему, оно вдруг может стать ужасно красивым. А красивое лицо всегда одинаковое. Привыкнешь к нему, и оно становится для тебя обыкновенным.

Алеша пошел меня провожать. Я шла и злилась. Ведь это ужасно, когда человек тебя провожает не потому, что ему хочется, а потому, что твоя подруга шепчет ему на ухо: «Я тебя прошу, проводи ее». А я была уверена, что что-нибудь в этом роде Люба шепнула Алеше. На своих днях рождения она всегда что-то шептала своим знакомым, после чего они меня приглашали танцевать.

Прощаясь, я спросила у Алеши:

— Почему вам дали такую маленькую роль?

Я хотела хоть чем-то досадить ему за лицемерные проводы.

Индеец, которого он играл, за весь спектакль говорил одно слово: «ги-ги». С криком «ги-ги!» он врывался на сцену и тут же убегал.

— Я как-то не задумывался над этим,— ответил Алеша,— но, вероятно, никому не захотелось кричать «ги-ги».

А через несколько дней Алеша позвонил. Оказалось, ему нужна юридическая консультация и он хочет познакомиться с моей мамой.

— Ты подумай,— восторгалась моя мама после ухода Алеши,— работает конструктором, увлечен своими изобретениями и при этом не только не бросает кружок, которым руко-

водил, когда был студентом, а старается вникнуть в судьбу каждого кружковца, готов каждому помочь.

Моя мама тоже любила помочь. И они начали перезваниваться по нескольку раз в день.

Когда Алеша приходил, он всегда приносил маме цветок. А мне — сказки. Потому что папа как-то вспомнил при Алеше смешной случай из моего детства. Это было сразу после войны. Папа попросил меня рассказать ему сказку. И сказку я начала так: «Один хороший заяц стоял в очереди».

Алеша над этой историей очень смеялся, а я оправдывалась, что мне мои родители мало рассказывали сказок.

— Но, может быть, заяц стоял в очереди за счастьем. Тогда это уже не такое плохое начало,— успокоил меня Алеша. И после этого стал дарить мне сказки.

По воскресеньям Алеша ходил по магазинам покупать для очередного занятия кружка разные проволочки, колесики. А вечером он иногда приглашал меня в кино или в театр. Но с нами обязательно шел кто-нибудь из его маленьких изобретателей в красном галстуке. Алеша теребил его, гладил... Алеша мог вдруг погладить и меня по голове или по руке. Он делал это так, будто не замечал, гладит он меня или своего ученика. И мне тоже ничего не оставалось, как не замечать. Только однажды, когда мы шли в метро и Алеша начал вдруг водить рукой по моей спине, я не выдержала и сказала: «Приятная шуба» (я была в шубе). Он тут же убрал руку и в тот вечер больше до меня не дотрагивался. И хотя я до этого все время про себя возмущалась его «непроизвольными движениями», но когда их не стало, мне сделалось тоскливо. И я вдруг подумала, что, вероятно, я для Алеши — просто одно из его добрых дел. Только меня ему поручил не ЖЭК, а Люба.

«...Я хочу любви». Алеша сказал это в декабре. За неделю до нового года. Это ни к кому не относилось. Просто люди шли вместе и разговаривали, шутили.

Я посмотрела на Алешу. Я не ожидала от него таких слов даже в шутку, и мне казалось, что я должна увидеть не Алешу, а кого-то другого. Но Алеша был все тот же.

И все-таки я не отнесла этих слов к себе. После истории с Кириллом я постановила: больше никаких выдумок, никаких самообманов. Когда я любила Кирилла, я была маленькая, ни в

чем не могла разобраться, цеплялась за всякую ерунду. Теперь я взрослая, умудренная... Теперь я должна видеть все так, как оно есть, а не так, как мне хочется.

— О, это совсем просто,— ответила я Алеше,— познакомься с кем-нибудь, смотри, сколько симпатичных девушек кругом...

Конечно, я не думала так. Но почему-то мне казалось, что именно так нужно отвечать в подобных случаях.

— Да, ты права — девушек много. А я вот...

Алеша не договорил, он вообще не всегда договаривал фразы. То, что он хочет сказать, я скорее понимала из его интонаций, чем из фраз. Интонации... Тоже путь, по которому опасно идти. И я не хотела по нему идти. Но он заставлял. Я хотела слов, а он выдавал мне интонации. Как-то он мне сказал: «Я должен все знать о твоих рачках. Все!» Интонация была такая: «Мне нужно все знать о тебе. Это очень важно для меня». Я и тогда не поддалась искушению. Я не подставила вместо слов «о рачках» слова «о тебе».

— Тебе кто-нибудь нравится?

Это была третья фраза, которую он сказал мне после того, как сообщил, что «хочет любви». Я ответила не задумываясь:

— Да.

— Кто?

Поворачиваюсь и показываю на деда-мороза, выставленного в витрине.

Алеша улыбается.

Потом я вдруг на что-то обижаюсь. Так, не всерьез. Но я перестаю разговаривать. Алеша дергает меня за рукав, ворошит волосы... Ничего не помогает.

— Послушай,— говорит он очень тихо,— ведь я могу сделать так, что ты сразу заговоришь...

Я молчу. Алеша нагибается и целует меня в щеку.

Это был мой первый поцелуй.

...В те дни я кончала рисовать рачков. Я сидела в университете с утра до вечера и боялась упустить стадии. Я ужасно нервничала. Почти все рисунки уже были готовы. Вечером, оставшись одна, я раскладывала их по полу от одного конца комнаты до другого в два ряда. Верхний ряд — рисунки артемий, нижний — бранхипусов. Эти рачки удивительно похожи. Но хвостовые вилки у них совсем разные.

Два года назад, когда я делала курсовую работу и просматривала под бинокуляром живых артемий и бранхипусов разных возрастов, я обнаружила, что хвостовая вилка у пресноводных рачков сначала развивается так же, как у соленоводных, а потом резко меняет свое развитие. Это могло служить прямым доказательством того, что пресноводные формы жаброногих рачков произошли от соленоводных.

Такой тип эволюционного развития был изучен Северцевым, и он дал ему название анаболии, или надставки стадий. То есть один вид превращается в другой путем надставки конечных стадий развития.

Тогда, два года назад, не было никаких сомнений — я напала на ярчайший пример анаболии. Оставалось только одно — сделать рисунки.

Сначала я зарисовала лишь несколько стадий развития хвостовых вилок у артемий и бранхипусов. А потом решила: надо сделать сотни рисунков, надо последовательно зарисовать каждый момент развития, каждый миг. Я работала два года. Тема моей курсовой стала темой моего диплома.

Если составить все мои рисунки и заснять, можно получить полную картину развития. Именно так делаются мультипликационные фильмы.

Я сделала такой фильм. И смотрела его часами.

Я шла по комнате слева направо и видела, как постепенно развиваются лопасти, щетинки, окаймляющие их внутренний скелет, «мышцы», управляющие хвостовыми лопастями и щетинками. И видела: хвостовая вилка у пресноводного рачка с самого начала развивается не так, как у соленоводного. С самого начала! Это значит — нет здесь никакой анаболии. Это значит — нельзя доказать, кто от кого произошел!

Сначала я успокаивала себя, объясняя все пугающие меня различия ранних стадий результатом «сдвига стадий».

Но в тот вечер я вдруг увидела, что вторая щетинка у артемии растет с внутренней стороны от первой, а у бранхипуса — с внешней. А это для чего? Какое это имеет отношение к конечным стадиям у бранхипуса? К «сдвигу стадий»?

Когда я это обнаружила, мне показалось, что я за что-то зацепилась. За что-то такое, за что можно будет тянуть и разматывать клубок...

В это время дверь открылась, и в нашу дипломную заглянули две девочки с младшего курса. Увидев меня, они тут же закрыли дверь, и я услышала:

— Кто это? — спросила одна.

— Морозова,— ответила другая.

— А что она тут делает так поздно?

— Как, ты не знаешь? Делает открытия! Ей же больше всех надо.

Я ужаснулась. Откуда такое отношение? И откуда им известно что-либо про меня? Это студентки с нашей кафедры. Значит, это мнение кафедры?

Вокруг на всех столах разложены записки:

«Ира, в 10.20 переложи в парафин».

«Ира, в 9.30 переложи в семидесятипроцентный спирт».

Вся моя группа оставляла мне эти записки. Они гуляли, ходили в театр, а я сидела здесь, рисовала и перекладывала их препараты из красителей в спирт, из спирта... Все к этому привыкли. Я думала... А оказывается, надо мной все смеются. «Ей больше всех надо. Делает открытия!»

...Я собрала рисунки и спустилась вниз к телефону-автомату.

С того дня как Алеша меня поцеловал, я его не видела. Впрочем, прошло всего дней пять. Наверное, он мне звонил, но ведь я все время была в универститете... Сейчас я решила сама ему позвонить. Вялым голосом он мне ответил:

— Хорошо, если тебе так надо со мной говорить, приезжай.

Я приехала. Я думала, он заболел, лежит с температурой. Но его не оказалось дома: пошел прогуляться по улице. Я хотела уйти, но Алешина мама меня не отпустила.

В комнате, в углу возле шкафа, стоял мальчик из Алешиного кружка, рассматривал книги. Алешина мама усадила меня пить чай с печеньем, а сама стала рассказывать, как она выходила замуж за Алешиного папу. Целый год выходила, все спрашивала его, каждый день спрашивала, проверил ли он свои чувства. И он каждый день говорил ей... Тут Алешина мама покосилась на мальчика у шкафа и не произнесла того слова, которое говорил ей Алешин папа, а только сказала, что это слово на букву «Л».

А потом Алешина мама пересела ко мне поближе и шепотом доверительно начала:

— Я очень беспокоюсь, что Алеша никогда не женится. У меня сегодня с ним по этому поводу был разговор. Мы даже поссорились... А ведь он пользуется успехом. Ему звонят, приглашают в компании. Но чаще всего он предпочитает сидеть дома и работать.

— И ему никто никогда не нравился? — решаюсь спросить я.

— Как сказать...— Алешина мама замялась.— Была одна. Но это было очень давно. И я приложила все усилия, чтобы не допустить там ничего серьезного. Ира, она была на четыре года старше Алеши! Он, конечно, может считать, что я разбила великую любовь, но я уверена, что поступила правильно. Сколько ночей я тогда не спала.— И уже громко Алешина мама сказала: — Да, я все забываю узнать, а у вас сон крепкий?

Я не успела ответить про сон, пришел Алеша. Подчеркнуто ласково он спросил у мальчика, какие книги тот выбрал. Потом они долго разговаривали о прошедшем заседании кружка. Когда мальчик наконец ушел и мы остались вдвоем, Алеша, зевая, проронил:

— Ну что у тебя там приключилось?

Я рассказала про девчонок с кафедры, про диплом, который не получается, и что я решила перестать морочить себе голову и просто описать хвостовые вилки у артемий и бранхипусов.

— Не понимаю, зачем ты мне это все рассказываешь,— ответил Алеша.— Я не биолог и не знаю, каким должен быть ваш диплом.

Алеша стоял ко мне в профиль. Профиль у него был, как всегда, красивый. Но только абсолютно безразличный ко всему... ко мне.

И тут я вдруг поняла, зачем мне его мама рассказала, как она целый год спрашивала у своего будущего мужа, проверил ли он свое чувство, и как тот каждый день говорил ей слово на букву «Л».

— Ты меня любишь? — спросила я у Алеши.

Алеша повернулся ко мне, глаза его засветились, но лицо осталось непроницаемо.

— Нет,— ответил он.

— Как же ты смел меня поцеловать?

— А я умею целоваться с женщинами, не любя их. Я бабочка.

Алеша поднял руки и помахал ими в воздухе, как крыльями.

Я ушла и больше его не видела. Вот уже полтора месяца.

А теперь этот звонок. Зачем? Что ему надо? В Звенигороде на практике надо мной хохотали. Я не хотела играть в игры с фантами — поцелуями. «Берегла поцелуй»! Им казалось это диким. Теперь я их понимаю. Теперь я знаю, что такое поцелуй. Ничто. Вот я сейчас подойду и поцелую шкаф. Что от этого будет шкафу или мне? Папа считает меня старой девой. Очень хорошо. Старая дева так старая дева.

Возвращаюсь к науплиусам.

Желтые шарики, плавающие в пресной воде, похожи на покрышки от футбольного мяча. Вылупившиеся из них рачки совсем такие же, как соленоводные, только они чуть-чуть меньше и чуть-чуть проворнее.

Два рачка переговариваются между собой. Два живых рачка в альбоме. Они заставляют меня чертить графики, выводить формулы, изучать целые разделы математики, термодинамики, заставляют читать книги по гидробиологии, биофизике. Заставляют...

Они заставили забыть все, что мучило меня в последнее время. Все куда-то отошло. Отступило. Об Алеше я вспоминаю только когда он звонит. Тогда я беру трубку и кладу ее на рычаг. Я не хочу с ним разговаривать. Я только не понимаю, как он может мне звонить? Кто же он такой? Бабочка? Нет, в то, что он бабочка, я не верю. Бабочкой он назвался, чтобы отделаться от меня. Понял, что не любит, и решил отделаться. За то, что не любит, обижаться нельзя. Но если уж он порвал, то зачем звонить?

А Танька уверена, что у меня с Алешей не все кончено. Таня с Севой приходят почти каждый вечер. Свой диплом Сева закончил еще в середине года, успел даже напечатать статью и теперь вместе со мной разбирается в сложных задачах по физике и математике. Он говорит, что это ему тоже полезно. Официального распределения еще не было, но Сева добивается, чтобы его послали на Белое море. Там он решил заняться моде-

лированием гидробиологических процессов. Мне тоже хочется куда-нибудь уехать. Хочется оказаться вдруг одной в чужом городе... А Танька говорит, что слышала, будто меня и Севу хотят оставить при кафедре. Никому и в голову не приходит, что я могу завалить диплом.

Прошел февраль. Прошли март и апрель. И вот я уже твердо знаю, что не смогу доказать, кто от кого произошел: соленоводные рачки от пресноводных или наоборот. Не смогу потому, что причина их различия все-таки не анаболия, а ценогенез, то есть приспособление личинок к разным условиям: личинок бранхипуса к пресной воде, артемии — к соленой. Разница между соленой и пресной водой тем сильнее должна влиять на строение организма, чем этот организм сложнее. Поэтому-то маленькие артемии и бранхипусы так похожи друг на друга и все-таки уже отличаются. Это отличие возрастает от стадии к стадии. Формулу возрастания я вывела.

На кафедре, наверное, будут острить: «Морозова сделала открытие, что открытия сделать нельзя». Даже, может быть, в поговорку войдет: «Чтобы не случилось с тобой, как с Морозовой!»

А что скажет Николай Иванович?.. Сейчас он в Звенигороде. Работу я ему пошлю с Севой. Сама не повезу. Не могу.

Все это время я Николаю Ивановичу врала. Врала, что все хорошо, что помощь мне не нужна, что... В общем, врала.

И теперь мне очень страшно. Ведь для Николая Ивановича будут полной неожиданностью мои новые выводы. Выводы, зачеркнувшие всю мою работу.

Сева поедет в Звенигород в следующий четверг. Надеюсь, я успею. Мне осталось составить библиографию и все перепечатать... Прошлым летом мы вместе с Севой возили на биостанцию оборудование на машине нашего завкафедрой. Николай Иванович всегда нас встречал на Верхних дачах с сыном. Его Сережке было четыре года, но он командовал отцом. Как-то, когда Николай Иванович наконец вышел из терпения и пригрозил Сережке, что оставит его одного в лесу, тот ответил:

«Давай, давай еще, как интересно!» Вот уж кто знает своего отца.

А вдруг Николай Иванович, несмотря на свою доброту, не простит мне лжи? Он ведь может не понять, почему я его обманывала. И может не поверить, что я не хотела ему мешать. Решит, что я так поступила просто от самонадеянности. Я же сама слышала, как девчонки с младшего курса смеялись: «Она совершает открытия!.. Ей больше всех надо!» Нет, Николай Иванович не может так подумать. Он самый умный, самый тонкий, самый чудесный человек на свете. Николай Иванович знает меня со второго курса. За четыре года он потратил на меня столько времени, души, сил...

Только теперь, наверное, он разочаруется во мне: ведь я не оправдала его надежд.

Если когда-нибудь у меня все-таки выйдет какая-нибудь книжка, я надпишу ее: «Моему первому и единственному учителю». И подарю Николаю Ивановичу.

Сама же придумываю какие-то дурацкие ситуации и сама же реву.

«Ну давай, давай еще. Как интересно!..»

А рачки продолжают говорить, и я никаким способом не могу заставить их замолчать. Сначала я не могла заставить их говорить, а теперь они не хотят молчать.

Шепчут и шепчут мне что-то в ухо.

«Молчите»,— говорю я рачкам и включаю радио, чтобы не слышать их. «Молчите!» — кричу я на них и иду в кино, показывая им, что они больше меня не интересуют, что они мне надоели... надоели... надоели! Нельзя сказать, чтобы я была несправедлива к ним. Не злилась же я на них, когда месяцами они доказывали мне, что мой диплом никуда не годится. Наоборот, я ловила каждое их слово. А теперь я хочу от них только одного — пожалеть меня и оставить в покое.

Но мне ничего не помогает. Рачки продолжают говорить. Они обещают мне открыть тайну. Я не хочу никаких тайн. Я хочу, чтобы они дали мне спокойно защитить диплом. Таким, какой он есть. Но рачки продолжают говорить. Они уверяют меня, что эту тайну знают только они одни, и больше никто.

«Мы очень особенные,— говорят рачки,— мы одинаковые и в то же время разные. Эту разницу можно выразить математически. И тогда тебе откроется тайна, гораздо важнее той, которую не удалось открыть. Тайна формообразования».

Рачки гипнотизируют меня, и я за три дня пишу новую главу.

Как возникает форма? Форма живого тела. Что ее определяет? Почему она такая, а не иная? И как из одной формы образуется другая форма?

Можно рассчитать корабль. А можно рассчитать рачка? У корабля задан объем, задан материал, из которого делается корабль, а у рачка задан сам рачок, скажем, рачок, который живет в соленой воде, и этот рачок, предположим, попадает в пресную воду. Из одной формы должна родиться другая.

Какая разница должна быть в строении органов движения у рачков в соленой воде и пресной? Можно это рассчитать и сравнить с тем, что есть на самом деле. И тогда, может быть, удалось бы установить, почему ножка такая, а не другая; почему соотношение развивающихся органов в пресной воде одно, а в соленой другое; почему хвост у соленоводного рачка маленький, с десятью щетинками, а у пресноводного огромный, со ста щетинками.

...Рачки продолжают гипнотизировать меня, и, перепечатав новую главу, я пишу письмо Николаю Ивановичу.

Я прошу его понять меня и помочь на год отложить защиту. Отложить для того, чтобы я могла сделать работу, которая была бы действительно по-настоящему ценной,— работу о формообразовании...

Я тороплюсь дописать письмо. За дипломом Сева должен заехать сегодня.

В комнату кто-то входит. Оборачиваюсь. В дверях — Алеша! Я не слышала звонка. Почему мама не сказала, что меня нет? Продолжаю писать. Алеша останавливается за моей спиной. Продолжаю писать.

— Может быть, ты прервешь свой труд? Мы все-таки не виделись довольно долго.

Алеша нагибается над моим альбомом. Алешины волосы касаются моего лица.

— Алеша, отойди.

Алеша садится в кресло и опускает голову на руки. Его лица

больше не видно, а волосы падают на пальцы, которыми он подпирает лоб.

— Моя мама меня извела. Требует, чтобы я женился. На какой-нибудь интеллигентной девочке. Как ты смотришь на то, чтобы помочь осуществить мечту моей мамы?

Встаю, подхожу к двери, открываю ее:

— Я тебя очень прошу — уйди.

Сейчас он уйдет, и эта комедия кончится.

— Ты меня не любишь!

Каким тоном он это сказал! Словно сделал открытие. Он не в состоянии себе даже представить, что это возможно!

— Да, Алеша, я тебя не люблю.

— Я понимаю, Ирочка, ты сердишься... Но в тот день я поссорился со своей мамой. Моя мама, как ты знаешь, очень хорошая, но она любит торопить события. И когда она начинает обсуждать со мной мои личные дела, мне сразу хочется сделать все наоборот.

Я смотрю на Алешу. Так вот, оказывается, в чем дело!

— Значит, в тот вечер ты со мной так разговаривал... назло своей маме. А теперь не можешь успокоиться, как это я без тебя не умерла, не заболела — сижу занимаюсь. Только поэтому ты и пришел.

— Это неправда, Ира, я тебе много раз звонил — ты бросала трубку. И я просто не решался прийти. А вот сегодня почему-то решился...

— Уходи.

Алеша молчит. Потом встает, идет к двери.

Я не провожаю его.

Входная дверь хлопнула.

...Звонок. Неужели вернулся?

В дверях Сева.

— Я пришел раньше, потому что хочу засветло приехать в Звенигород.

Молча я пропускаю Севу в комнату. Случайно ловлю его взгляд. Взгляд тревожный и одобрительный. Наверное, Сева встретил Алешу и по его виду понял, что мы не помирились.

Сева открывает портфель и кладет туда мой диплом.

— Сева, сегодня утром я решила: я не буду защищаться в этом году. Человек не должен идти на компромиссы ни в чем.

Я смотрю на Севу. Никогда его таким не видела.

— Я тебя очень люблю, Ира. Понимаешь — очень.

Я опускаю глаза и смотрю в пол. Обычно Сева так смотрит, а сейчас я. На полу в щели лежит иголка.

...Поднимаю глаза — Севы нет. И портфеля его нет. Он ушел, а альбом остался на столе. И письмо Николаю Ивановичу я не успела дописать. Выбегаю на лестницу, кричу: «Сева!» Ответа нет! Бегу на улицу. Машины с нашим оборудованием нигде не видно. Может, Сева оставил ее за углом?.. И за углом ее нет.

Теперь Николай Иванович уже совсем ничего не поймет из моей работы. Только, может быть, он не станет ее читать? Увидит в тексте ссылки на рисунки, а рисунков нет.

Без рисунков в моей работе разобраться очень трудно. Даже, наверное, невозможно.

Таня сидит на кровати вся зареванная. Она ходила к Витьке. Я ей вчера сказала по телефону, что у меня был Алеша, и она вдруг решила сама пойти к Витьке и наконец выяснить с ним отношения. А теперь ревет.

— Ты, оказывается, еще зимой разговаривала с Витькой обо мне? — спрашивает Таня.

— Пыталась.

— Почему же ты мне ничего не сказала?

— Потому что он плел всякую ерунду. Посоветовал сначала поцеловаться с кем-нибудь, а потом вести такие разговоры.

— Кретин какой! Ты не обижайся,— вдруг начала меня утешать Танька.— Ладно, давай заниматься дипломом.

Танька достает схемы, текст, но сосредоточиться на своем дипломе она, конечно, сейчас не в состоянии. И вот она уже требует от меня точно разработанный план поведения по отношению к Витьке. Требует, чтобы я сказала ей, что надо делать завтра, послезавтра, через месяц. И чтобы сказала, чем все кончится! Я не удивляюсь ее требованиям. Я сама ее к этому приучила. Что ей сказать: что я стала дурой и перестала что-либо понимать? Или наоборот, наконец поумнела и поэтому больше не могу давать советов? А может быть, рассказать ей продолжение сказки про хорошего зайца, которое вчера придумала?

...Один хороший заяц стоял в очереди за счастьем. Зайцев было много-много, очередь была длинная-длинная, а счастья было мало. И не всем оно могло достаться. Для очень хороших зайцев очередь сокращалась: она была ведь волшебная очередь, а для плохих — она раздваивалась. И тогда заяц попадал не в ту очередь и получал счастье, которое оказывалось ненастоящим...

Вероятно, мы с Танькой просто плохие зайцы и попали не в ту очередь. Вот и все...

— Ладно, Танька, давай лучше действительно заниматься твоим дипломом.

Таня слушается. У Тани просто рефлекс слушаться: с детства, с пятого класса, я толкаю Таню в бок и требую: не спи, учи, повторяй за мной.

Я читаю Танин диплом, делаю замечания. Мы редактируем текст.

— Почему ты не Витька? — вдруг говорит мне Таня и целует меня в локоть.— Мне с тобой так хорошо.

Я иду от Тани домой. Начинается дождь. Но за зонтом возвращаться не хочется. И так поздно. Весь день мы с Таней просидели над ее дипломом. У Тани диплом хороший. Иногда лучше поставить перед собой маленькую задачу и решить ее, чем большую, и...

Меня, конечно, лишний год никто в университете держать не будет. Ну и что? Ведь можно пойти работать, а диплом делать по вечерам... Я хотела об этом посоветоваться с Севой, а он...

Я всегда чувствовала, что нравлюсь Севе, хотя он мне никогда прямо этого не говорил. А в этот раз... Может быть, потому, что он теперь уезжает совсем. Добился — его посылают на Белое море.

Должно быть, ему сейчас очень больно. Ведь я ему ничего не ответила. А что я могла сказать? Объяснить ему, что лучше дружбы ничего на свете не бывает?.. Теперь я это поняла.

Кроме Таньки, только Сева был мне настоящим другом. Мне всегда хотелось ему все рассказать. Его откровенность я тоже очень ценила. Как-то он мне сказал уныло: «Я все еще выгляжу как школьник». Я тогда, помню, начала его убеждать, что люди развиваются по-разному. И в пример почему-то привела пре-

вращение головастика в лягушку. Самое смешное, что именно пример с лягушкой его и убедил.

А потом к дню рождения Севы я сделала «наглядное пособие»: развитие травяной лягушки. Оно было удивительно красивым. Пять головастиков — от крошечного, в несколько миллиметров, до большого, в несколько сантиметров,— прикрепленные к стеклянной пластинке, вставленной в тубус со спиртом, отсвечивали серебром (заднюю стенку тубуса я оклеила серебряной бумагой). Но это было не все. Самое главное — был футляр, обшитый черным бархатом и расшитый бисером. Я делала пособие целую неделю. Это было на практике в Одессе. Мы жили в общежитии, и, чтобы скрыть от девчонок свой подарок, я шила футляр по ночам. Но девчонки все-таки его увидели, и Галя сказала: «У тебя один свет в окошке — Сева». Севе подарок очень понравился. Развитие лягушки — это же символ нашей кафедры!

Вечером Сева повел нас в ресторан. Там мы ели что-то неслыханно вкусное, а потом Сева по очереди приглашал всех танцевать. Танцевать Сева не умел. Извиняясь перед каждой, что он лишь практикуется, Сева беспрерывно спотыкался о ноги партнерши. Всем было ужасно неудобно. И только ради дня рождения терпели. Когда очередь дошла до меня, я как-то сумела подчинить его движения своим... А Севу тут же обвинили в притворстве, потому что никто уже не верил, что он не умеет танцевать.

Дождь. Нет, это уже не дождь. Это уже ливень. Зря я не вернулась за зонтиком. Надо переждать в подъезде... Завтра, наверное, все зазеленеет...

А в ушах у меня все время Севины слова. Он сказал и ушел, а я думаю... Сегодня утром звонила Севина мама, она очень беспокоится, что Севы до сих пор нет. Я помню, когда мы с Севой возили оборудование, то обычно возвращались на следующий день. Наверно, его задержал Николай Иванович, попросил в чем-нибудь помочь.

А вдруг Сева возвращается сейчас? В такой ливень... Вообще-то Сева водит машину хорошо. Я люблю смотреть, когда он за рулем. Сева держит руки как-то по-особенному, почти не сгибая пальцы. В пальцах чувствуется и напряжение и легкость.

Град пошел. Град вместе с дождем. Хорошо, что я стою в

подъезде. Отсюда так все красиво! Белый град бьет по разноцветным зонтикам и отлетает от них в разные стороны...

...Когда-то это все уже было. Такой же ливень. Только тогда не было града, а было солнце. Я шла по улице Горького и пела: «Битая, тертая сто двадцать четвертая...» Это было в девятом классе. У меня была победа. Сейчас победы нет, а настроение почему-то вдруг стало удивительное...

На тротуаре белая пена из тающего града.

Как хочется скорее увидеть Севу! Скорее сказать ему, как это прекрасно, что мы с ним такие друзья, что мы так понимаем друг друга, что мы можем никогда друг в друге не сомневаться. Когда Сева уедет на Белое море, я буду писать ему длинные, длинные письма. И пусть он чувствует, что есть человек, который всегда о нем думает, всегда хочет, чтобы ему было хорошо.

В последнее время Сева приходил ко мне каждый день. Он знал все. Знал, как с каждым днем я все больше и больше развенчиваю свой диплом. Он уходил и, придя домой, тут же звонил мне, и я понимала, что он живет моей работой. Он приучил меня к этим звонкам... И мы говорили, говорили...

А теперь он уедет. Уедет? Нет, я не представляю себе дня без голоса Севы. Мне нужен его голос, мне нужно его видеть. Мне нужен он. Он!..

Я люблю его!

Я замираю. Боюсь пошевельнуться. Может быть, это пройдет? Может быть, мне это только почудилось? Ведь еще минуту назад я ничего об этом не знала. Нет, я люблю его!

Я иду домой. Иду очень быстро. Потоки воды несутся по мостовой. Вода бурлит возле железных решеток и падает в подземные колодцы.

Если Сева приехал, он должен позвонить мне, и я ему скажу... Я ему все скажу... Все.

Во дворе очень темно... Бегу по лестнице... Открываю дверь.

На моем столе письмо. На конверте Севиным почерком написано: «Ире». Я письмо не распечатываю. Я сажусь на стул и долго смотрю на конверт.

Потом беру ножницы и осторожно надрезаю край. Письмо от Николая Ивановича.

Ира, Вы большой молодец! Вы не дали себя обмануть выводам, которые так легко напрашивались. От всей души поздравляю Вас! Отдаю дань твердости Вашего характера, Вашей добросовестности, Вашему таланту. Побед будет еще много, и все они будут одна другой прекрасней.

Здесь сейчас Федоров. Он Вас помнит по работе о головастиках, считает, что Ваш диплом заставит пересмотреть результаты целого ряда аналогичных задач. Очень заинтересовался последней главой, особенно новым подходом к проблеме формообразования. Для работы над этой проблемой Федоров собирается создавать специальную группу. Пришлите альбом.

С уважением Николай Иванович.

P. S. Сражен Вашими актерскими способностями! Так скрывать свои трудности, оберегая мое время.

...Открываю альбом... Два рачка переговариваются между собой.

УТЯ

Повесть

Глава первая

1

Таких кошек очень много. Серые в черных разводах. Они сидят на лестницах, выглядывают из óкон подвалов, роются в мусорных бачках. И если у них и есть хозяева, то сразу несколько. Им выбрасывают еду из óкон первого этажа, им выносят ее в кулечках, когда идут гулять или в магазин. Кошка подъезда, кошка дома, кошка двора. Да, кошка двора — это не совсем дворовая кошка. У дворовой кошки нет и таких хозяев.

2

Ну, а если это не кошка, а маленький серый котенок?

Котенок бегает во дворе, он не боится людей, крутится под ногами и доверчиво забегает за любую открытую дверь. У него еще нет опыта и мудрости взрослого кота. Он еще не знает, что сколько ни бегай, сколько ни прыгай и ни играй — все равно никто не пожалеет и никто не возьмет к себе.

И он играет, он бегает и прыгает, у него много энергии, и ее некуда девать. И в этом его преимущество: отсутствие опыта и много энергии.

Одна дверь, другая, третья... Отсюда выгнали, там подержали немножко. Тут приласкали и попытались пристроить: все-таки маленький, ну ведь совсем маленький котенок. И опять выбросили.

И новые двери, новые люди... И наконец, наша.

Мы ничем не отличались от других, как и наша дверь. Мы тут же решили, что выбросим котенка. Но был час ночи, когда мы его заметили у себя в коридоре. Он сидел, прижавшись к стене, такой маленький по сравнению со стеной. Такой худенький и дрожащий.

И мы решили оставить его до завтра. Только до завтра.

3

Разве может дворовый котенок сразу понять, для чего ему поставили песок? Весь двор — сплошной песок и земля. А здесь только одна коробка. Мало ли для чего она!

Домашний котенок знает, для чего такая коробка. Его приучают, его тычут в песок, его даже бьют, чтобы он знал. А с дворового никакого спроса нет. Дворового никто не приучал, никто не тыкал, никто не бил.

И вот этот дворовый котенок, казавшийся таким наивным и глупым, вдруг начинает разгребать песок в коробке. Что это — чудо?

Котенок старается. Он понимает все и сразу. Он понимает, что люди ночью спят и их не надо будить. А нужно кротко ждать, когда они проснутся.

Они совсем забыли о тебе. Ну кто будет помнить о каком-то котенке, которого пустили на ночь?

Котенок не в обиде. Что вы! Котенок не смеет обижаться. Он подкрадывается к руке, которую я случайно свесила с кровати, и дотрагивается до моего пальца. Он лижет его маленьким шершавым язычком, лижет аккуратно, тщательно, словно свою шерсть. Все должны утром мыться, и вот меня моет маленький котенок.

А потом он прыгает. Он прыгает боком. Боком, поджав хвост, весь изогнувшись, он прыгает, не меняя позы. Боком, боком от угла до угла.

И еще есть занавес. На него страшно взбираться маленькому котенку. Такой котенок, если бы он был домашний, еще и со стола бы боялся спрыгнуть. Но этот не домашний. Этот уличный. Этот уже много видел и много прыгал. И он храбро взбирается по занавесу. Сначала раскачивается внизу, а

потом все выше и выше. И вот он уже почти под потолком. И вы пугаетесь за него. А за него в жизни еще никто никогда не пугался. Как хорошо, когда за тебя пугаются, тогда совсем ничего не страшно. И котенок прыгает, потеряв страх. Застывает на секунду и снова прыгает. Занавес, пол, опять занавес.

«Кис-кис»,— зову я котенка.

Но он не обращает никакого внимания. Он словно не слышит. Он ведь еще не все показал, на что способен. Он еще и не так может прыгать. У него в запасе еще и не такие позы, которые он должен показать вам, обязательно показать, потому что если он не покорит вас сегодня, сейчас, сию минуту, то когда же? И что будет дальше?

А мы просто не можем его поймать.

А надо уже идти, и мы решаем его оставить до вечера.

4

Часто со мной было такое: знаю, что-то случилось приятное, а что — не помню. Так и в этот день было. Но сегодня-то что? Оказалось — котенок. Дома ждет котенок. А вдруг уже и не ждет? Приду, а его уже нет. Ну и хорошо, что нет. Не надо будет думать, что с ним делать.

Но котенок был дома.

— У него шишка на животе,— сообщает мама.

Вот еще и шишка. А что еще можно ожидать от уличного котенка? Разве так заводят котят? Их приносят от родителей — каких-нибудь сиамских или сибирских. Они чистые, вылизанные матерью, ухоженные. А этот?

Ну конечно, у него должна быть шишка. Шишка — это еще лучшее, что у него может быть.

Я нахожу шишку. Это оказывается обыкновенная пупочная грыжа. Но она представляется мне чем-то ужасным и уж обязательно заразным.

— Фу! — Я отбрасываю от себя котенка и боюсь к нему при-

тронуться.— У него грыжа,— говорю я с таким отвращением, что котенок забивается в угол.

Он тихо сидит в углу, он боится пошевелиться. Он чувствует, что виновен. Ну конечно, виновен: у него грыжа.

Теперь уже ничто не поможет. Сколько ни прыгай, сколько ни подлизывайся — ничто не поможет. Грыжа!

— Ну и что, что грыжа,— спокойно говорит папа и берет котенка на руки.

Люди делятся на две категории: на тех, кто любит собак, и тех, кто любит кошек. Мой папа любит кошек.

— Ну и что, что грыжа? Ух ты, какой маленький!

Кого любят, того называют ласково. Тому дают ласковые имена. Каких имен только не придумывают! Разве котенок может об этом знать? А вот знает и чувствует, что папа ему симпатизирует.

— Замурлыкал, смотри, замурлыкал!

Тихо, совсем тихо мурлычет маленький котенок. Первый раз в жизни? Да нет, наверняка нет. Была же у него мама, которая кормила его. И вот тогда, уткнувшись ей в шерсть и переступая по ее животу лапками, он тоже мурлыкал.

Теплый мамин живот, мамино молоко, мамин шершавый язык, вылизывающий его. Все это он знал. Значит, он знал, что такое ласка. А теперь эта рука и ласковое слово — и вот он снова мурлычет.

Можно ли выбросить котенка, который снова узнал ласку, тепло? Все можно.

И котенок это чувствует, он даже чувствует, откуда грозит опасность. От меня. Правда, мне поставлено условие: не выбрасывать его, а кому-нибудь отдать. Но кому? Кому отдать? Такого простого, хилого, да еще с грыжей. Кто возьмет? Я набираю номера телефонов. Я рекламирую котенка. Но никто его не хочет. Никто.

И я не хочу. И не потому, что он мне не нравится. А так.

Котенок сторонится меня, он забивается в угол и отворачивает от меня голову.

Я перестаю звонить по телефону, и мне становится жалко его. Вдруг он действительно понимает, о чем я говорю?

— Иди сюда,— подбадриваю я его, но он не идет.— Ну иди, иди, не бойся. Ты такой маленький, хорошенький, иди. (Не

идет.) Я больше не буду звонить по телефону,— говорю я котенку, как будто он и впрямь все понимает.— Ладно уж, я тебя не отдам.

Но котенок не идет. Значит, не понимает, конечно же, он не понимает. Я ложусь на диван и стараюсь заснуть.

И вдруг чувствую, как маленький шершавый язычок прикасается к моей руке.

5

Что за странное имя Утя? От слова «утка»? Да нет, что вы! Мы даже и не думали ни о какой утке, когда давали нашему котенку имя. «Ух ты маленький! У-ти маленький»,— повторял папа, и котенок сразу же поднимал голову. Так он стал Утей. Вернее, она. Потому что Утя была кошечкой. Утю не надо было приучать к имени. Она приучала к нему нас. «Утя»,— говорили мы недоверчиво, не зная, отзовется она или нет. Утя отзывалась. Радостно, охотно. Ей было чему радоваться. У нее было имя. Теперь ее уже не выбросят. У нее есть имя, как и у других членов семьи.

«Утя!» — И она мчится в одну сторону. «Утя!» — Она бежит в другую. «Утя! Утя!»

6

Утя спит. Она спит день, спит два, спит три... Что с ней? Заболела? Нет! Просто первый раз в ее жизни она может спокойно спать. И она спит. У нее есть хозяева, у нее есть дом, и ни о чем, ни о чем больше можно не волноваться!

Теперь волнуемся мы: сколько можно спать?

А долго, очень долго.

Столько, сколько нужно, чтобы заспать весь ужас бездомной жизни, столько, сколько нужно, чтобы забыть подворотни и подъезды, подвалы и мусорные баки, чтобы забыть холод и страх, чтобы забыть чужих, безразличных людей, которые идут мимо, а к ним надо подлизываться и подлизываться. Сколько надо спать, чтобы забыть все это?

И Утя спит. А мы ходим по квартире притихшие и виноватые.

Воспитывать можно по-разному, можно просто вовремя кормить, менять песок и уважительно разговаривать, как со взрослой. Можно при этом и любить и не очень показывать эту любовь, чтобы не баловать. Баловать всегда плохо. Всегда ли? А может вдруг оказаться, что это одно-единственное лекарство — баловство. И никакое другое не поможет. Никаким другим вылечить нельзя. От какой же такой болезни лечит баловство? Нет, баловство — это мало. Обожание. Обожание с утра до вечера.

Мы не думали о том, что баловство — это лекарство, и о том, что Утя больна. Чем больна? Травмирована в раннем детстве? Но кто сказал, что баловство — это то самое лекарство, которое необходимо в таких случаях?

Нет, мы не думали о прошлом Ути. Мы просто обожали ее. «Ну, начались ритуальные танцы!» — говорили наши гости. Вы думаете, они имели в виду Утю? Нет. Утя не танцевала. «Танцевали» мы вокруг Ути.

Сначала гости возмущались, ревновали, а потом привыкли. И уже знали: самая главная в доме — Утя. И Утя это знала. Ведь все разговоры вертелись вокруг нее, как же не знать, что ты самая главная, самая достойная, самая красивая, самая умная.

Утя спит, но, когда говорят про нее, она оттопыривает ухо. «Это она чтобы лучше слышать». И Утя обижается: она помахивает хвостом. «Перестаньте о ней говорить: она недовольна, хвостом машет».

Но Утя довольна. Очень довольна. Да как тут не будешь довольной, когда тебе все разрешается: и расцарапать папину руку в кровь, и прыгать где угодно, и спать где угодно. Когда ничего, ничего не надо бояться. Когда тебя никогда и никто не ругает, что бы ты ни сделала.

Кто же из тебя вырастет?

Но мы не мастера воспитывать. А Утя так забавна, мила и трогательна, что мы не можем отказать себе в удовольствии обожать ее. А ведь, в конце концов, она только котенок. Так неужели мы должны подавлять в себе

естественные желания, одергивать себя ради какого-то неизвестного нам, но принятого всеми процесса разумного воспитания!

Глава вторая

1

Про дом, в котором Утя выросла, она знала все. И кто когда здесь спит, и когда здесь едят. И у кого какое настроение. В этом доме у нее были свои укромные уголки, в которых можно было спрятаться, чтобы побыть одной, мягкие диваны, на которых можно сладко спать на спине, запрокинув голову и вытянув лапы. Спать так, как хочется, как удобно.

В этом доме было все, чтобы спокойно прожить жизнь. Но какую жизнь? Я не хотела для Ути такой жизни. Я хотела Уте счастья. Почему Утя должна выбирать: дом или улица? Только потому, что она от нас зависит?

У нее должна быть своя, кошачья жизнь. Не у всех кошек она есть. Сколько таких, которых не выпускают из дому, боясь, что их украдут, или убьют, или они принесут заразу. Эти кошки и не стремятся на улицу. Они не знают другой жизни, кроме той, которую имеют. А как можно хотеть того, чего не знаешь?

Утя часами сидела на форточке и не прыгала вниз. Помнила ли она, как маленькая бегала во дворе? А может быть, просто ей нравилось дышать свежим воздухом?

Может быть, если бы мы не жили на первом этаже, она бы так и провела всю свою жизнь на форточке. Но мы жили на первом этаже, и как-то ловким движением она была выброшена из форточки вниз.

Я испугалась. Разве можно так обращаться с Утей? С таким изнеженным, хрупким существом! И Утя испугалась, она тут же прыгнула обратно на подоконник и снова в форточку. Вот она и дома, и все страхи позади. И ее и мои. Но ощущение чего-то нового, предстоящего осталось.

Проходит несколько дней, и Утя сама прыгает из форточки. А потом и обратно. Тоже сама.

Я не мешаю ей. Я хочу, чтобы у нее была своя жизнь.

2

Утя становится непослушной. Сначала было просто. Нужно Утю позвать — выйдешь во двор и крикнешь: «Утя!» И Утя приходит. И бежит рядом с вами домой. И даже не через форточку, а через дверь входит.

А вчера она измучила папу. Спряталась за телефонную будку. И начала с ним играть: поймает он ее или нет.

Кошки вообще любят играть. Они играют с бумажкой, привязанной к нитке, с мячиком, с любым клубком... Но в прятки? Да еще так серьезно!

Папа заходит с одной стороны телефонной будки — Утя прячется с другой. Папа хочет ее поймать с другой, но Утя проходит за телефонной будкой и опять оказывается с противоположной стороны. Так папа и не смог поймать Утю. А ему надо было уходить. И он ушел, оставив Утю на улице.

Это было вчера, а сегодня Утя забралась на дерево. Она и раньше забиралась на деревья. Ни с того ни с сего она вдруг прыгала на дерево и, вцепившись в него когтями, замирала. Потом смотрела вниз и спрыгивала. А сегодня она не спрыгнула, а «поскакала» дальше. Именно поскакала. И видно, от высоты она приходила все в больший и больший азарт и остановиться уже не могла.

Мы стояли внизу. Мы кричали:

— Утя! Утя!

Но наш крик, вероятно, только вдохновлял ее. И вот она уже на уровне четвертого этажа. Наконец Утя остановилась, посмотрела вниз и застыла. Да, тут застынешь. Что толку, что мы стоим внизу? Что мы можем сделать?

— Утя, Утя, спускайся!

Но Утя не спускается. Видно, она умеет пока только взбираться.

Хорошо, что дерево растет возле дома. Мы поднимаемся на четвертый этаж и стучим к незнакомым людям. И они открывают окно и вместе с нами начинают звать Утю. И Утя по тонкой ветке идет к нам.

3

— Утя, иди к бабушке!

Это говорит не бабушка. Это говорит наш знакомый, подражая голосу моей мамы...

Да, так говорит моя мама: «Утя, иди к бабушке». И Утя идет к ней. Правда, не сразу. Сначала она делает вид, будто не понимает, чего от нее хотят. Она отворачивает голову и не смотрит в мамину сторону. «Утя, иди к бабушке!»

И вдруг Утя вскакивает и с криком «мяу» бросается к моей маме на колени. Прижавшись теменем к маминому подбородку, Утя обвивает ее за шею и, перебирая лапками, начинает мурлыкать.

Есть ласковые кошки, которые любят, чтобы их гладили. Все равно кто. Утя не такая. Утю можно погладить, но только тогда, когда она сама этого хочет.

Чужих Утя просто не признает. «Не трогайте ее, она вас цапнет»,— предупреждаем мы наших гостей. Но они не верят и гладят Утю. И Утя шевелит хвостом. А потом поднимает голову, и в глазах у нее такое, что тут уже нельзя не поверить. «Что это за кошка!» — возмущаются все...

И вот один знакомый придумал.

— Утя, иди к бабушке! — говорит он тоном моей мамы и похлопывает себя по колену, точь-в-точь как делает это мама.

Утя отворачивается. Но ведь и от «бабушки» она сначала отворачивается. И знакомый продолжает:

— Утя, иди к бабушке.

Утя сидит, жмурится, кажется, она не обращает никакого внимания на то, что ей говорят. И вдруг Утя повернулась. Она смотрит на нас, словно ищет поддержки. Но мы сидим с равнодушными лицами. А знакомый продолжает:

— Утя, иди к бабушке, ну иди, иди...

И Утя, жалобно мяукнув, вскакивает к нему на колени. Обнимает его лапками и начинает мурлыкать.

Мы смеемся. Утя тут же перестает мурлыкать, растерянно смотрит на нас и обиженно прыгает на пол.

4

Вы думаете, холодильник стоит в квартире, чтобы не портились продукты? Вовсе нет. Он стоит, чтобы греть Утю. Во всяком случае, Утя в этом уверена.

Утя ложится на прорези в холодильнике, откуда идет тепло. Оно окутывает Утино тело, и Утя засыпает. Вот тебе и современная печка в современных квартирах для современных кошек.

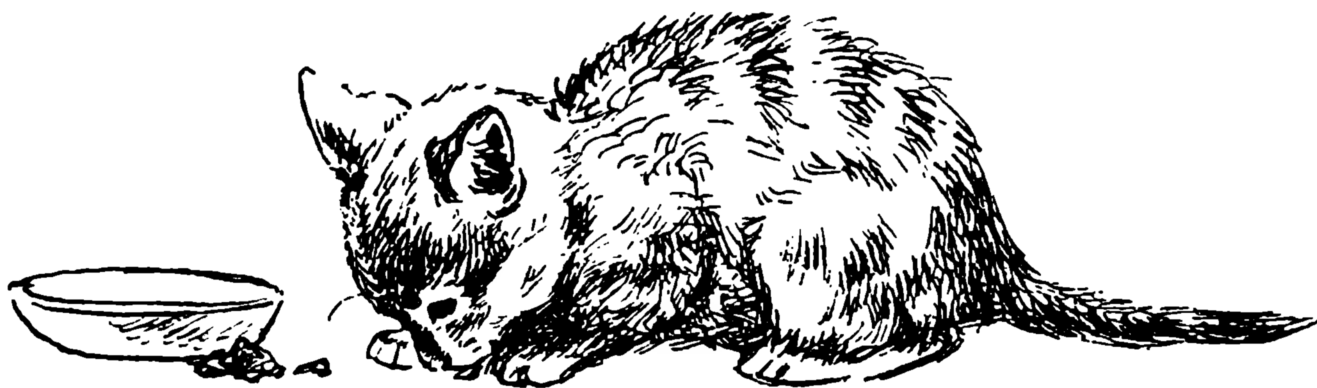
Ну, а еще холодильник стоит для того, чтобы кормить Утю. Для этого нужно просто возле него Уте посидеть. Тогда он откроется, не сам, конечно, но это уже мелочь. Но прежде чем «он откроется» (прежде чем вы протянете к нему руку, чтобы его открыть), Утя его погладит. Она поднимется на задние лапы и, встав в полный рост, обнимет холодильник. Словно он живой и сейчас даст ей сырое мясо.

А когда все садятся за стол, Уте ставят стул. Потому что, если ей стул не поставить, она на чужой сядет. Ну не сгонять же ее? Утя любит сидеть со всеми за столом. Вот она сидит, и кажется, что она ест вместе с вами. И суп, и второе, и третье... Что она такой же член семьи, как и вы. И что ей очень приятно, когда все собираются вместе за одним столом.

5

Утю надо кормить. Кормить хорошо и вовремя. И совсем не потому, что иначе Утя будет голодная. Утя не будет голодная. Она просто поймает птичку. И когда вы придете, то увидите, что весь пол в перьях.

Ну как объяснить Уте, что птичек ловить нехорошо? Ведь когда она ловит мышей, ее еще и поощряют. Как объяснить Уте,

что птичка лучше мышки? Что птичек ловить нельзя, а мышей нужно. А никак этого Уте объяснить нельзя, потому что для Ути что мышка, что птичка — все одно. И никакой разницы в них нет, только за одной нужно прыгать вверх, а за другой красться по земле. Вот и вся разница для Ути. И она совершенно права: какое ей дело до того, что птицы людям приносят пользу, что птиц люди любят, а мышей боятся. Что кошки, может, для того и существуют, чтобы избавлять дом от мышей.

Когда Утя была совсем маленькая, в ведро попала мышка. Мышка тоже была маленькая и не могла выбраться из ведра. Тогда мы взяли Утю и посадили в ведро. Утя схватила мышку, выпрыгнула с ней и выпустила ее.

Маленькая Утя не понимала, как это можно есть мышек. А теперь Утя выросла. Она ловит мышей и птичек. И играет с ними.

Зачем она с ними играет? Может, они от этого вкуснее становятся? От страха, от испуга?

Отпустит Утя мышку. Кажется, совсем. Но вот побежала мышка — и Утя хлоп ее лапой! Замерла мышь. И Утя замерла. И вдруг как начала подбрасывать ее. А потом снова отпустила. И снова лапой поймала, и снова подбрасывает. Подбрасывает, ловит, подкидывает. Мышь уже и не пытается бежать. Лежит и не двигается. Но Утя ее лапкой шевелит. Шевелит, гладит, пока мышь не очнется, пока снова сил не накопит, чтобы побежать. И Утя опять ее лапой к полу. И уже когда совсем мышь из сил выбьется, тогда...

До Ути у нас не было мышей. Во всяком случае, я не помню. Вероятно, травили их. А при Уте травить нельзя. Иначе и Утя может отравиться. И Утя ловит мышей. И ест их, и теперь, видно, уже не понимает: как это можно их не есть?

Мама утром проснулась. А у нее под кроватью мышка. Мертвая. Не потому ли Утя принесла ей мышку, что у нас холодильник пустой?

6

И вдруг Утя пропала. Сначала мы не верили. Нам казалось — придет. Мы прислушивались к каждому стуку, вздрагивали от каждого шороха. Но Ути не было. Сутки, вторые, третьи...

— Утя! Утя! — Мы ходим по двору и кричим: — Утя! Утя!

На что мы надеемся? Мы надеемся на то, что Утя заигралась. А может быть, у нее какие-то свои важные дела? Кто знает, как и где она проводит время в этом дворе? А может быть, и не в этом, а в каком-нибудь другом? А может быть, она попала в подвал и теперь не знает, как выбраться?

— Утя! Утя!

Нет Ути.

И мы возвращаемся. Мы сидим беспомощные и не знаем, что делать. Повесить объявление? Но стоит ли вешать объявление, в котором будет написано: пропала обыкновенная серая кошка тигровой окраски.

Через полчаса у нас будет тридцать таких кошек. Но нашей среди них не будет. Потому что наша укусит, расцарапает, вскарабкается на дерево, но в руки никому не дастся.

Как кошки находят дорогу домой? Откуда мы знаем.

Утя выросла, и теперь мы должны будем каждый раз терпеливо ждать ее возвращения из неведомого нам мира. И мы согласны на это, лишь бы она сейчас пришла. Но на исходе уже третьи сутки, а ее нет.

— Ее могли увезти как бездомную,— говорит мама и снимает телефонную трубку. Мама набирает справочную.— Девушка! Понимаете, у нас кошка, замечательная кошка...

— Вот она! — Папа кричит и бросается к окну.

За окном Утя, у нее испуганные круглые глаза. В этих глазах страх, который она испытала в детстве: не пустят.

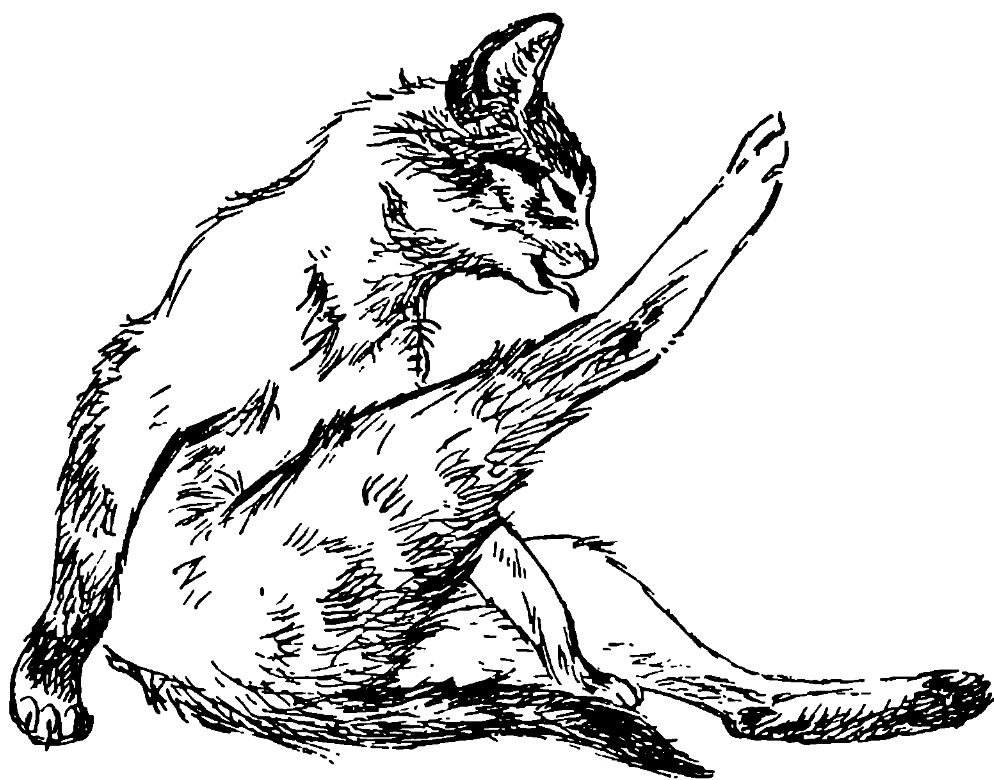
Папа открывает форточку, и Утя вспрыгивает. Она лежит у папы на руках, как тяжелый куль.

Потом Утя моется, долго, долго моется. Она такая грязная, что кажется невозможным, чтобы она сама вымылась. Но она моется.

Мы ни разу не мыли Утю. Сама бы она не далась, а мы никогда не перечили ей.

Утя вымылась и заснула. Заснула не поев.

— Она вышла замуж,— сказала мама.

7

Как-то мне приснилось, что Утя заговорила. Встала на задние лапы и начала говорить. И я очень обрадовалась, но совсем не тому, что смогу разговаривать с Утей, а тому, что теперь, поскольку Утя говорит, мы сможем с ней выступать в цирке. И это будет самый лучший номер, который когда-либо существовал.

Я проснулась, но ощущение говорящей Ути еще долго не оставляло меня.

Там, во сне, говорящая Утя была так реальна, и я даже вспомнила, что вовсе она ни о чем и не говорила, а просто стояла на задних лапках, как она и умеет стоять. Только стояла она под музыку и аплодисменты, и все, все в зале и я знали, что она умеет говорить.

Я смотрю на Утю, и мне вдруг... Нет, мне не кажется, что Утя умеет говорить. Я просто подумала, что если бы Утя умела говорить, то была бы «из молчаливых». Есть же такие, которые все больше молчат и молчат. Вот и Утя у нас «молчаливая». Жест, движение, выражение глаз — и достаточно. Зачем говорить? Пусть ловят твои взгляды, пусть угадывают твои желания...

«Мяу».

Я удивлена, словно Утя заговорила.

— Что тебе?

Утя сорвалась с места. Она встала на задние лапы и потянулась ко мне передними. Неужели Утя хочет ко мне на руки?

Утя вскакивает на колени и нетерпеливо начинает переступать с лапки на лапку. Я чувствую, Утя от меня чего-то требует. Я дотрагиваюсь до Ути, и она благодарно мурлычет. Ах вот оно что: надо гладить. Только почему вдруг Утя разрешает себя гладить? Я глажу Утю и вспоминаю сон, как мы с ней стоим под музыку и аплодисменты и все, все знают, что Утя умеет говорить.

Я долго глажу Утю, а она мурлычет и мурлычет. Но сколько можно? И я перестаю гладить Утю.

«Мяу!»

Я смотрю на нее. Утя просит, нет, требует, чтобы я ее гладила.

Но здесь нет ни музыки, ни аплодисментов, мы не в цирке, и ты не умеешь говорить. Или умеешь?

Утя ложится на диван на спину и смотрит на меня, смотрит и тянет ко мне лапку, и я, подчиняясь ее взгляду, дотрагиваюсь до ее живота. Большого, упругого живота. Неужели она позволит до него дотронуться?

Но что ей делать, если у нее болит живот и если только моя рука может облегчить эту боль? Я глажу Утин живот, а она старается пошире расставить свои лапы, чтобы я не подумала, что она может меня цапнуть. Да какое цапнуть! Она мурлычет. Она сладко мурлычет: гладь, гладь, гладь.

Ну хватит, Утя, хватит. Я хочу принять руку, но она придерживает ее мягкими лапками. Такими мягкими и шелковыми, словно в них вообще нет и никогда не было когтей. И я снова сдаюсь и снова глажу ее.

А потом я встаю, и Утя бежит за мной. Я ложусь на диван, Утя ложится рядом. Ей надо, чтобы ее гладили. И я незаметным движением показываю, куда надо ей лечь. Утя ложится. И именно туда, куда я показываю. Тогда я показываю на другое место. И Утя ложится на другое место. Так, значит, ты все понимаешь? Все?!

Утя берет мою руку мягкими губами и кладет ее на то место живота, которое я должна гладить.

Вечером у нее родилось четверо котят.

8

Говорят, «в рубашке» рождаются счастливые. Я не знала, что это такое — «рубашка». Но когда увидела одного из котят, словно запеленатого во что-то прозрачное,— тут же решила: «В рубашке родился».

Возможно, он и действительно родился «в рубашке», потому что один из четверых остался живой.

Остальных утопили. Бросили на дно ведра с водой, и все. Пока не сделаешь, кажется: ну что особенного — утопить? Все топят, а что же еще с ними делать? Не заполнять же квартиру котами?

Котят утопили. Кто-то бросил их в воду. Но уже выкинуть из ведра никто не хотел.

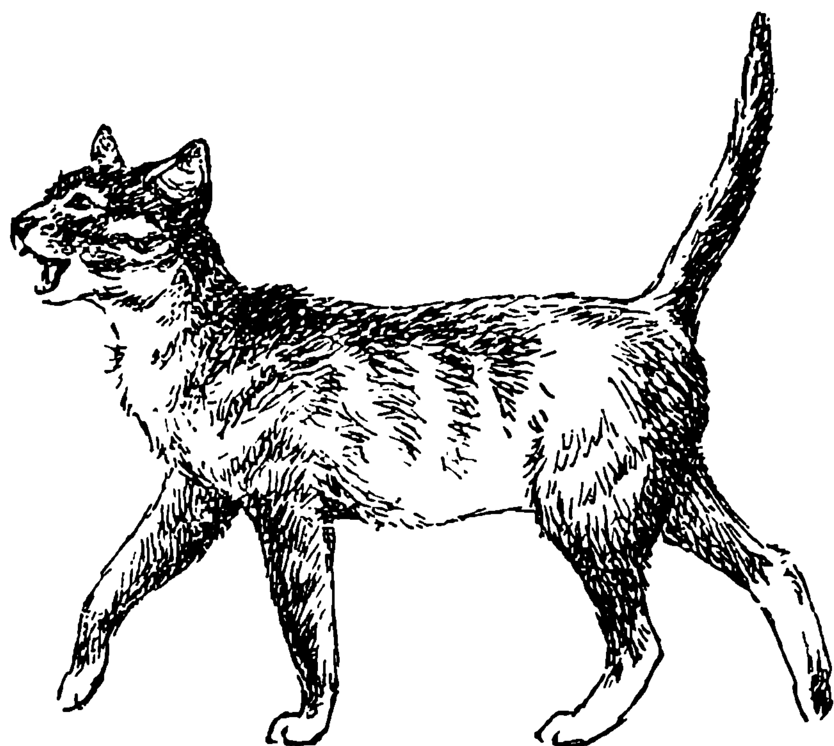
И решили, что сделать это должна я, поскольку работа у меня такая, что привыкла я резать мышей и лягушек. И я подумала: действительно, если я режу мышей и лягушек и делаю операции на кроликах, то кому же, как не мне, выбрасывать мертвых котят? И выбросила.

Утя не «спрашивает», где остальные котята. Зачем спрашивать: взяли и принесут. А куда же они могут деваться? Но вот она уже облизала оставшегося в живых котенка. Вот он уже высох и оказался вдруг пушистым. А других котят нет.

Утя блуждает по комнатам, принюхивается.

«Мяу...» Голос у Ути совсем не такой, как обычно. Она разговаривает не с нами, она зовет котят. «Мя-а» — нежно, тонко переливается Утин голос. Вот, оказывается, как она умеет. То короткое «м», то длинное «мя-а», то раскатистое «мр-ря...».

Но что толку... Котят нигде нет.

Как же так? Ведь она верила нам. Грустно смотрит Утя на нас своими раскосыми трепетными глазами, грустно и немножко безразлично.

9

Утя едет в машине. В такси. Утя видела много машин. Но они всегда мчались мимо. А теперь мимо Ути мчатся дома, люди... Уте страшно. Глаза испуганные. Утя то дрожит, уткнувшись головой в мой рукав, то вдруг начинает кричать и метаться.

— Утя, успокойся!

На миг Утя застывает и смотрит с ужасом в окно. И опять кричит. Мама берет Утю на руки.

Мама привыкла ездить в машинах, так разве она может понять состояние Ути? Мама спокойно берет Утю на руки. Цап — и мамина рука в крови.

Вот теперь можно лежать спокойно. Теперь мама понимает состояние Ути. И все понимают. Теперь уже не надо ни метаться, ни кричать, ни с ужасом смотреть в окно. Теперь всем все ясно. Можно тихо лежать и ждать своей участи. И Утя лежит и ждет.

Только ничего плохого с ней и не думают делать.

Ее везут на дачу.

Трава была и в городе. Но в городе по ней нельзя было свободно разгуливать. Всегда приходилось остерегаться чужих людей. А тут забор. Никто не объяснил Уте, для чего забор. Но Утя и так сразу все поняла. Если тебя ограждает забор, то можно никого не бояться и можно кататься по траве сколько угодно.

И греться на солнце посреди двора. Прямо на дорожке, чтобы все ее видели. И те, которые ходят за забором, тоже видели, какая Утя красивая, изящная, какой у нее дом и какой у нее сад.

А еще Уте хочется покорить кота. Кот живет у соседей и

приходит в гости. Кот всегда приходил в гости, только раньше здесь не было Ути. А теперь вот Утя. Кот очень стар. Ходит медленно, а больше сидит и смотрит, как Утя по траве носится. Будь он помоложе, он бы вместе с ней носился.

И Утя дразнит кота: ляжет перед ним на спину и ползет, вся извиваясь, как змея. И вся она такая томная, ласковая... А кот тихо хмурится. Стар он, очень стар...

Пользу забора Утя поняла, а вот пользу дверей — не хочет.

Нет, Утя не будет переучиваться. Она даже прыжок не будет менять. Раз! — и Утя на окне. Только не на форточке. Здесь форточка ниже, чем в городе, и Утя спускается в нее сверху, с наличника. Утин прыжок рассчитан точно. Зимой, когда подоконник обледенел, когда на форточке трудно удержаться, когда лапы замерзли и скользят, очень важно иметь точно рассчитанный прыжок.

И Утя не меняет его. И правильно делает. Скоро Утя вернется в город.

10

Да, у нее была своя жизнь. Эта жизнь перекрещивалась с нашей постольку, поскольку мы жили вместе. Поскольку у нее с нами был один общий дом. В нем она проводила часть своей жизни. Другую часть она проводила там — во дворе.

Но как долго можно гулять? А наверное, очень долго, если за тобой ухаживают сразу три кота. Почему три? А кто их знает, почему три. Может быть, у них, у котов, так положено, чтобы сразу трое ухаживали. А может, Утя пользуется особым успехом?

Глаза у нее большие, раскосые, черными полосами подведенные; глаза умные, трепетные. И если мы понимаем, что Утя красивая, почему же котам этого не понять? Наоборот, коты, наверное, еще лучше понимают.

Не отпускают они Утю. Окружили с трех сторон и не отходят. А Утя и не пытается вырваться. Сидит спокойно, гордо, уверенно.

Но сегодня утром Утя пришла домой совершенно на себя не похожая. Отморозила Утя уши, и висят они теперь у нее, как у собаки.

Утя садится на холодильник, греется, но разве это поможет? Теперь так и будет ходить Утя с обвисшими ушами.

Раньше Утя на звук уши настораживала. Они у нее так и вращались то в одну сторону, то в другую. Удобно было. Лежит Утя спокойно, только ухо движется. Мало ли какие звуки бывают: на одни надо срочно бежать, а от других можно и отмахнуться, не слушать их вовсе. И снова можно лежать. Лежать и не тревожиться.

А теперь ухо не двигается. Как же ты, Утя, не заметила мороза? Видно, коты совсем тебе голову заморочили? Кому ты теперь будешь нужна: такая некрасивая, с обвисшими ушами?

Только вечером Утя опять уходит, а папа не ложится спать. Ждет. Ведь если Утя так ничего не понимает, то и совсем может замерзнуть.

Но спать надо. И папа берет нож в руки, и еще один нож, и начинает ножом о нож водить. Форточка открыта, и далеко разносится звук от ножей. Утя всегда прибегала на этот звук. Этот звук означал, что в доме есть мясо, сырое мясо, и что его сейчас будут резать.

Папа точит ножи, звук разлетается по двору. Откуда знать Уте, что в двенадцать часов ночи мясо не режут? Разве может она догадаться, что ее решили обманывать? И Утя приходит, прыгает в форточку, и можно теперь спокойно ложиться спать.

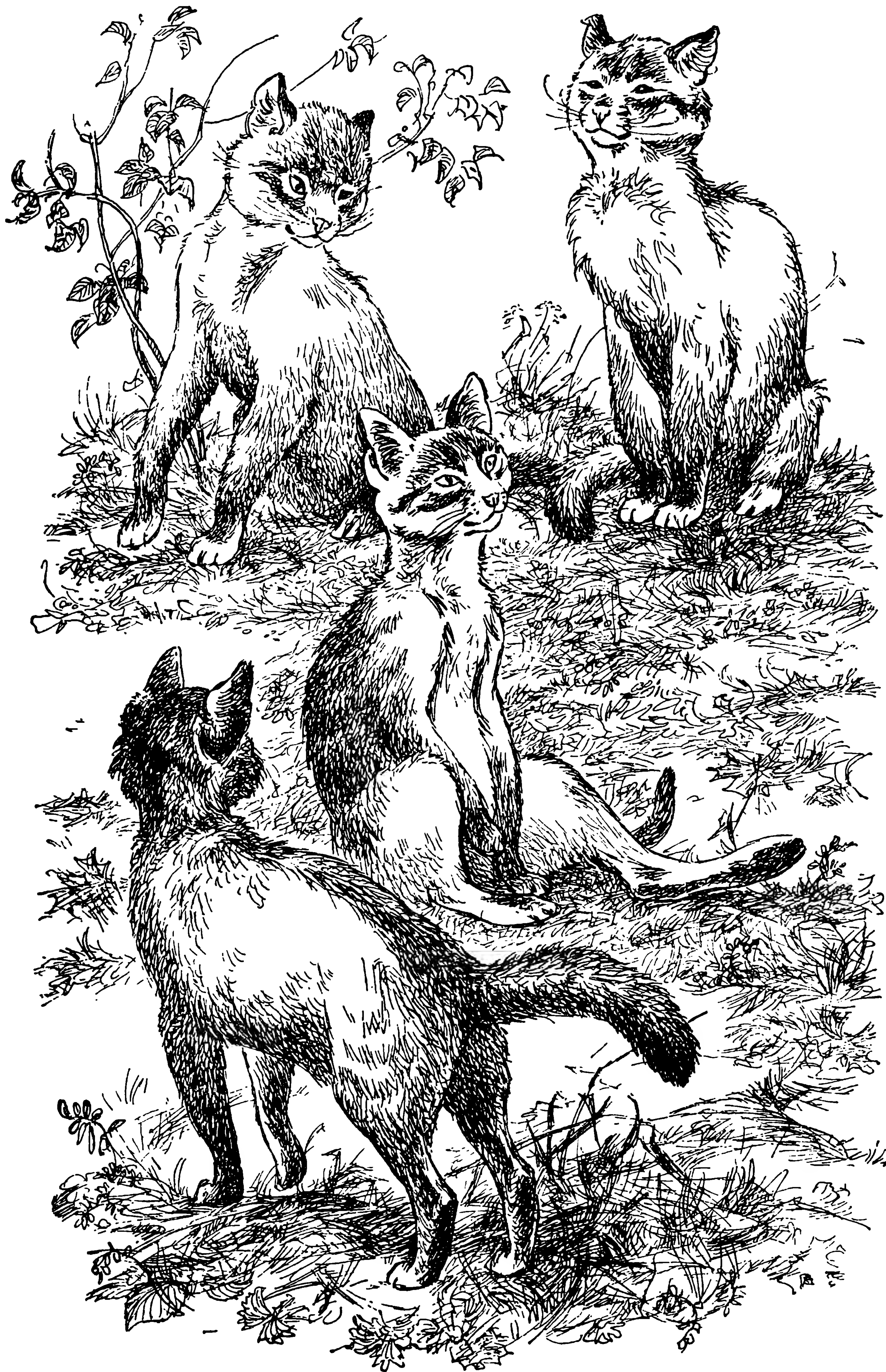
И так начинается каждый вечер: папа точит ножи — и Утя приходит. Но нет в Утиных глазах ни просьбы, ни разочарования, будто так и надо, чтобы ножи точили, а мяса не было. Будто только и ждала Утя сигнала, чтобы прийти и лечь спать.

Ну сколько, сколько может она доказывать, что все понимает? Видно, уже отчаялась Утя и больше не доказывает. А просто придет на звук ножей, безразлично зевнет и ляжет. И думайте что хотите. Думайте, что обманываете ее... И вообще — думайте. Вы же умеете думать. И мы думаем. И больше не точим ножи. А просто гасим свет.

И Утя приходит. Быстро приходит.

11

В моей комнате не было задвижки. А теперь есть. От Ути. Ради себя Утя не станет ходить, куда ей не разрешают, но ради

котят она сделает все, что будет считать нужным. А считает нужным она котят все время перетаскивать. Каких котят? А новых. Которых мы не утопили, потому что уже знаем, как это топить котят. Так вот этих новых котят Утя и перетаскивает то под одну кровать, то под другую. Видно, им каждый день другой микроклимат нужен. И под чью кровать притащит, тот уже спать не может. Потому что Утя целую ночь с котятами разговаривает. То ласково, то сердито. В общем, на своем кошачьем языке.

«Мурлы, мурлы». Разговаривай, пожалуйста, только не у меня в комнате. Есть ведь кухня.

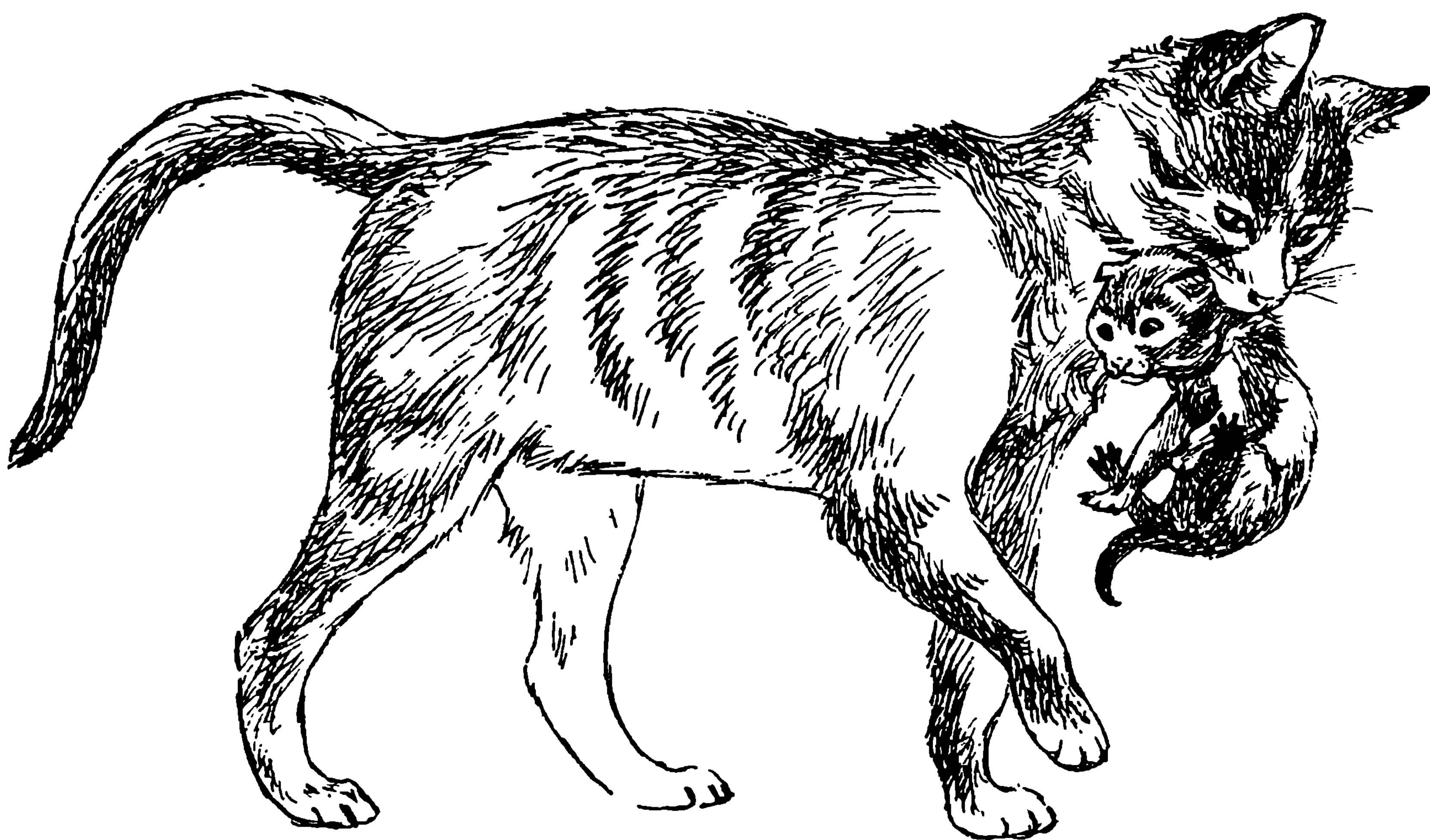
Я беру котят и переношу в кухню. Утя бежит за ними, встревоженная, недовольная.

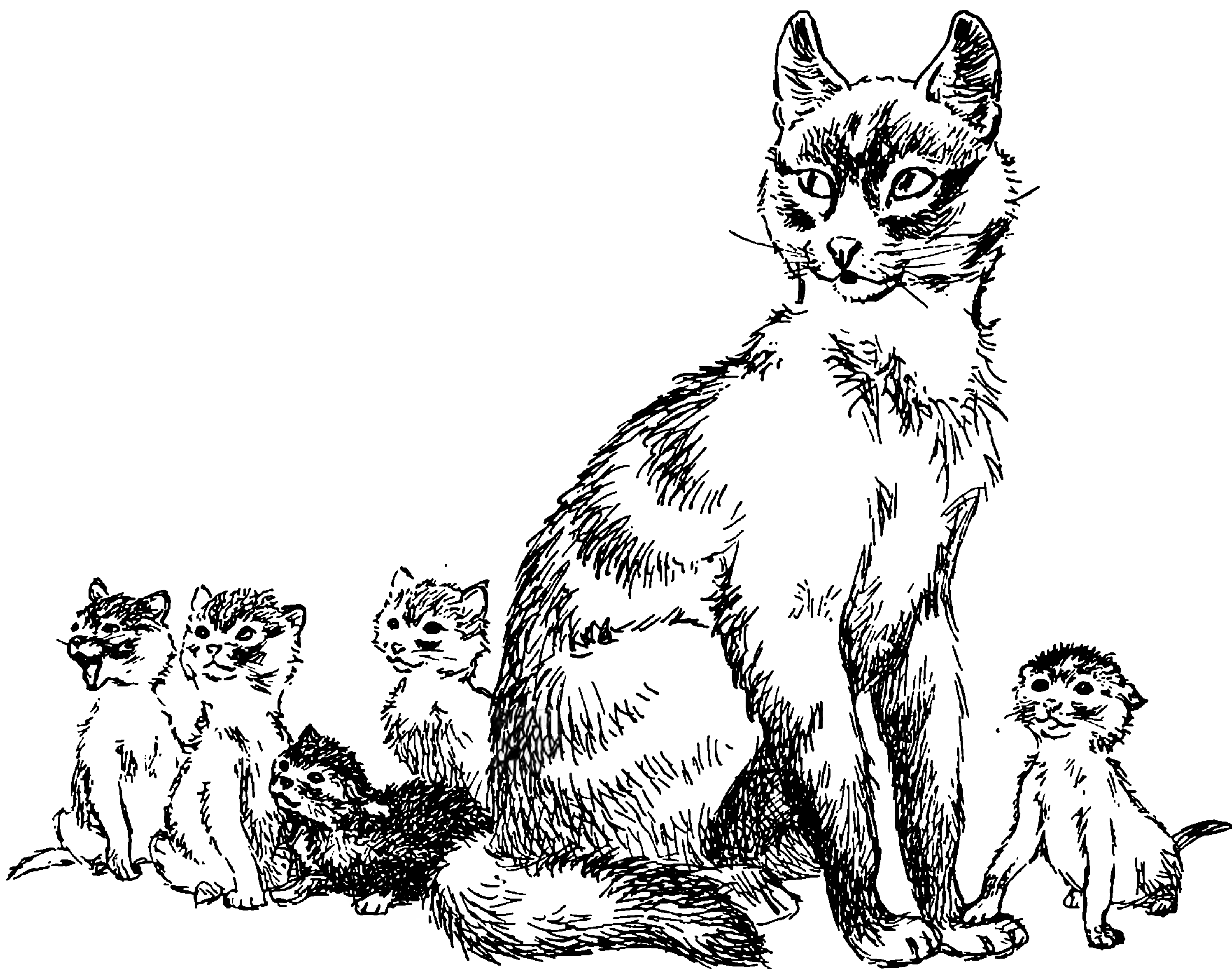
— Тут они, Утя, все тут.

Как будто улеглась, успокоилась. Как будто решила облизывать их и никуда больше не носить. И я делаю вид, что верю ей.

А она, только о ней забыли, уже тащит котенка в комнату. Берет его голову в рот и тащит. Даже страшно. Кажется, притащит — и уже без головы. Но нет, какое там — с головой. И очень даже аккуратно она это делает. Сначала одного, потом другого.

Нет, 'без задвижки теперь — никак.

С котятами Утя разговаривает, а с нами без особой необходимости разговаривать не хочет. Вот она сидит у холодильника и молчит. Долго сидела, никто не заметил. Тут бы и мяукнуть. Ну не так, конечно, как с котятами, но хоть слегка как-нибудь. Так, еле-еле, звук какой-нибудь издала бы. Но Утя не хочет. Она уверена: мы сами должны все время помнить, что существует Утя и что наша жизнь только и заключается в том, чтобы следить, какое у нее настроение и чего она хочет, куда села, как голову повернула. Молчит Утя. Сидит у холодильника и молчит.

Но есть же, наверное, и у нее чувство юмора! Привела Утя к холодильнику всех котят, выстроила их одного за другим и села впереди. Вот, мол, голодная мать сидит с пятью голодными котятами. Ну и хитрая же ты, Утя!

Котята уже совсем большие и бегают теперь по всей квартире. Вот тут-то они заставляют Утю и с нами «заговорить». А дело в том, что в коридоре у нас шкаф стоит. А под шкафом узкая щель. Утя в нее не пролезает, а для котят она в самый раз. Котята под шкаф залезут и сидят там. А Утя бегает от

шкафа ко мне, и смотрит на меня умоляющими глазами, и мяукает, и просит меня достать их оттуда. Ну что ты, Утя, беспокоишься? Что с ними там будет? Но Утя пристает так, что беру я палку и начинаю под шкафом шуровать.

Котята оттуда выскакивают, и Утя лижет их и выговаривает им. Только они не слушаются и снова под шкаф лезут. И снова Утя ко мне бежит. Ну что, Утя! Не слушаются они тебя? Не умеешь ты себя с ними поставить. Не то что с нами!

Котят мы не утопили, но что-то же надо с ними делать? У меня свой план. Я беру котенка и иду во двор.

— Тетя, тетенька, это ваш котенок?

— Моей кошки. Хочешь, тебе отдам?

— Хочу.

— Тогда идем к маме.

И мы идем к маме, а потом к маме ее подруги, а потом еще к одной маме и еще. Но ни одна мама, ни одна не хочет Утиного котенка.

— Тетенька, а вот я знаю одну маму...

И мы опять идем. Мы ходим из подъезда в подъезд, и дети бегают из квартиры в квартиру, и одна хорошая мама наконец действительно находится. И берет Утиного котенка.

— Тетенька, а у вас есть еще котики?

— Есть.

И начались звонки: «Утя здесь живет?»

И я отдаю второго котенка, потом третьего... И так всех.

Вот, оказывается, как просто устраиваются котята, когда они домашние, холеные, воспитанные.

— Только, если мама не захочет, вы обратно принесите. Ладно? Не выбрасывайте. Ладно? — Это говорит детям моя мама. Моей маме все же не верится, что так легко устраиваются котята.

13

Характеры наши Утя изучила хорошо и знала, к кому с чем можно обратиться. Папу, например, можно было заставить в пять утра открыть форточку. И совсем не потому, что папа рано вставал. Напротив, папа очень любил поспать. И казалось, он ни для кого не способен встать среди ночи. Во всяком случае,

мы бы никогда не посмели его разбудить. А вот Утя смела. И папа вставал, и открывал форточку, и не сердился на Утю.

А маму Утя никогда не будила. Она берегла ее сон так же, как берегли его мы. Да и зачем было маму будить, когда и так она не умела поздно спать. И Утя всегда тихо сидела и ждала.

И когда мама уходила, она тоже ее всегда ждала. И стоило маме только приблизиться к дому, как Утя поднимала голову и спрыгивала с дивана. Утя всегда ждала мою маму, как никого. Можно, конечно, объяснить это тем, что мама кормила ее. Конечно, можно и так объяснить. Но стоит ли так объяснять?

А ко мне Утя обращалась, когда нужна была ей помощь необычная.

Вот и сейчас она тихо открыла головой дверь и вошла. Глаза грустные, большие и смотрят на меня с укором.

Как же так, Утя, получается? Утопили котят — плохо. И раздали — тоже плохо. Как же так? Или ты, Утя, думаешь, мы должны погибнуть среди твоих котят?

А Утя легла и смотрит. Грустно смотрит. Погладить Утю можно? Я хочу погладить — Утя сердится, так, не очень, но все же. Значит, нельзя. А зачем же ты, Утя, пришла ко мне, если тебя погладить нельзя?

Иногда Утя просто так любит у меня посидеть. Ну сиди, сиди. Но Утя смотрит на меня и ждет от меня чего-то. Под этим взглядом я опять дотрагиваюсь до Ути, рука моя скользит по шерсти. И я чувствую набрякший Утин живот. В ту же секунду Утя вскакивает.

Там, в больнице, где лечат собак и кошек, ничему не удивляются. Я звоню туда по телефону и рассказываю про Утю и про ее котят. И что живот у нее как камень, и что она грустная, и что, видно, больна, только чем?

И сразу мне отвечают: грудница. И еще мне объясняют, что не надо всех котят отдавать сразу, и что теперь ей нельзя молока.

Значит, права ты была, Утя, что так смотрела на меня.

Я виновата. Я.

14

Нас все жалеют. Да как и не пожалеть, если по нашей квартире пройти нельзя, чтобы не натолкнуться на кота.

Откуда столько?

Смешной вопрос, конечно же — от Ути.

А получилось так потому, что действовала я по выработанной мною же «инструкции». Всех котят раздала, а самого пушистого оставила, чтобы было Уте кого кормить и чтобы грудницы у нее не было. А пушистого отдать и большого не так уж сложно. Звали его Колька. Но когда я уже собиралась Кольку отдавать, мне вдруг вернули обратно его брата. Недаром я всем наказывала: если не понравится или раздумаете, верните. Только не выбрасывайте! Вот и не выбросили. А вернули.

Правда, не сразу, а через месяц, но что делать, мы еще и поблагодарили.

Был он гладкий и весь черный, только большой уже. А потому надежды на то, чтобы его взяли, у нас не было никакой. Назвали мы его Мишкой. И стали ждать случая. А случай какой мог быть? Да только один: чтобы забрел к нам кто-нибудь, кто любит животных, а еще больше — нас. Но такой не приходил.

А между тем коты росли и росли. А между тем Утя опять решила рожать. И родила. Пятерых.

Утя вела себя странно. Ведь если сын, так он всегда сын. И мать всегда должна его любить. Так мы считали, но не Утя. Утя шипела на своих старших сыновей, словно это вовсе и не дети ее, а какие-то чужие, совершенно чужие коты, к которым она не имеет никакого отношения, словно она никогда их не кормила и не воспитывала, а мы ей навязали их. Привели откуда-то и терзаем теперь ее душу и ее милых пятерых котят.

Вот так. Все забыла Утя, и мы же оказались виновными. И начала Утя войну со своими сыновьями.

Мясо она у них отнимала, и молоко тоже, и к котятам своим не подпускала. И рычала на них при любом удобном случае, и била их лапой, и оскаливалась, и шипела.

Но тут пришел человек, о котором мы мечтали, и забрал Мишку.

15

А Колька нас удивил. Он не обиделся на Утю, не замкнулся, он все принял как должное. Сердится Утя — он отходит в сторону. Спокойно так, тихо. Уходит Утя — он к котятам ложится. И спит рядом с ними.

И Утя смягчилась. Надо сказать, что Утя своих котят оставлять не любила. И даже когда они подрастали, она уходила гулять, только если я была дома. А если я вдруг оказывалась во дворе, то она приходила за мной во двор, и мяукала, и требовала, чтобы я шла сидеть с ее котятами.

Вот такое я завоевала у нее доверие. Я, а теперь еще и Колька. Но Колька не только сторожил котят, он играл с ними, мыл их и не пускал под шкаф. И то, что он не пускал их под шкаф, было, вероятно, самым главным, чем он покорил Утю. Одного Утя не учла: он покорил не только ее.

И как это она проглядела? Как просчиталась? Но было уже поздно. Кольку любили, Кольке поклонялись, Колькой восхищались.

А как же Утя? Разве все нежные слова не должны принадлежать ей одной? Разве не к этому она была приучена с детства?

Тихо сидит Утя, жмурится, смотрит на Кольку. И не нужен он ей теперь уже вовсе. Нет больше у нее котят. Всех котят отдали, а Колька все тут. Почему? Разве это не ее дом? Разве не она одна имеет здесь все права?

Утя не дерется с Колькой, не отнимает у него мяса, только хвост у нее худеет. Совсем как веревочка стал.

И Утя стала некрасивая, куда делась ее осанка. Египетская красавица с горящими раскосыми глазами теперь уныло сидела на холодильнике и нервно хмурилась.

И Колька кротко сидел. Но хорошо сидеть кротко, если ты пушистый, как шар, если ты весь черный и есть у тебя белая борода. И глаза у тебя как две круглые пуговицы. Если ты весь как игрушка на витрине, и даже не знаешь, как это не быть красивым.

Но пришел день, исчез Колька. Может, с окна кто украл? А может, Утя ему «шепнула» и он ушел? Только Утин хвост сразу поправился. И это все заметили и стали говорить Уте, что глупая она: неужели могла всерьез решить, что кто-нибудь мог

дороже стать для нас, чем она? И что был это ее сын. И что нельзя быть такой ревнивой.

Но как бы там ни было, а если это Утя «шепнула» Кольке, то знала, что делала. Потому что все ласковые слова снова были только ее. И снова вернулись к ней уверенность, и осанка, и красота.

Глава третья

1

Утя сидит на окне. Окно закрыто, на окне занавеска. Утя отодвинула занавеску и смотрит во двор. На каждого, кто проходит. И тот, кто проходит, смотрит на Утю. Ее все знают во дворе. Идут и смотрят на окно, и здороваются с Утей глазами. И Утя провожает каждого глазами, пока тот не скроется. Потом Утя поворачивает голову и встречает следующего. Она тоже всех знает. Много лет она уже сидит на этом окне.

И летом сидит, когда окно открыто. Тогда дети к ней подходят. Только не близко. Утю боятся. Утя кусается.

— Это у вас собака или кошка? — спрашивают у меня дети совершенно серьезно.

— Собака,— отвечаю я им.— Разве вы не видите — собака.

Как-то к нам в квартиру зашла странная женщина. Она искала нашу соседку, но почему-то сняла в коридоре туфли и вдруг начала кричать. Мы не знали, что нам делать, а Утя знала. Утя, которая в жизни никогда в квартире не гадила, налила ей полную туфлю. И что же: женщина кричать перестала и еще стала извиняться.

Так не имела ли я права сказать, что Утя — собака? Конечно же, она собака, если она кусается и оберегает дом от «чужих».

А еще Утя умеет драться с собаками. Но это когда у нее котята. Тогда ей не страшен никто.

Это было на даче. Открылась калитка, и в сад забежал огромный пес. Утя бросилась на него и вцепилась ему в живот. А потом мы собирали собачью шерсть с дорожки и со страхом поглядывали на Утю.

Утя умела защищать и себя, и котят, и нас. И вообще была мудрой. Смотрит она, и иногда кажется — все она знает больше

нас. Только молчит, и не потому молчит, что не может говорить, а так — от мудрости.

И гостей Утя умела принять. Каких, думаете, гостей? Нет, своих собственных. Когда дома никого нет, а форточка открыта, к Уте в гости приходит кот. Пушистый такой, серый — муж, видно. И сидит Утя с ним на диване.

Спокойно так, солидно. В своем доме, на своем диване почему и не посидеть с мужем?

И не слышит Утя, как мы подходим. Ничего при муже не слышит. Вот так мы с ним и познакомились. Только он сразу — в форточку. И Утя за ним.

2

Теперь я все знаю про Утиных котят. Их было уже много. Они появляются через каждые четыре месяца. По пять. Иногда по четыре. И только один раз было двое. И в тот единственный раз не было пушистого. А так всегда — один пушистый. Да как и не быть пушистому, если муж Ути — сибирский кот.

Котята слепые. Тычутся в мамин живот. Один другого отталкивает. Дерутся. Маленькие такие, а уже дерутся. А потом расползаются и не могут найти Утю. И орут, и пищат. А Утя лежит, слышит писк и не двигается. Не хочет Утя лишать молока остальных котят, которые так хорошо пристроились.

Я подхожу, беру котенка и кладу к ней. «Мурлы» — Утя благодарна. Ну сколько можно облизывать котят? А бесконечно. Одного вылизала, начала другого, потом третьего, до последнего дошла — и сначала.

Дольше всех Утя вылизывает пушистого, потому что шерсть у него длинная. И получается неравенство: от Ути пушистому больше внимания и от нас больше, потому что гладить его приятнее. И в руках держать шарик пушистый, у которого глаза выглядывают из шерсти, как бусинки, тоже приятнее. Да и котятам с ним играть приятнее. Они ведь тоже понимают, что такое шелковая длинная шерсть.

Вот так и получается всеобщий любимец, который уже и не боится никого. Не убегает, не пищит, как другие котята, когда его берут на руки, не дичится, а мурлычет, словно вы тоже его мама. И все только оттого, что шерсть у него длинная.

Когда Утя была моложе, она играла с котятами, бегала с ними по квартире, дралась, делая вид, что бьет их лапой со всей силой и сейчас откусит им голову.

Но теперь она уже не играет. Котята сидят у нее на голове, ходят по ее животу, а она спит. Котята не дают спать и прыгают через ее шею. Словно это не шея ее, а турник. Скок туда, скок обратно. Утя терпит. Но сколько можно издеваться над матерью? Уже не молодой, уже воспитавшей больше полусотни детей! И Утя начинает раздраженно двигать хвостом. Но этого котята только и ждут. Они следят за хвостом. И — раз на хвост! Один прыгнул, другой, третий. А хвост крутится, извивается, не дается, и вдруг Утя вскакивает — и лапой... Все разбегаются. Утя ложится. И все начинается сначала: котята прыгают по Уте, а она пытается спать.

И всегда, в одном и том же возрасте котята замечают свою тень. Достаточно один раз заметить, и уже невозможно становится жить. Потому что ты бежишь, и рядом тень твоя бежит. А раз рядом кто-то бежит, разве можно бежать спокойно? На тень надо наступить. Ее надо ухватить лапкой и вообще что-то с ней делать. Но она не поддается. Ее не ухватишь, не ощутишь. А она есть, и избавиться от нее невозможно. День, два, три котята бегают за своей тенью. И вдруг они перестают обращать на нее внимание. Словно никогда ее и не замечали.

А от звуков радио котята разбегаются. Утя же радио словно и не слышит. Словно никто и не говорит в комнате и музыка не звучит. Утя на радио даже ухом не поведет.

И так я к этому привыкла, что, признаться, считала, что Утя радио не слышит. Хотя как это может быть? А вот так я думала. Но как-то однажды по радио заиграли пронизанную тоской музыку. И вдруг Утя подняла голову и стала слушать.

3

Надо иметь опыт. Теперь он у меня уже есть. Опыт по раздаче котят. Берется косынка, лучше всего голубая. В нее заворачивается котенок, так, чтобы видны были только глаза да нос. Можно еще, чтобы и уши торчали. И лучше всего идти к метро. Здесь много народу, люди входят и выходят.

«Вам не нужен котенок?»

Я все знаю заранее. Все ответы. Например, такой: «Ах какой миленький, какой хорошенький! (Кажется, сейчас возьмут. Но нет, куда там!) У меня соседи. А то бы обязательно...»

Ох эти соседи! О соседях я уже знаю все. И как они не любят запаха, и как они отравили кошку, и вообще — не любят животных.

Кажется, если бы не соседи, то все проходящие встали бы в очередь за моим котенком. Но где же эти соседи? Ведь они тоже должны проходить. Они же тоже едут в метро. «Возьмите котенка». Это мой неуверенный голос.

«На что мне такая гадость!» И промелькнуло злобное лицо. И я понимаю: вот он — сосед.

Но раздражают меня, как ни странно, больше другие. Встанут, гладят котенка и уговаривают: «Вы его только не выбрасывайте. Ах какой бедненький, только не выбрасывайте!»

Это меня-то еще уговаривают, чтобы я не выбрасывала!

Я замерзла. И котенок тоже замерз. Я держу его за пазухой, и он пищит, вырывается. И уже кажется, что никогда, никогда этому не будет конца. И вот тут, да, именно в этот момент, когда кажется, что никогда и никто котенка не возьмет, кто-нибудь подходит и просто, без всяких причитаний, берет котенка.

И я иду за следующим. Тут же. Потому что точно знаю: сейчас возьмут всех. Я выношу сразу еще двоих или даже троих. И обязательно на моем пути появляется либо ребенок с мамой, которые только и мечтали о котенке, либо девочка лет четырнадцати, которая понесет котенка домой, может быть впервые утверждая свою самостоятельность. Либо молодые люди, которые унесут котят — в подарок.

И вот котят уже нет. И остался Уте только пушистый.

Так я раздала восемьдесят девять котят.

4

Было уже поздно. Утя лежала у меня в комнате под секретером. У нее не было котят, но и без котят Утя любила менять место. Редко она выбирала мою комнату. А когда выбирала, чаще всего ложилась на секретер и обычно на бумаги, чтобы нельзя было писать. Иногда она посапывала на диване. А тут

вдруг под секретером. Ее можно было и не заметить и лечь спать. Видно, на это она и рассчитывала.

— Утя!

Утя не шевелится.

— Утя, я хочу спать, уходи.

Никакого впечатления. Ухо Утино только вздрогнуло, и все.

— Утя! Неужели ты не понимаешь!

Нет, она не понимает. Ничего не понимает.

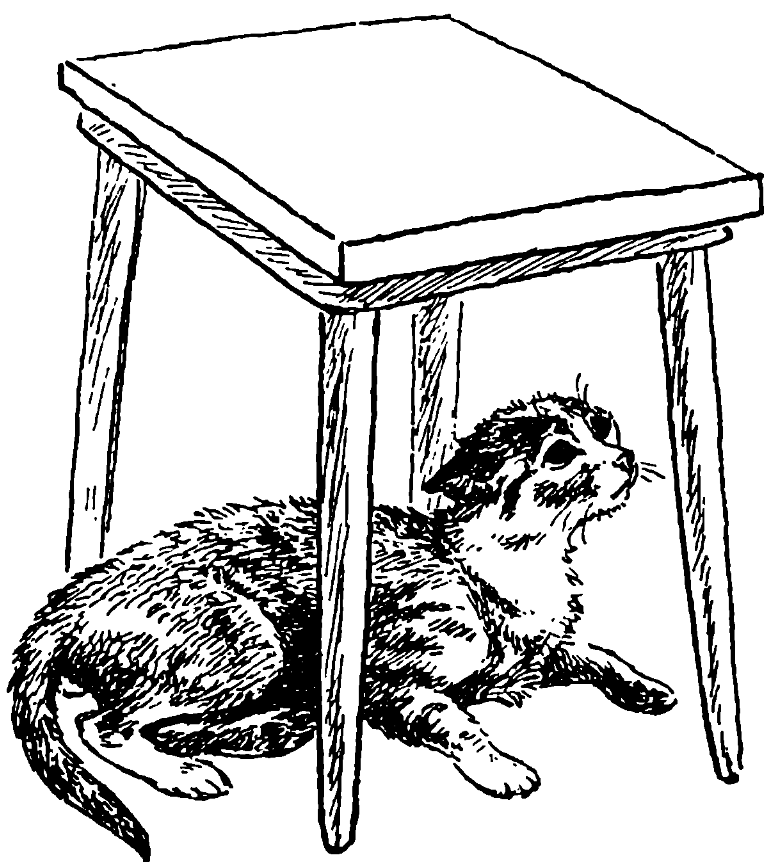
Еще бы! Зачем ей меня понимать! Вот когда ей надо, чтобы я гладила ее живот, тогда она меня понимает... Тогда она все понимает.

Я беру палку. Ну конечно, не для того, чтобы бить Утю. И даже не для того, чтобы ее пугать. А просто, чтобы до нее дотронуться. Я дотрагиваюсь палкой до Ути, и она шипит. Что вы, она ничуть не боится палки. Она даже не знает, что это такое — палка. Она на нее просто шипит. Я стараюсь палкой сдвинуть Утю с места. Я понимаю: Утя заспалась и ее надо разбудить. Утя перемещается с одного места на другое, но из-под секретера не уходит. Тогда я набрасываю на руки плед и беру Утю.

Утя изворачивается — и цап меня по руке! Цапнула, встала и ушла.

Что же это такое, Утя! Нет, это неспроста.

На следующий вечер Утя снова под секретером, в том же месте. Да что это оно тебе так понравилось? Я не в силах повторить вчерашнюю сцену. «Утя,— говорю я,— опять будем драться?» И не Уте я это говорю, а себе. Но Утя сразу же поднимает голову, встает и идет к дверям. Она еле идет. Сонная идет. Видно, и ей неприятно вчерашнее.

А на следующий день Утя перестает есть. Совсем ничего не ест и не лежит больше у меня в комнате. А лежит в

ванной под табуреткой. Что за странное место? Никогда она здесь не лежала. Обычно она спала с мамой на диване. Иногда в ногах у нее, а иногда, как и мама, положив голову на подушку. Еще Утя спала в кресле, на стуле, иногда на холодильнике. Но в ванной, под табуреткой,— никогда.

И я понимаю, что Утя заболела.

5

Две двери вели в два врачебных кабинета. И от того, какую дверь я выберу, зависела Утина судьба. Я тогда не точно это понимала. И все-таки чувствовала, что это именно так. А как решить, какая дверь? Та, которая раньше откроется? Та, в которую раньше позовут? Но ведь можно сказать: «Нет, мы не сюда, мы в другую дверь».

Но как знать, за какой дверью лучше, за какую надо стремиться.

В одну я заглянула. Там сидел пожилой человек и писал.

— Подождите в коридоре,— не очень любезно сказал он.

За другой, напротив, была милая женщина. Полная и добродушная.

— Сейчас, сейчас,— сказала она мне приветливо.

Я сидела на скамейке рядом с мамой и думала. Почему я так боюсь? Что это напало на меня? Идти надо к первому, кто позовет, кто свободен. А если бы не было выбора? Значит, все оттого, что есть выбор?

Нет, все совсем от другого.

Утя сидит в сумке с «молнией», и ее никто не видит. И это хорошо, что ее никто не видит. Нет, я не стесняюсь показывать Утю. Но здесь, рядом с лохматыми японскими собачками, рядом с сибирскими кошками, рядом с говорящими птицами, я как-то оробела.

Каждый вновь пришедший гордо обводит всех глазами. Каждый приносит с собой зверя еще более удивительного и еще более красивого, чем те, которые уже здесь сидят и ждут своей очереди.

И каждый оглядывает нашу сумку с любопытством. А что же там? «Кошка»,— отвечаю я сухо.

«Молнию» нельзя открыть, потому что Утя вырвется, начнет царапаться, и я с ней не справлюсь. Но здесь я могу не открывать «молнии», а там, за дверью... Там, за дверью, мне придется наконец показать Утю — простую кошку. Да, простую, совершенно простую. Потому что для всех остальных здесь она только простая кошка.

Ну и что, разве простых кошек не так будут лечить, как вот этих? Какая врачам-то разница, простая у нас кошка или нет?

Но я чего-то жду. Впрочем, здесь все ждут. Ждут Николая Николаевича, который на операции. Все ждут Николая Николаевича, хотя и знают, что после операции Николай Николаевич принимать не будет. Но может быть, он даст совет? Или скажет, когда к нему прийти в другой раз? Операция неожиданная и очень длительная.

Мы тоже пришли к Николаю Николаевичу. Он был у нас дома два дня назад. Но, взглянув на Утю и увидев, как она шипит, сказал: «Принесите в поликлинику. Там ее посмотрят. А здесь нельзя. Она ведь у вас дикая». Ждать Николая Николаевича или идти к сердитому старику, или к женщине?

— Идем,— наконец говорю я маме, и мы заходим к женщине.

Я расстегиваю «молнию», и Утя встряхивает головой. Я объясняю, что Утя уже несколько дней не ест, не пьет и не выходит. А лежит неподвижно под табуреткой.

Врач хочет дотронуться до Ути, но Утя шипит.

— Ну что ты, что ты,— ласково говорит ей врач, осторожно дотрагивается до Утиного бока, и мы видим на Утином боку рану.— Она избита,— говорит врач,— она у вас бывает на улице?

Так вот оно в чем дело — Утю избили. Но мы не успеваем осознать этого, как вдруг в кабинет входит санитар с огромной собакой и нас просят подождать в коридоре, пока собаке сделают укол.

Мы выходим. Нам уже легче. Никто не удивился, что Утя простая. И вроде бы уже ясно, что с ней.

Но тут открывается другая дверь. И пожилой врач спрашивает:

— Вы, кажется, хотели ко мне? Заходите.

Нам неудобно. Нам неудобно сказать, что мы уже ждем другого врача, и мы входим.

И снова мы открываем «молнию», и Утя выпрыгивает как бешеная.

— Она у нас необыкновенная...— начинает мама.

— Вижу, вижу.

— У нее рана, ее, наверное, избили.

— Вижу, вижу.

И мы молчим. А доктор пытается справиться с нашей Утей.

— Вы ее не можете подержать? Вас эта «необыкновенная» кошка, вероятно, не укусит?

Что ему сказать? Что укусит. И нас укусит. Потому что ей, видимо, очень больно, и сидела она долго в сумке, и обстановка чужая, да и вообще она кусается...

Нет, этого всего здесь ему говорить нельзя, и я держу Утю. Но Утя вырывается и начинает бегать по комнате.

— Да что это за животное такое!

Тут открывается дверь, и входит Николай Николаевич и еще три врача. Шумные, усталые. Они больше никого не будут сегодня смотреть, они четыре часа провели в операционной.

Но Утя бегает по комнате, и мы бегаем за ней. И вдруг все начинают бегать: и старый врач, и Николай Николаевич, и еще три врача.

Поймали.

И вот пять врачей склонились над моей Утей. Пять врачей!

Трое держат, а Николай Николаевич и старый врач щупают ей живот.

— Вы со мной не согласны? — говорит Николай Николаевич старому врачу.— Да вы тут, тут пощупайте.

Старый врач молчит.

— Рак у нее,— говорит Николай Николаевич.

Утю отпустили. Теперь она уже не бежит. Никуда не бежит. Словно поняла, что смотреть ее больше не будут.

— Так, может, операцию? — говорит моя мама.

— Кому?.. Ей?! — Николай Николаевич снимает перчатки.— Мой совет — усыпите...

6

Мы не усыпили Утю.

Мы принесли ее домой, и она снова легла в ванной под табуреткой.

Мы не верили, что у нее рак. Не верили так, как не верят, когда не хотят, не могут себе представить, что близкое тебе существо должно умереть. И ничего, ничего нельзя сделать. И остается только одно — не верить. И мы не верили.

Один из Утиных котят умер от копростаза. Это болезнь кишечника. Тогда мы лечили котенка вазелиновым маслом. Но он был очень маленький, и нам сказали, что он выживет, если сумеет справиться с болезнью. Он не справился и умер. Но Утя большая. И мы стали на всякий случай поить Утю вазелиновым маслом.

Утя лежала под табуреткой ослабевшая и тяжело дышала. Подбородок и шея у нее были в вазелиновом масле, и она не смывала его. Утя не мылась, а раз Утя не мылась, это значило, что у нее уже нет никаких сил, потому что больше всего на свете Утя любила мыться.

В ванной душно. Но Утя не идет ко мне в комнату. Я сама ее выгнала оттуда. Да еще палкой. Но ведь я не знала...

А теперь Утя лежит в ванной и уже ничего не хочет.

Утя умерла, когда меня не было дома.

Папа отнес ее в больницу на вскрытие. Гнойный плеврит — вот был Утин диагноз. Значит, не было у нее никакого рака. Значит, можно было ее лечить.

Но как же мы не догадались: ведь она так тяжело дышала. И была вся избита. Наверное, ей отбили легкие. Поймали и избили. От этого тоже может начаться плеврит.

И вспомнила я две двери, перед которыми сидела и думала, что в эту секунду от меня зависит судьба Ути. Простой кошки, не привыкшей к чужим рукам.

Николай Николаевич устал, был раздражен, а тут еще эта тощая некрасивая кошка, из-за которой столько шума, а она еще царапается и кусается, и за ней еще надо лазить под столами.

Мы не поняли Утю. В решающий момент не поняли.

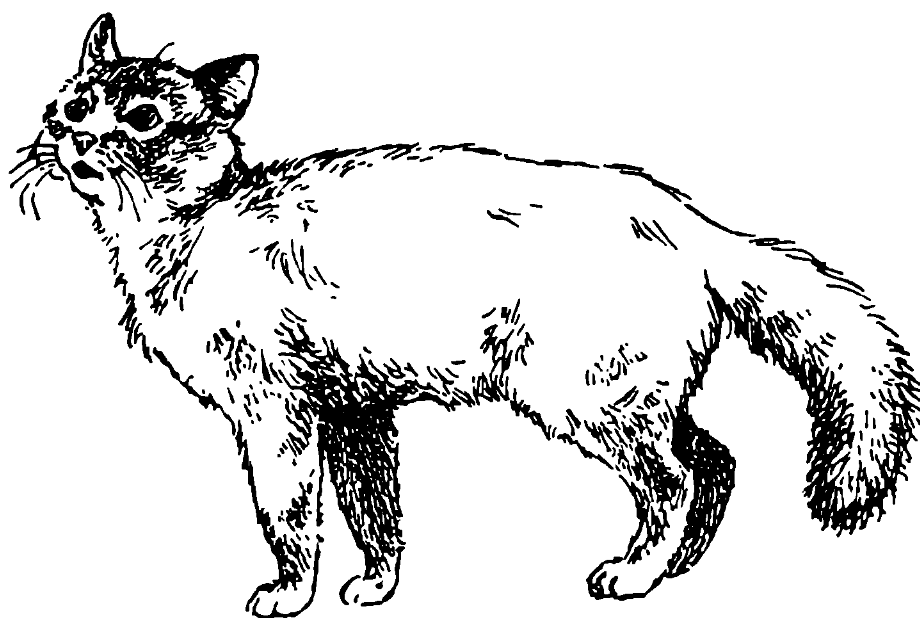
Она не жаловалась, не мяукала. Не показывала, где у нее болит, как показывала, когда заставляла гладить ее по животу. Напротив, она кусала и злила врачей. Мы воспитали в ней гордость, независимость, уверенность. И мы должны были за нее все решить правильно. Обязаны были все понять.

Но мы не поняли.

С тех пор как умерла Утя, прошло три года. И каждый день под наше окно приходит Утин муж и зовет ее. Жалобно, с надрывом. А когда мы выходим, он бежит к нам и трется у наших ног.

И нам кажется, что он знает о нас все.

Знает от Ути.

РАССКАЗЫ

ГДЕ ЕЕ ДОМ?

Бабочка села на цветок, и цветок наклонился. Бабочка качнулась вместе с цветком влево, потом вправо. Бабочка качается на цветке, как на качелях. Длинный, тонкий, изогнутый хоботок она то опускает внутрь цветка, то вынимает.

Десять тычинок выстроились в ряд по кругу. Пыльца с тычинок осыпает бабочку со всех сторон, и от этого голова у бабочки, и брюшко, и лапки становятся желтыми.

Разные бывают цветки. Бабочка любит цветки с открытыми во все стороны лепестками, чтобы сесть на цветок и видеть, что происходит вокруг. А бывают такие цветки, у которых есть крылечки и крыша. Сядешь на крылечко, голову надо просунуть под крышу, а крылья снаружи остаются. Пчеле хорошо: она маленькая — вся под крышей умещается. Ее снаружи не видно, только слышно, как цветок жужжит.

Иногда в цветках между лепестками ползают крохотные вертлявые трипсы. Их так много, что куда ни опустит бабочка хоботок, всюду на них натыкается. И никуда от этих трипсов не денешься, потому что в цветке они полноправные хозяева — здесь их дом. А где дом у бабочки?

У муравья дом — муравейник, у паука — дом из паутины. А у бабочки?

Жарко. В солнечном луче роятся мошки. Целая туча мошек. Бабочка не огибает их. Она летит прямо «на тучу». Прорезает ее насквозь. И вот за бабочкой уже черный шлейф из мошек. Мошки летят за бабочкой, пытаясь ее догнать, но напрасно. Бабочка летит быстрее, чем мошки.

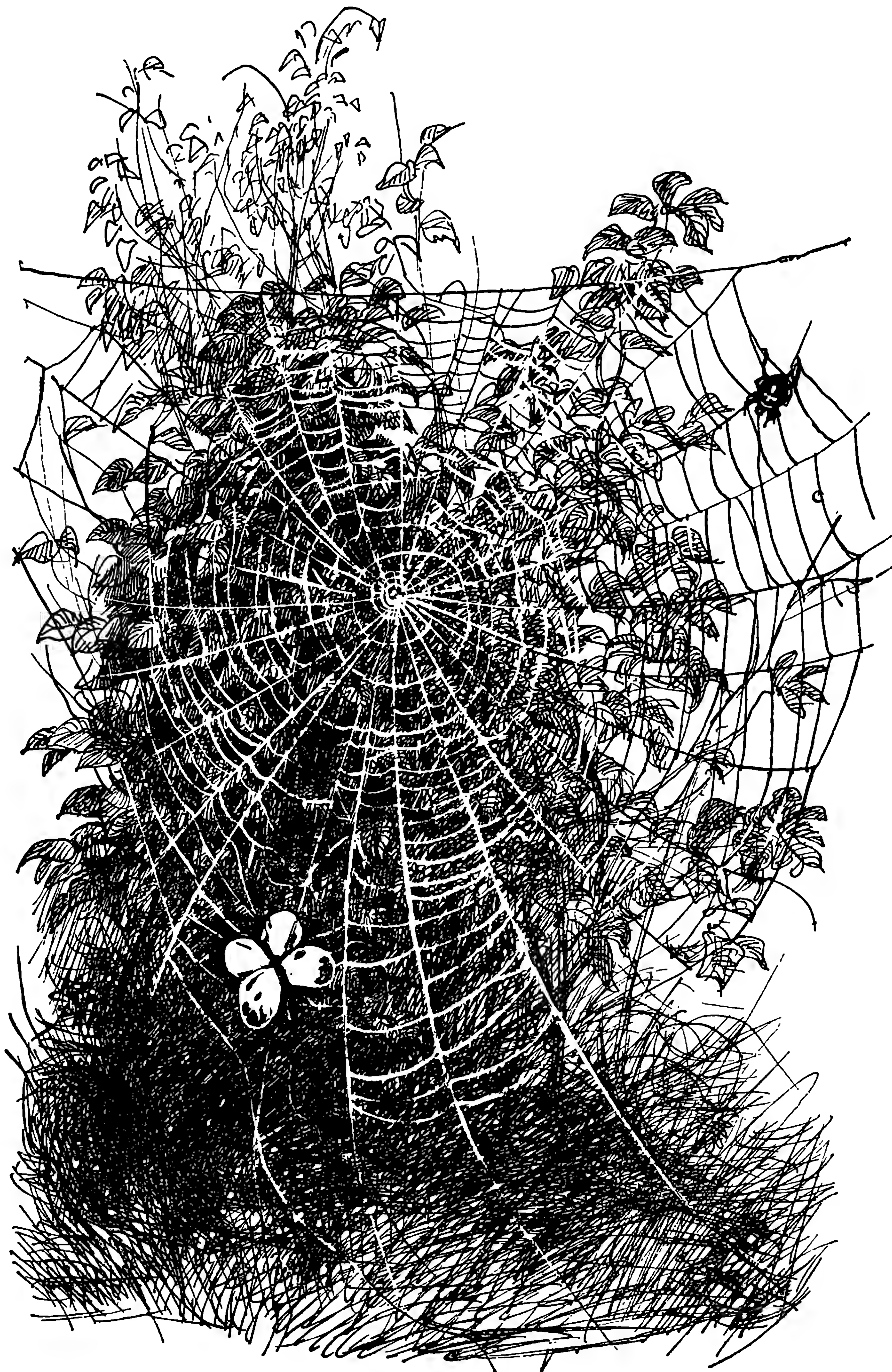
Перелетев через широкую дорогу, бабочка оказывается над узкой, уходящей в кусты тропинкой. Здесь тень. Здесь не так жарко. Бабочка летит над тропинкой между кустами. Все ближе

и ближе смыкаются кусты над тропинкой. И все ниже и ниже приходится лететь бабочке. Вот ветви вверху уже совсем сомкнулись и закрыли небо. И вдруг бабочка со всего размаху натыкается на какую-то тонкую липкую преграду. Судорожно бьются ее крылья о паутину. Паутина становится блестящей, сверкающей от чешуек, которые сыплются с крыльев бабочки. А крылья делаются совершенно прозрачными, как стекло.

Над бабочкой в правом углу напряженно застыл огромный паук-крестовик. Он ждет. Ждет, когда бабочка совсем запутается. Но бабочка вдруг освобождает крылья от паутины и повисает на двух задних лапках. Еще один рывок — и она взлетает в воздух. Ее задние лапки остаются на паутине.

Поляна. На поляне множество желтых цветков. Над цветами летают бабочки. Их тоже много. Они садятся то на один цветок, то на другой. Сев на цветок, бабочки раскручивают свои хоботки, которые при полете у них свернуты в спираль. Раскручивают и опускают в цветок. Бабочки пьют нектар и переносят с цветка на цветок пыльцу. Много на поляне цветов. Все они раскрыли лепестки, все они вытянули свои тычинки, все ждут бабочек. А если не прилетит бабочка и не сядет на цветок? Что тогда? А тогда вполне возможно, что и не родит этот цветок семечка. Не родит и завянет, погибнет просто так, без пользы. Но бабочек много, и они лишь несколько секунд сидят на каждом цветке. Сядут, втянут в себя нектар — и дальше, на другой цветок. А вот на одном цветке бабочка сидит уже целых пять минут. У этой бабочки не хватает двух лапок. У этой бабочки крылья помяты и порваны, а на крыльях уже нет прежнего рисунка. Да, она была красивой бабочкой. Матово-белой, с круглыми пятнами на крыльях. Вокруг много летает бабочек, но все они не такие, какой была она. Все они кирпично-красные.

Перелетая с цветка на цветок, бабочки встречаются, кружатся одна возле другой. А иногда встречаются сразу три бабочки, тогда они кружатся втроем. К белой бабочке с разорванными крыльями никто не подлетает. Даже летая совсем рядом, они не обращают на нее никакого внимания. Она белая, а они кирпично-красные. А где же найти такую белую бабочку, как она? С такими же черными круглыми пятнами, какие были у

нее? Может, и не встретит никогда она такой бабочки. Теперь она плохо летает. Теперь у нее изорваны крылья и нет двух лапок. Только усики остались прежние. Усики у бабочки словно сплетены из двух проволок, черной и белой, и оканчиваются желтой луковицей.

А еще у нее остались прежние глаза. Удивительно красивые глаза. Большие, круглые, с зеркальной поверхностью. Внутри глаз шестиугольной звездой расположились шесть черных кружков и седьмой кружок в центре. Кажется, что кружки не внутри, а где-то вне глаз, а в глазах лишь отражены, как в зеркале. И поэтому кажется странным, почему же больше ничего не отражено в этих глазах: ни трава, ни цветы, ни деревья.

К поляне ведет много дорог. И вдруг на одной из них показалась бабочка. Она такая же белая, как та, что сидит на цветке на поляне. Только черные пятна у нее с нижней стороны крыльев. Она летит прямо на поляну. Она не виляет зигзагом, как это очень часто делают бабочки. Она не садится на цветы, не обращает внимания ни на одну из кирпично-красных бабочек. Она прямо летит к белой бабочке на цветке. Подлетела и согнала ее с цветка и погнала вверх. Вот они уже выше кустарников, выше берез, выше самой высокой сосны. Впереди остались только белые курчавые облака. На их фоне бабочек не видно. Никто здесь не видит бабочек: ни муравей, ни паук, ни другие бабочки, ни человек. Никто...

Вы думаете, это случайно, что наши бабочки встретились? Нет, не случайно. Самец бабочки за километр узнаёт самку по запаху. И летит к ней.

...Ель, сосна, береза. Нет, все это не то. А вот и поле. И на поле — капуста. Большая, тугая, треснувшая от сока. Человек бы сорвал такой кочан и отнес своим детям. А бабочке этот кочан для ее детей не нравится. Он для бабочкиных детей недостаточно сладкий, недостаточно сочный. С одного кочана на другой перелетает бабочка, пробует капусту передними лапками. Передние лапки у бабочки чувствуют вкус. И не просто чувствуют, а чувствуют наитончайшим образом. Вкус у бабочки развит в двести, триста раз сильнее, чем у человека. Долго будет летать бабочка над полем, долго будет выбирать капусту, самую сладкую, самую вкусную. А когда выберет, сядет на нижний зеленый лист и отложит желтые, крупные, ребристые яйца.

...Ветер прошелестел по листьям. Листья зеленые, и шелест получился мягким, чуть слышным. А вот на ветке два сухих листа. Как бумага сухих. Но они такие маленькие и вдобавок еще порванные. Так что шума здесь тоже не произведешь. Да это и не листья. Это высохшие крылья мертвой бабочки. Бабочка умерла прямо на ветке, вцепившись в нее лапками. Так она тут и сидит. Мертвая. Сильный ветер рванул ветку и сорвал бабочку. Снова бабочка в воздухе! Снова она летает! Только теперь рядом с ней в воздухе крылатые семена. У этих семян крылья такие же неживые, как у мертвой бабочки.

Не было у бабочки дома. Домом для нее было каждое дупло, каждая удобная веточка, каждая шелковистая травинка, каждый душистый цветок. Да и зачем этой бабочке дом, если живет она только дней шестнадцать. И если за шестнадцать дней надо узнать мир.

КОСЕНОЖКА

1

Скучно в сосновом лесу. Пусто. Одни сосны да елки. Сосны голые, тянутся высоко-высоко. Ветки растут только на самом верху. Есть сосны и маленькие. Эти растут густо, и ветки у них сверху донизу. А елку летом я не люблю. Елка летом пыльная, унылая. Трава здесь низкая, цветов совсем нет. Даже птицы не поют. Одни дятлы стучат. Бабочки пролетают редко. Да и вообще насекомых мало. Насекомому нужен листок. Листок — это дом, листок — это пища. А что такое иголка! Сосновая иголка — она длинная и тонкая, ее не свернешь, не скрутишь, на ней удержаться даже трудно.

Рыжие большие муравьи строят из сухих сосновых иголок огромной высоты муравейники. Здесь иголок валяется много, а муравейников нет. Почему? Наверное, муравью тоже скучно без листка. А может, ему скучно без других насекомых?

Муравей любит таскать в муравейник насекомых. А где их тут взять!

Но что это? На небольшой сосне на иголках висит вниз головой паук. Восемь зеленоватых ног — четыре ноги с одной стороны и четыре с другой — он согнул полукругом и засунул себе в рот. Сам же повис на восьми черных ногах, они отходят пучком от конца брюшка. Но ведь у пауков только восемь ног. А у этого шестнадцать. Я дотрагиваюсь до ветки. И шестнадцатиногий паук тут же превращается в обыкновенную косеножку с восемью зеленоватыми ногами. Восемь черных ног исчезли бесследно. Я прижимаю одну из ног уползающей косеножки к

ветке, чтобы посмотреть, куда она спрятала черные ноги. Косеножка отдает мне ногу, а сама падает в траву.

Я совсем забыла: косеножек нельзя ловить за ноги! Они умеют отдавать ноги. Оставшаяся у меня на ладони нога дергается. Похоже, будто она косит. Отсюда и название — косеножка. Правда, это прозвище. По-настоящему косеножка называется сенокосец — нога, словно коса, косит сено.

2

Мне никто не верит! Даже смеются. Все знают: у пауков восемь ног. А по-моему, нет ничего удивительного, что у косеножки не восемь ног, как у пауков, а шестнадцать. Ведь косеножка не паук, а только паукообразное. И потом, только косеножки умеют отдавать свои ноги. Они, наверное, потому и могут их отдавать, что у них есть запасные.

Теперь я хожу по лесу и осматриваю каждую сосенку. Может быть, мне повезет, и я еще раз встречу косеножку с шестнадцатью ногами.

...Хрустальный купол подвешен между сосновыми ветками на тонких нитях. Нити тянутся над куполом и под куполом. Они струятся между иголками, как «дождь» на новогодней елке. И купол и нити сделаны из паутины. Под куполом, прицепившись к нему лапками, спиной вниз, сидят два паука. Это линифии: самец и самка. У самки белое брюшко. На спинной стороне оно в черных разводах. Самка удивительно изящна. Ее две пары передних ног вытянуты, словно выброшены, вперед. А две задние оттянуты назад. Кажется, что она парит в воздухе. У самца брюшко коричневое, оно гораздо больше, чем у самки, и хотя передние ноги у самца тоже вытянуты вперед, а задние назад, самец выглядит в сравнении с самкой лишь грубой копией. Самец и самка неподвижно сидят один против другого в разных концах купола. Дунуть на них, что ли? Дунула, и самец упал. Свалился куда-то вниз, под сосну. Значит, он так слабо держится или это от неожиданности? Теперь самка осталась одна. Жалко. Но, может, когда я уйду, самец вернется?

Не вернулся. Я сегодня первым делом пришла посмотреть, не вернулся ли. Нет, не вернулся. Самка висит под куполом одна.

На той же сосне, этажом ниже, оказывается, живет еще одна линифия. И у нее нет пары. Кто же сдул ее самца? Бежит! Бежит! Вприпрыжку, с подскоком. Кто это? Постой! Убежала. А ведь это, кажется, была косеножка! Она бежала по травинке рядом с сосной, на которой я рассматривала линифий. Бежала быстро, так быстро, что я ничего не успела рассмотреть. Куда она убежала? В траву?

Длинные узкие травинки падают друг на друга, переплетаются. Между ними тоже висят паутинные купола. Под куполами линифии. Раз купол. Два купол. Три купол. Три купола — три самки линифии, и все три тоже без самцов. А косеножки в траве нет. Обидно. Наконец встретить косеножку и тут же упустить...

Между верхними ветками двух небольших сосен протянута белая нитка паутины. С одного конца она привязана к центру ловчей сети паука-крестовика. Ловчая сеть растянута вертикально между сосновыми ветками. Такие сети плетут все крестовики: из центра по радиусу расходится множество паутинок. Паутинные радиусы связаны между собой единой паутинной спиралью. Где-нибудь в одном из верхних углов сети под веткой сидит крестовик. А здесь его нет. Его нет потому, что он сидит на другой сосне. К нему подходит второй конец паутинной нитки. Попадет муха в сеть или оса или еще кто-нибудь — и сигналы побегут по паутинному проводу к пауку. Здорово!

В самом центре паутинной нитки над дорожкой висит еще одна сетка. Эта сетка непохожа на сети крестовиков. Она небольшая, продолговатая, скорее напоминает волейбольную сетку. В сетке барахтается несколько мошек. Для чего пауку понадобилась добавочная сетка? Может, для того, чтобы скорее поймать насекомых? Долго ждать, пока кто-нибудь залетит в сосновые ветки, где у крестовиков обычно растянуты сети. Вот и сплел крестовик добавочную сетку. Эта сетка хоть и маленькая, зато расположена прямо на пути летящих насекомых. Надо запомнить это место. Крестовик, наверное, поползет по нитке к своей добыче.

Передо мной большой шар из паутины. Шар оплетает сразу несколько веток в том месте, где они отходят друг от друга. Шар прозрачный. Внутри виден второй шар, а внутри второго — третий. В каждом шаре отверстие. Тоненький прутик про-

ходит через все отверстия внутрь. Оттуда вылезает паук. У паука плоская темно-зеленая головогрудь, плоское темно-зеленое брюшко и широко расставленные темно-зеленые ноги. Вслед за пауком вылезают паучата. Они тоже темно-зеленые и удивительно похожи на паучиху-мать.

Паучата вываливаются один за другим из шара, но не падают на землю, а повисают в воздухе на паутинках. Паутинки вытягиваются, становятся всё длиннее и длиннее. Паучата раскачиваются на них и вдруг, оторвавшись вместе с паутиной от шара, улетают. Они летят на паутинке, как на парашюте.

А крестовик? Где он сейчас? Может, он пополз по нитке к своей добыче?

Вот высокая сосна необычного темно-синего цвета с ветками, растущими на одну сторону. Вот возле нее две сосенки, между ними дорожка, слева большая яма. Все так. Это то место. Но паутинной нитки между соснами нет. И крестовика нет.

Где же крестовик? Он снял паутинную нитку с подвешенной на ней сеткой и исчез. Испугался, что его обнаружили?

А большая ловчая сеть здесь так и висит. Куда же делся крестовик?

Еще одна сеть крестовика. Только другого. У этого брюшко белое, словно облитое белой эмалью. В самом центре небольшая коричневая полоска. Лапы у паука черно-белые. Кольцо белое, кольцо черное. Паук сидит в домике. Домик сплетен из паутины в правом углу сети под веткой. Домик как кубик. Одной стенки у кубика нет — здесь вход. Из входа торчат крылья стрекозы. Они большие и в домик не влезают. Сама же стрекоза, окутанная паутиной, втянута пауком внутрь домика, это так паук завтракает.

В центре сети висит еще что-то, туго спеленатое в плотное паутинное покрывало. На голове словно белая маска, только рот открывается. Сквозь паутину просвечивает желтый пушок. Да ведь это оса! Оса, приготовленная на ужин. От осы к пауку тянется толстая нитка паутины. Паук ест стрекозу, а осу держит про запас. Интересно, оса сама разорвала ртом себе отверстие в опутывающей ее паутине или паук специально оставил его ей, чтобы не умерла раньше времени? Свежая-то пища вкуснее!

3

Купола... купола... купола... Они на каждой сосенке. И не по одному, а сразу по нескольку. Как ярусы, один над другим. Под куполами сидят линифии. Чаще всего они сидят парами: он и она.

А рыжих муравьев в этом лесу все-таки нет. Нет и их муравейников из сосновых иголок. Но здесь есть черные муравьи. Они живут в пнях и в стволах старых сосен.

Муравейник. Дорога из светлого отполированного дерева уходит внутрь ствола. Дорога построена в корнях. Ствол как решето — весь в дырках. А муравьев нигде не видно.

Тонкий прутик проник в дырку. Из дырки выбегают муравьи. Один, другой, третий. Муравьи бегают, влезают в соседние дырки, и из них тоже показываются муравьи. Странный муравейник! Внутри такое количество муравьев, а снаружи никогда никого нет. Может быть, у этого муравейника есть потайной ход?

Рядом с муравейником в траве запутался белый целлулоидный шарик. Запутался или приклеился? Он никак не отдирается.

Отодрался. Он действительно целлулоидный? Кажется, да. Только почему такой маленький — всего два миллиметра в диаметре. Разве такие маленькие шары делают? А в шарике крышечка. Она открывается и закрывается. Когда крышечка закрыта, шарик совершенно круглый. Внутри шарик пустой. Уже пустой? Неужели в нем развивалась личинка?

На сосновой иголке висит небольшая колбочка. Она тоже целлулоидная. Горлышко у колбочки закупорено, а крышечка — в дне. Внутри колбочки сидят личинки. Личинки похожи на крохотных червячков.

Целлулоидные лилии растут сразу по пять, шесть штук на одной сосновой иголке. У лилии тонкие упругие ножки и целлулоидные бутоны. Внутри бутонов, вероятно, тоже сидят личинки, только как их увидеть? Бутоны слишком малы. Если поместить целлулоидные лилии в банку и подождать, оттуда наверняка кто-нибудь да выползет.

4

А может быть, косеножку надо искать в семь часов вечера? Ведь ту, шестнадцатиногую косеножку я встретила, когда заходило солнце, часов в семь. Может быть, в это время косеножки висят вниз головой на всех соснах и, выпустив восемь черных ног, чистят ртом восемь зеленых?

Конечно, это была моя фантазия. Семь часов вечера. Никаких косеножек нигде нет. Линифии встречаются почти на каждой сосне. Крестовики устроили себе на опушке леса целый город. Рядом с городом взрослых крестовиков, глубже в лес, расположился город маленьких крестовичков. У маленьких крестовичков сети с таким же сложным рисунком, как и у взрослых, только крошечные и сплетены из такой тонкой паутины, что видимыми становятся лишь под лучами солнца. А шары? Шары из паутины с паучихой и паучатами! Шаров я уже встретила штук десять. Одних косеножек нигде нет. Странно!

5

Она была самой красивой. На розовом фоне рисунок из серых змей. Таким было ее брюшко. Я посадила ее в банку. Это оказалось очень легко. Просто я стукнула по крышке паутинного домика, и она вывалилась из него прямо в банку. Она — это самка крестовика. Кстати, крестовик-самец мне ни разу не встретился. Самцы намного меньше самок, и они так ловко умеют прятаться возле своих сетей, что найти их очень трудно. А самок здесь, в городе крестовиков, много. Самую красивую из них я взяла домой. Я кормила ее мухами, осами. Ловчей сети самка не сплела, но на стенке банки в одном месте появился красивый узор из белых паутинных точек и белых паутинных нитей между ними.

Через несколько дней я решила поймать в ту же банку еще нескольких самок крестовиков. Может, вместе они сплетут настоящую сеть?

Я ходила по лесу и стряхивала крестовиков в банку. Последним я поймала в банку белого крестовика с коричневой полосой в середине. Теперь в банке было шесть крестовиков. Я считала, что каждого крестовика нужно обеспечить мухой. Одну за другой я поймала и бросила в банку пять мух. Когда я вернулась с шестой мухой, то увидела, что в банке происходит нечто странное. Мой первый розовый крестовик сидит верхом на белом крестовике, на том крестовике, которого я посадила в банку последним. Что он делает с ним? Сначала я ничего не понимала. Но вдруг по верхней стороне брюшка белого крестовика потекла желтая тягучая жидкость. Их надо рассадить! Пока я доставала другую банку и маленький самодельный сачок, прошло не больше минуты. Но белого крестовика я застала уже висящим в центре банки на паутинной нитке. Плотный слой паутины опутывал его тело. Мне стало страшно. Каждый день я давала пауку на съедение мух, ос и не видела в этом ничего особенного. А ведь и муха и оса такие же живые существа, как и паук. Мы привыкли — одни виды животных поедают другие виды! Но своего! Зачем?! Еды было достаточно. Места не хватило? Я вытащила розового крестовика из банки и пересадила в другую. Потом достала белого паука. Двумя иголками осторожно стала освобождать его от паутины. Брюшко оказалось

очень мягким, и я боялась, что при малейшем неосторожном движении проколю его иголкой. Сначала я освободила от паутины голову и нижнюю сторону брюшка. На спинной стороне брюшка паутина оказалась твердой и плоской. Она отделилась от нее, как скорлупа от яйца, только в одном месте, справа, прилипла. Здесь под паутиной была глубокая рана. Но паук еще жил. Слабо шевелил лапками.

Умер он через час. Правая задняя лапка так и осталась у него прижатой к ране.

На розового крестовика, которого еще так недавно я считала самым красивым, я не могла больше смотреть. Я выбросила его.

Оставшиеся четыре паука продолжали жить в банке. Жили мирно. Сетей они так и не построили. Но у каждого в банке был свой «угол». И у каждого в этом «углу» был на стенке рисунок из паутинных точек и линий.

А в банке, куда я поместила целлулоидные лилии, появились личинки. Личинки продолговатые, членистые, с шестью лапками. Челюсти у них как крючки. Это тлевые львы. Пройдет время, и ползающие тлевые львы превратятся в летающих золотоглазок.

6

Ствол совсем молодой сосны. Он очень тонок, а ветки отходят от него густо. Между ветками, тесно прижавшись один к другому, сидят тли. Вернее, они не сидят, а свободно висят в воздухе. Висят на передних лапках и хоботке. Через хоботок из дерева к ним поступает сок. Тли черные, крупные.

По стволу, снизу, к тлям непрерывно поднимаются муравьи. Муравьи ползают среди тлей, щекочут их, облизывают...

К тлям подлетела оса. И вдруг висящие тли, как одна, покачнулись слева направо. Словно волна пробежала по морю тлей. Оса отлетела, а когда снова прилетела, тли опять качнулись. Я взяла палочку и провела над тлями. И будто моя палочка была осой — тли покачнулись. Я провела еще раз, но тли больше не шевелились, еще раз — тот же результат. Я подождала минут десять и снова провела палочкой. Тли качнулись. Еще раз — и

тли опять перестали реагировать. Выходит, обмануть тлей можно только с налету.

На ветке возле тлей сидит муха. Мухе здесь есть чем поживиться: ведь тли выделяют сладкую жидкость. Но тли не подпускают к себе мух тоже. Слизывать сладкую жидкость тли разрешают только муравьям.

Рядом с мухой на одной с ней ветке, только дальше от тлей, сидит паук. И паук хочет подобраться к тлям. Но паука к ним не пропускает муха. Пауку стыдно бояться мухи. Он же мух ест. Но то ли потому, что муха уж слишком большая, а паук совсем маленький, только этот паук явно боится мухи. Он подползает к ней и тут же отскакивает. Вот и получается: тли не подпускают к себе муху, а муха не подпускает к ним паука. Одни муравьи безраздельно царствуют среди тлей.

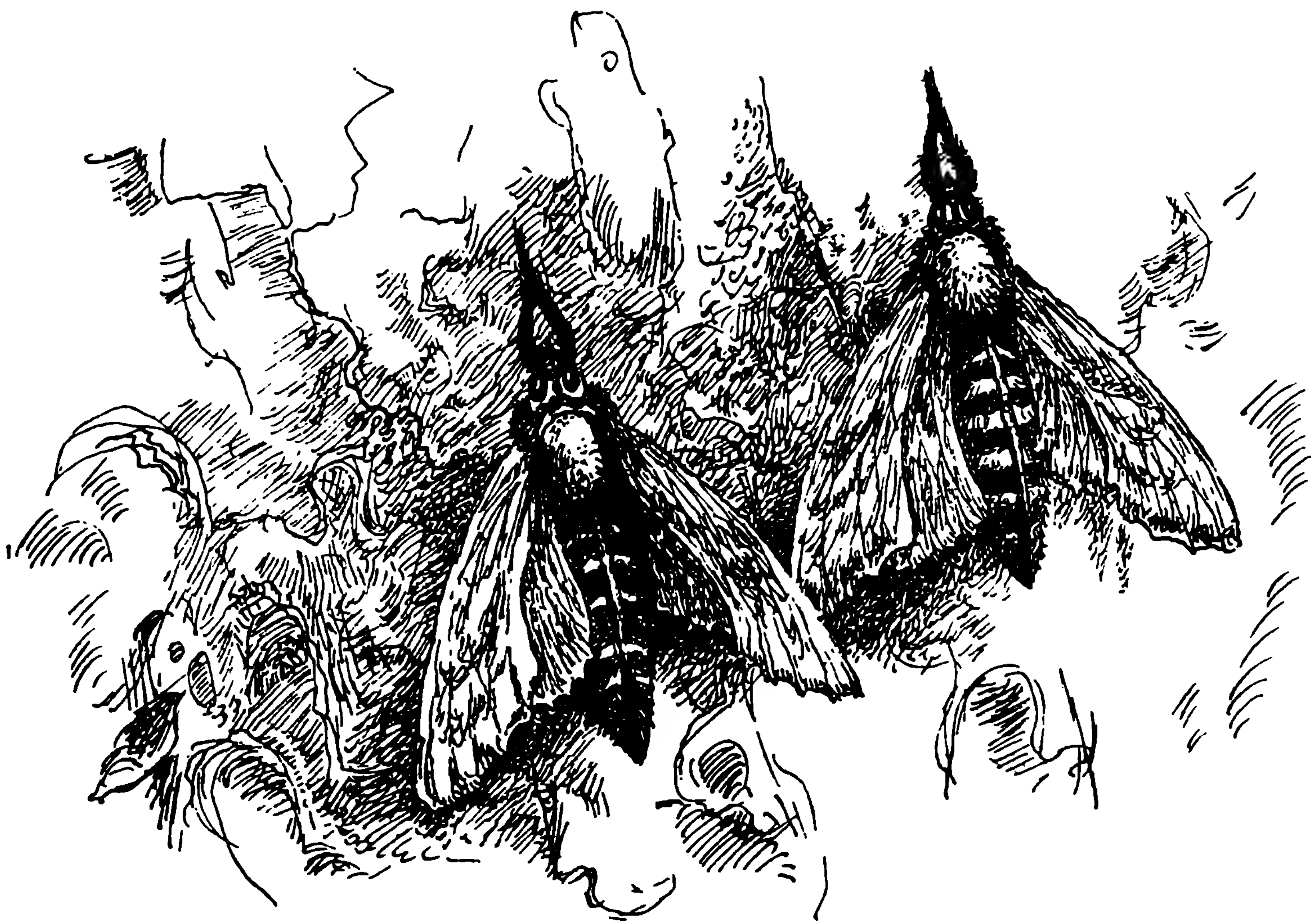
На конце ветки, где сидит паук, под молодой, еще розовой шишкой сидит другой паук. Этому пауку не до тлей, не до сладостей. Это паучиха-мать. Она сидит на белом паутинном мешочке. Внутри мешочка ее паучата. Вчера она была тоже внутри мешочка вместе с паучатами. Но я хотела посмотреть, что в мешочке, и разорвала его. Паучиха вылезла. Я думала, она потом влезет обратно. А она не влезла. Эта паучиха похожа на потолстевшую и обесцветившуюся линифию. Наверное, она какая-нибудь ее родственница.

Квадратные паутинные мешочки таких паучих можно встретить и в свернутых в трубочку сухих листьях березы. Здесь, в лесу, среди молодых сосен, оказывается, растут кустики березы. Только они очень низкие и их мало. Поэтому каждый березовый листок на счету.

Край зеленого листка загнут. Внутри лежит небольшой белый шарик. Шарик прикреплен к листу тонкими паутинками, и такими же паутинками он еще прикреплен к длинным зеленым ногам паука теридииды. Брюшко у этого паука круглое, а головогрудь плоская. Брюшко, как и ноги, ярко-зеленого цвета. Головогрудь хотя тоже зеленая, но прозрачная и поэтому кажется гораздо бледнее.

Я наблюдаю за паучихой каждый день. Она всегда сидит в одном и том же положении. Сколько она так будет сидеть без еды, без движений?

А вот совсем засохший лист березы. Он сложен вдвое, и края

его склеены паутиной. Внутри тоже сидит паучиха с паучатами. Паучиха черная, голова у нее сплюснута и откинута назад. Передние ноги тоже откинуты назад. Кажется, что паучиха курносая. И паучата у нее черные и курносые.

Наверное, я просто не там ищу косеножек. Та моя косеножка могла случайно висеть на сосновых иголках. Вполне возможно, что их надо искать просто в другом месте, ну, скажем, на...

Косеножка! Косеножка!! И еще косеножка!!! На стволе сосны сидят три косеножки!

Я какой день ищу их на ветках молодых сосен, а они преспокойно сидят на голом стволе старой сосны. Наверное, на других тоже есть. Ну конечно. Вот другой ствол. И вот сидит косеножка.

У всех косеножек по восемь ног. Четыре ноги с одной стороны, четыре с другой. Больше никаких ног нет. Правда, это еще ничего не доказывает. Ведь они не висят вниз головой, а спокойно сидят на дереве и, возможно, остальные восемь ног где-то прячут. Только вот почему ноги у этих косеножек черные? Так же расположенные ноги у шестнадцатиногой косеножки были зеленоватыми. А черными у нее были ноги, на которых она висела. Они отходили от конца брюшка.

Внизу, на дереве, где сидят три косеножки, глубокая дыра. К бокам ее прижались две бабочки. Завернутые в бледно-желтые крылья, как в саван, с усиками, сложенными в одно острие, они похожи на привидения. Это ночные бабочки — они ждут ночи. А мои косеножки? Ведь они тоже ждут ночи. Сейчас они неподвижно сидят на дереве. Их трудно заметить. Они сливаются с корой. Сколько раз я проходила мимо, а их не видела. Стемнеет, тогда они начнут двигаться, охотиться.

Надо заставить косеножку отдать все восемь ног. Тогда она выпустит спрятанные добавочные ноги. Это будет вполне естественно. Ведь самокалечение косеножки, наверное, и возможно потому, что у нее есть запасные ноги. Четыре ноги в одну руку, четыре — в другую и тянуть. Не отдает. Напряглась, словно собирается лопнуть... Отдала. Все сразу. Ползет, ползет, тащит обезноженное тело, цепляясь за землю двумя ногощупальцами. Они похожи на ноги, только короткие и отходят от головы. Грудь стала восьмиугольной. Во впадинах между углами вместо ног — белые капли. Кровь? Я думала, это ей просто — отдать свои ноги.

7

Самец линифии ползет к самке. Подползает спереди к ее голове, но самка дергает лапкой, словно недовольно поводит плечом, и самец отскакивает. Он бродит под куполом, по его краю. Он трется о сосновые ветки, на которых подвешен купол, и потом снова подползает к самке. Но самка не хочет подпускать самца. Он ей не нравится. И вдруг самец как-то странно изгибается и удивительно замедленными движениями начинает приближаться к самке. Самца нельзя узнать, он не походит на самого себя. И тут неожиданно самка раскрывает передние лапки, будто собирается принять самца в свои объятия. Самец подползает к ней и кладет на ее голову свою.

Рядом на сосне один под другим висят маленькие куполочки. Еще вчера они были пусты, а сегодня под каждым живет линифенок. Откуда они взялись? Я много раз видела круглые шарики, висящие на паутинках. Если дотронуться до такого

шарика, он тут же раскроется и превратится в линифенка. Линифенок барахтается в воздухе, шевелит всеми лапками — сохраняет равновесие. Линифенок путешествует на паутинке, пока не находит себе дом. А вот откуда он взялся, где он рос до этого? Даже странно: взрослые линифии живут на каждой сосне, а кладок их яиц нигде нет.

8

Тук, тук-тук, тук-тук-тук — дятел долбит кору. Тук, тук, тук. Точка, тире, точка. Дятел разговаривает с лесом по азбуке Морзе.

У меня с собой бинокль. Но найти дятла трудно. Трудно уловить, откуда идет звук. Он разносится по всему лесу. Тук, тук-тук, тук. Точка, тире, точка.

В бинокль верхушки сосен удивительно красивые. Иголки огромные, лоснятся на солнце, растопыренные.

На сосне по ее стволу, совсем близко над землей, прыгают два дятла. Они прыгают боком, один за другим, словно в игру такую играют: кто дальше прыгнет. Прыгая, они поднимаются по спирали вверх все выше и выше. Добрались до первой сосновой ветки и вдруг разлетелись в разные стороны. Тук, тук, тук-тук, тук. Точка, точка, тире, точка. Дятлы стучат по коре. Они не разговаривают азбукой Морзе, нет. Они добывают личинки. Под корой живут тысячи личинок. Уж теперь-то я знаю: личинок можно найти всюду.

Смолянистые наросты в виде шапок попадаются в лесу очень часто. Смола и смола. Вылилась и застыла. Но почему они все такой правильно-округлой формы и слишком уж белого цвета? А может быть, это не просто смола вылилась и застыла? Так и есть! Внутри сидит личинка. А в другой? И в другой личинка. Ложе личинки прорыто в стебле, а смолянистые шапочки прикрывают это ложе сверху.

Нашла я наконец, где развиваются и линифята. Совсем рядом с куполом родителей. Просто кокон с яйцами прикрепляется к нижней стороне сосновой ветки, и поэтому его так трудно найти.

В поле зрения бинокля попадает странная тля. Она похожа на перевернутый вверх дном глиняный горшочек. Из горшочка

выглядывают шесть лапок. Как-то неестественно, всеми шестью лапками обхватила тля сосновую иголку. Я пригибаю ветку. Тля не двигается. Это не тля, а шкурка от тли!

Здесь, на сосновой иголке, тля линяла. Сначала она крепко вцепилась в иголку, а потом вылезла из своей оболочки. Из хитиновой оболочки, которая стала ей мала. Тля уползла, а оболочка осталась.

...Шестнадцать ног. Восемь и восемь... Да, она линяла — та, первая косеножка! Она вытащила ноги из хитиновых оболочек. И висела на этих оболочках. На черных оболочках. А ноги были зеленоватыми — они просто еще не успели потемнеть. Когда я дотронулась до косеножки, косеножка скинула оболочку и встала на ноги. Оболочка упала на траву, а вот этого я и не заметила.

Сегодня я последний раз в лесу.

Так и осталась одиноко сидеть под куполом линифия, у которой я сдула самца. А у самки, этажом ниже, самец появился. Не тот ли, которого я сдула? Не захотел больше забираться так высоко?..

Тонконогая зеленая паучиха-теридиида до вчерашнего дня сидела безотлучно возле белого шарика с паучатами. А вчера исчезла. Она исчезла, когда паучата еще не покинули шарика. Только шевелиться внутри стали сильнее. Сегодня наконец они вылезли, и сейчас рядом с белым паутинным шариком лежит зеленый шарик. Шарик из вылупившихся паучат.

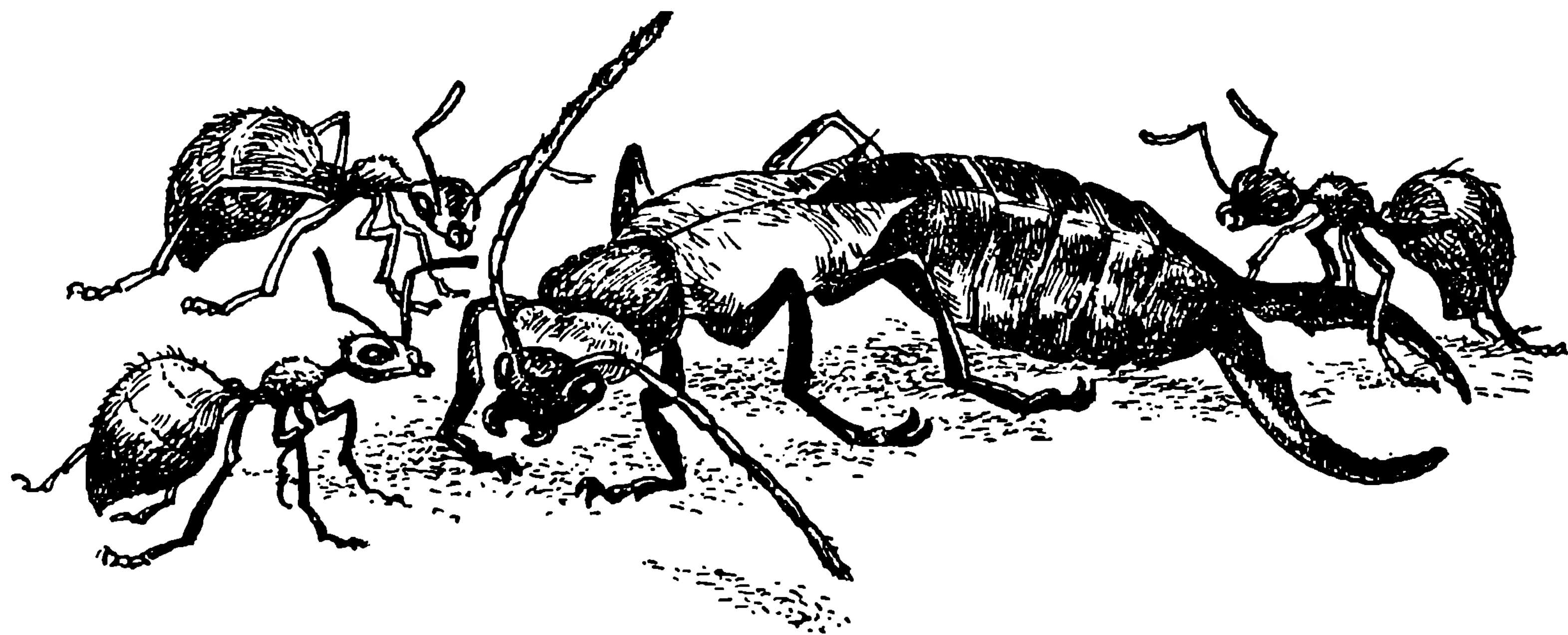
По-прежнему висят друг около друга черные тли. И попрежнему к ним снизу по стволу ползут черные муравьи. Только почему-то у большинства тлей задняя половина брюшка стала ослепительно белой, как будто их побелили известкой.

Муравейник. Тот самый, в котором муравьи никогда не показываются. А сейчас муравьи вылезли из дырок и бегают по стволу. Хотят попрощаться со мной?

Из дырки торчат два загнутых острия. Они похожи на клещи. Около этой дырки муравьев особенно много. Вдруг клещи начали вылезать, за клещами показалось туловище, длинное, членистое, а за туловищем голова. Голова как муравьиная, только усики подлиннее. Это уховертка. Так вот почему всполошились муравьи: в их жилище залезла уховертка. Муравьи маленькие. Уховертка в сравнении с ними громадная.

...Да, сколько ни приходи в лес, каждый раз увидишь что-нибудь новое.

Уховертка вылезла из дырки, перевернулась и влезла обратно. Теперь из дырки торчат усики уховертки. Муравьи бегают кругом, а уховертка не обращает на них никакого внимания. До свидания, муравьи! До свидания, уховертка! Прощай, лес!

В КОНЦЕ ЛЕТА

От дерева к ямке, от ямки к дереву и опять от дерева к ямке Муравьи ползут. Два встречных беспорядочных потока: один — от ямки к дереву, другой — от дерева к ямке. Добравшись до ямки, муравьи спускаются в нее и вылезают обратно каждый с бледно-желтой крупинкой во рту. Муравьи движутся по дорожке к дереву. Тут между выступающих корней небольшая впадина. Муравьи взбираются на корни и, сверху сбросив в эту впадину крупинки, поворачивают обратно. А навстречу им ползут другие муравьи, каждый с крупинкой.

Постепенно впадина заполняется. Что хотят выстроить муравьи у подножия дерева?

Вероятно, наземную часть муравейника.

В стволе дерева углубление: как кровь на ране, запеклась кора. Кружком, тесно прижавшись друг к другу, здесь сидят муравьи.

В центре кружка находится что-то большое, длинное, похожее на веретено. Это тля. Она дает пищу муравьям. Муравей пощекочет тлю, и тля выделит сладкую капельку. Муравей слизнет и снова пощекочет.

В растрескавшейся коре старой березы много таких углублений. И в большинстве из них муравьи устроили свои столовые. В столовых где одна тля, а где сразу по три, по четыре. Тли блестящие, зеленого или темно-коричневого цвета.

Дождь. От дождя в лесу темно. Где же муравьи? Вот ямка. Вот дерево. Вот дорожка. Все мокрое. В ямке никого нет. По дорожке медленно ползут два-три муравья... А на дереве? По дереву текут ручьи воды. Они стекают на землю. И там бурлят

лужицами. Конечно, на дереве не может быть муравьев. Если бы они туда попали, вода бы их сразу смыла на землю. С одной стороны дерева — водопад. Вода отвесно падает с полуметровой высоты. Здесь оборвана кора до самой сердцевины. Образовалась ниша. В нише сидят муравьи. А может быть, для муравьев это пещера? Вокруг с шумом падает вода. Внутри сухо и, наверное, очень уютно.

Дождь лил два дня почти беспрерывно. А сейчас он прошел. Вечер. В лесу темно. Что делают муравьи? Земля черная, и дерево черное, и муравьи черные. Ничего не видно — все черное. Только капелька воды, каждый раз повисающая на кусочке коры над входом в «пещеру», светится ртутным отблеском. Муравьи в «пещере» видят капельку, и дождь для них еще не кончился. А на дорожке между ямкой и деревом опять открыто движение. Но оно уже не беспорядочное, как днем.

Темно. В темноте медленно друг за другом по цепочке ползут муравьи. Одна цепочка спускается в ямку, другая поднимается из нее.

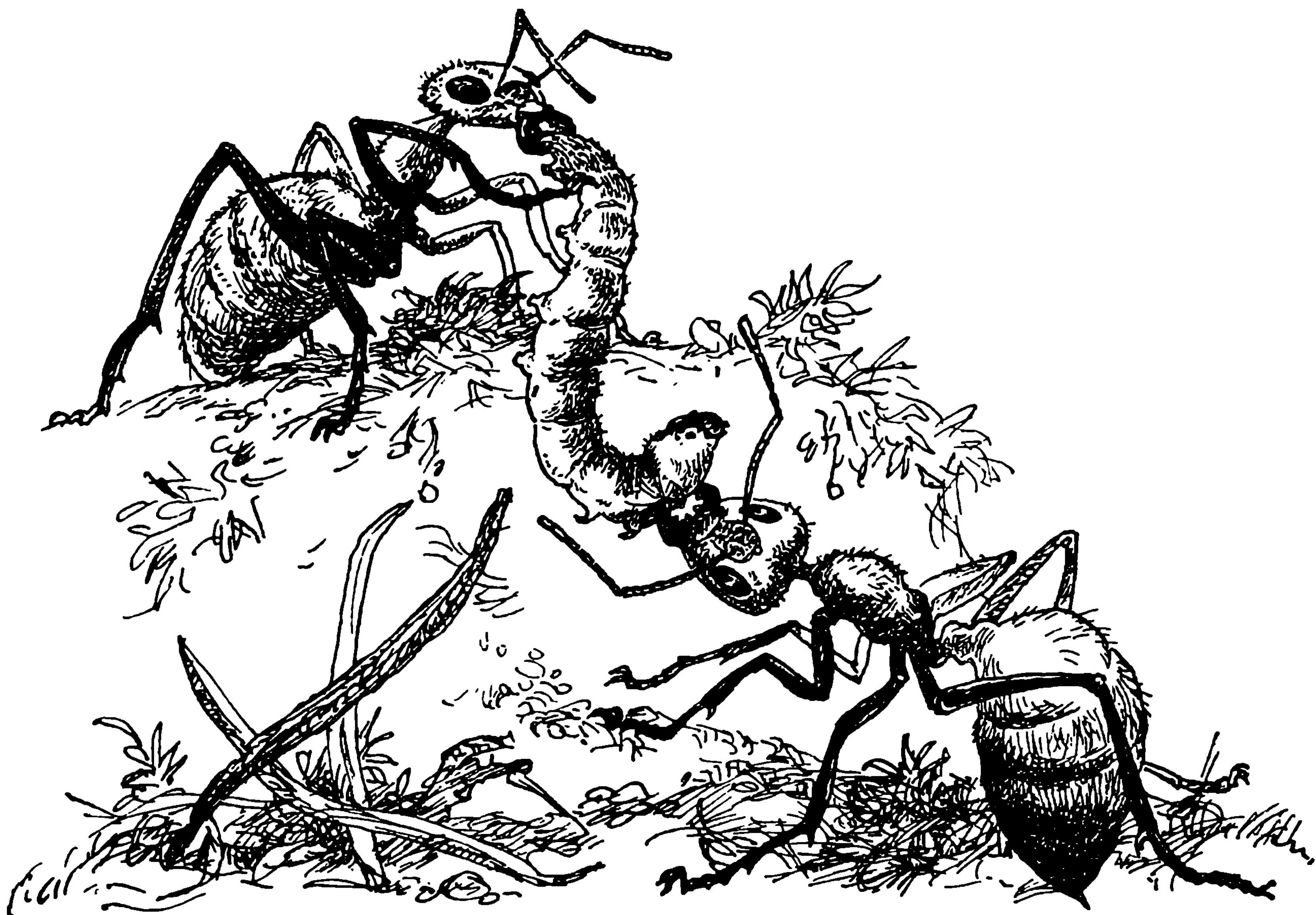
Медленно, осторожно и спокойно ползут муравьи. Так двигаются машины ночью в горах.

Утро. Солнце. Сухо. Внизу дерева по обнаженным корням ползет маленький колпачок. Похоже, что он свернут из коры. Взяли кусочек коры, бугристый, обтрепанный, весь красноватый, сероватый, желтоватый. Взяли и свернули из него фунтик. Фунтик-колпачок. Колпачок лежит на дереве боком. Из колпачка высовывается крошечная зеленая головка, а за головкой тельце. Не все тельце, а только передняя часть с бугорками на брюшной стороне. Тельце то растягивается, то сжимается. И колпачок движется. Движется? Муравьи набрасываются на зеленую головку, на зеленое тельце. Но головка и тельце сразу втягиваются в колпачок. И теперь он уже не лежит боком, а стоит торчком, острием вверх. Все живое — внутри колпачка, а внутрь муравьи не могут подобраться. Как ни бегают вокруг, как ни стараются просунуть голову, лапки, усики — все безуспешно. Плотно прижато основание колпачка к дереву. Надоело

муравьям заниматься бессмысленным делом. И тут ведь ничего нет: просто какой-то сучок из дерева торчит. Отполз от сучка муравей, отполз другой, отполз третий. Все отползли. И медленно ложится колпачок набок. Вновь высовывается головка, за ней тельце, и колпачок начинает двигаться. Тогда опять налетают муравьи, но перед ними снова оказывается сучок, и они отползают. А колпачок движется дальше. Трудно передвигаться ему среди муравьев. Иногда успевает высунуться только один глаз, как тут же приходится прятаться. Будто муравьи поняли проделки колпачка, нарочно отползают и ждут, когда он откроется. Кажется, никогда не вырваться малюсенькому колпачку из муравьиного жилища. Но проходит полчаса, и колпачок уже перелез с корней на ствол дерева и уже по стволу поднялся довольно высоко. А ведь чем выше по дереву, тем меньше муравьев, тем легче будет ползти колпачку. Значит, можно за него и не волноваться.

Муравей тащит комара. Комар мертв. Его ноги вытянуты назад. Весь он бескровный, бледный, длинный. В общем, покойник. По дороге комар цепляется за кору. Приходится останавливаться, дергать, тащить назад. А вот появился другой муравей, третий, четвертый. Каждый тянет комара к себе. Первый муравей отбивается. Отбился. Ползет дальше. Навстречу еще мура-

вей. Этот, видимо, сильнее других, сразу отобрал комара. Мертвой хваткой сжимает крыло комара ограбленный муравей. Висит на нем, крутится, переворачивается. Оборвалось крыло. Достался комар другому муравью. К этому муравью никто даже близко не приближается, только усиками поводят в его сторону — чувствуют силу.

Спустился муравей с комаром с дерева и пополз по дорожке. Перед ямкой остановился. Мост. Мост из груды сосновых иголок. К ямке муравьи проползают под мостом, а из ямки взбираются по мосту. Муравей с комаром сунулся под мост. Но между сосновыми иголками застрял. Муравьи сразу бросились отнимать комара. Все столпились в узком проходе, наползают один на другого. Образовалась гора из муравьев в уровень с мостом. Тут муравей с комаром вырвался и по этой живой горе влез на мост. С моста в ямку. А в ямке что? А что в ямке, не видно. Там начинается у муравьев подземное жилище.

Сегодня муравьи не тащат из ямки бледно-желтые крупинки. Дождь размыл дорожку, вымыл из впадины между корнями крупинки. Поздно начали муравьи строительство. Лето подходит к концу. Теперь каждый день могут идти дожди. Недалеко отсюда у одного из деревьев такие же муравьи уже успели возвести целую насыпь из крупинок. Дождь прошел, а насыпь лишь уплотнилась.

Интересно, начнут ли муравьи снова носить крупинки из ямки, возобновят ли строительство?

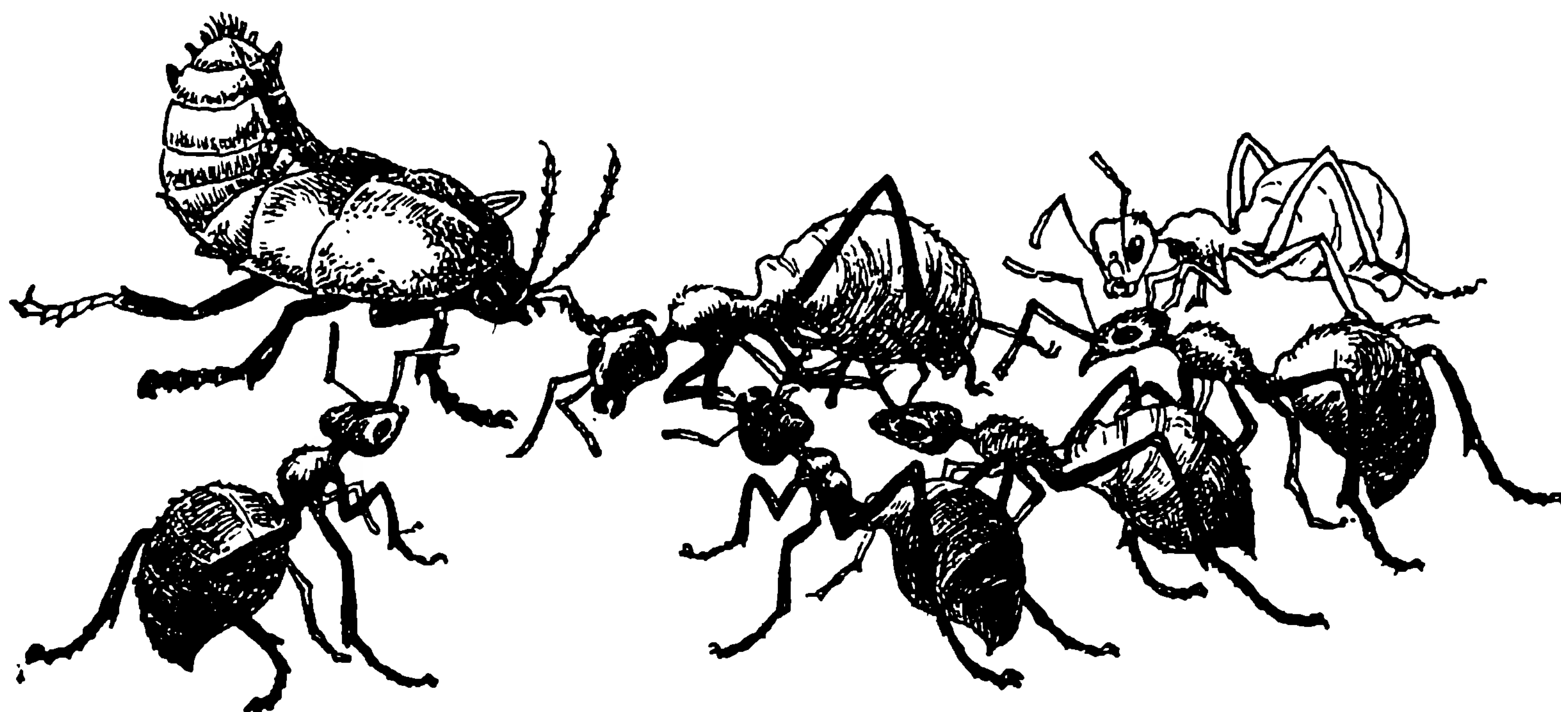
Два муравья за два конца несут крохотный зеленый жгутик — малюсенькую гусеницу. Один муравей тащит в одну сторону, другой — в другую. Никто не уступает. И оба хотя и медленно, но все же движутся. Вокруг много муравьев. Они пытаются присоединиться к шествию. Но тогда оба муравья объединяются: они раскачивают зеленый жгутик и бьют им по голове всех, кто ни приближается.

Муравьи с гусеницей подползли к ямке. Один спустился в ямку, а другой не хочет, упирается. Передний повис над ямкой на одном конце гусеницы, а задний стоит на краю ямки и держит другой гусеничный конец. Но тут появился еще муравей и столкнул заднего муравья.

Теперь муравьи в ямке. Что они там будут делать с гусеницей?

Правильные круги по орбите с одним и тем же неизменным центром. Один круг, второй, третий. Их совершает тля. Тля серая, тусклая, невзрачная, она совсем не похожа на тех, которые сидят в столовых. А ее бесконечное движение по одной и той же круговой орбите какое-то тупое, непонятное, упрямое...

Рядом с тлей бегает муравей. Он забегает то сзади, то спереди, то сбоку — он старается сбить тлю с пути. Подползают еще два муравья. Теперь три муравья кружатся вслед за тлей. Им удается наконец столкнуть тлю с ее невидимых рельсов. И что же? Тля продолжает кружиться. Ее новые круги той же

величины, лишь центр их переместился миллиметра на два правее. Вот и все. Муравьи устали. Они бросают тлю и ползут по дереву. Ползут к нише. Перед нишей останавливаются и тщательно чистят передними лапками усики: прежде чем вползти в нишу, муравьи умываются. Когда муравьи выползают из ниши, они снова прочищают усики. В нише муравьи не моются... В нише...

Два муравья стоят на задних лапках и, сцепившись передними, поглаживают друг друга усиками. Это муравьи один другому изо рта в рот передают лакомые кусочки. К ним подползает третий муравей, один из тех, что уполз от тли. Он тоже становится на задние лапки, шевелит усиками. Он тоже хочет попробровать вкусненького.

В нише таких лакомок много. Ниша — это место отдыха и встреч.

С тех пор как три муравья покинули тлю, возле нее побывал не один муравей. Но удалось им передвинуть ее еще лишь на несколько миллиметров. И на новом месте тля по-прежнему совершает круги. И еще немало усилий придется затратить муравьям, прежде чем они загонят ее в какую-нибудь расщелину — столовую, окружат и начнут щекотать. И тогда тля наконец успокоится. Начнет выделять сладкие, клейкие капельки, потемнеет и заблестит.

Маленькие, черные муравьи движутся спокойно, деловито, с достоинством. Они здесь хозяева, они работают! Между ними бегают, извиваются жучки атемелес. Ростом атемелес такой же, как муравей. И цветом почти не отличается. А усиками шевелит ну точно как муравей. Только бегает атемелес быстро, вертляво. Весь изгибается. Конец брюшка держит почти вертикально вверх, а иногда достает им прямо до головы.

По дорожке ползет муравей. Внезапно муравей останавливается, застывает в ужасе. Рядом останавливается еще муравей. Потом еще и еще. Теперь их уже много, неподвижных, оцепеневших муравьев.

Словно опомнившись, несколько муравьев срываются с места и бегут. Бегут в разные стороны: одни — к дереву, другие — к ямке. По пути торопливо касаются усиками усиков

встречных муравьев — сообщают новость. И вот уже не один, не два, а целые потоки муравьев спешат к месту происшествия и, добежав, неподвижно застывают.

В центре образовавшегося круга лежит муравей. Он мертв. Его никто не трогает. На него только смотрят.

Неожиданно в круг врывается атемелес. Он хватает мертвого муравья и тут же исчезает с ним. Теперь в кругу никого нет, но муравьи остаются на месте.

Расползаются муравьи неторопливо, и что-то еще долго объединяет их. А атемелес? Он бегает с мертвым муравьем по поляне. То ткнет его в одно место, то в другое. Положит, отбежит и снова схватит. Что он ищет? Чего хочет? Может быть, он ищет место, чтобы зарыть муравья?

У муравьев новый путь! Муравьи доползают до ямки, но не спускаются в нее, а поворачивают налево, к пню. Пень низкий, трухлявый, поднимается уступами. На верхнем уступе сбоку — четырехугольное отверстие. С боков и сверху муравьи вставили в отверстие маленькие щепки. От этого оно стало похоже на вход в землянку.

Внутрь муравьи тоже тащат щепки. Они берут их тут же, рядом. Долго примеряются к каждой, пока находят ту, которая нужна.

А вот муравей, поднимаясь по пню, тащит обрывок зеленого листа. Только он пополз не по той дорожке и никак не может найти вход. Его догоняет другой муравей, дотрагивается усиками, и оба направляются к четырехугольному отверстию. Но отверстие слишком мало для листа. Лист застревает. Получается словно дверь: вползающие муравьи открывают ее внутрь, а выползающие — наружу.

...Снова мертвый комар. Он лежит у подножия дерева. Но теперь муравьи ползают мимо, не обращая на него никакого внимания. Вдруг один из них все-таки хватает комара и тащит по дорожке. Поднимается паника: муравьи шарахаются в разные стороны.

Ямка. Казалось, про нее все забыли. Однако стоит муравью с комаром приблизиться к ней, как моментально выстраивается шеренга муравьев, но никто не отнимает комара. Ему просто

преграждают путь в ямку. Тогда муравей с комаром поворачивает к пню. Муравьи окружают его, бьют по голове, хватают за лапки, стаскивают с пня. Он снова взбирается, его опять стаскивают.

И вдруг будто ярость вселяется в него. Напролом, отшвыривая одного муравья за другим, он прорывается к четырехугольному отверстию. Тут пусто. Как и в ямку, сюда больше никто не ползет. Покрутив усиками перед входом, муравей поворачивает обратно. Очевидно, внутрь путь закрыт. Муравей выбирается на тропинку, которая ведет на другую сторону пня. Здесь много круглых отверстий.

Муравей с комаром старается прорваться в какое-нибудь из них. Но в одни его не пускают изнутри, а от других отталкивают снаружи.

Вот дырочка, возле нее никого нет. С разбегу он влетает в нее. Проходит несколько секунд, и из дырочки начинают выскакивать один за другим муравьи. Они вращают усиками — призывают на помощь. Со всех сторон спешат муравьи и один за другим скрываются в отверстии. Что же теперь там будет? Какое наказание ждет несчастного преступника? Очевидно, наступило время, когда по муравьиным законам уже нельзя мертвых комаров втаскивать в подземное жилище.

Каждый день идет дождь. Сейчас он тоже тихо накрапывает... На дереве столовых теперь мало, и находятся они только в самых глубоких и удлиненных расщелинах. Муравьи продолжают ползти на ту сторону пня, где расположены круглые отверстия, но спускаются уже не во все из них. Вот один за другим влезают муравьи в круглую дырочку. И вдруг стоп! Заселение подземного жилища с этого входа закончено. Теперь муравьи только просовывают голову внутрь и тут же пятятся назад. А через некоторое время начинают останавливаться на середине пути. Задирают голову, шевелят усиками и, что-то уловив, поворачивают обратно. Они ползут к другим дырочкам, куда еще пускают, но таких дырочек остается все меньше и меньше.

От дерева по дорожке ползет муравей. Он доползает до ямки и поворачивает к пню. Он один. Муравьев больше нет. Ни впереди него, ни сзади.

Круглые дырочки в пне. Одна, вторая, третья. В каждую по

очереди муравей просовывает голову и ползет дальше. Последняя дырочка. Муравей приближается к ней особенно медленно. Остановился у входа. Тихо шевелит усиками. Повернул назад... Все... Всюду закрыто.

Муравей ползет обратно. Он спускается к ямке. Выползает на дорожку, добирается до корней. Так ничего и не построили здесь муравьи из бледно-желтых крупинок. Поздно начали, дожди помешали. Зато они заселили пень.

Муравей поднимается по дереву. Ниша. Здесь тоже никого нет. Пусто. Еще вчера здесь собирались муравьи... Два муравья стояли на задних лапках и, обхватившись передними, поглаживали друг друга усиками.

Это было вчера...

Муравей ползет дальше. Столовые. В них по-прежнему сидят тли. Их никто не караулит. Но они будто ждут, что муравьи еще вернутся. И действительно, вот приближается муравей... Нет, прополз мимо. Тли начинают расползаться. Неуверенно, робко они выбираются из углублений и здесь, на воле, опять становятся серыми и тусклыми.

А муравей поднялся еще выше по дереву. И вдруг замер, а потом ринулся вперед. Перед ним — четыре муравья. Долго шевелит он усиками — рассказывает.

Теперь он не один. Теперь их пятеро.

Желтые листья покрывают дорожку, желтые листья, как желтая кровля, повисли над ямкой, желтые листья кружатся над пнем.

Конец лета. Муравьи ушли под землю.

ДВА ЖУКА

Кто-то прошел по комнате и наступил на жука. Жук был небольшой, миллиметров пять в длину. Темно-коричневый, почти черный. От того, что на жука наступили, он не очень изменился. Чуть сплющился, да сзади, из-под крыльев, у него появилось что-то белое.

Жук прополз немного, и за ним по полу потянулась мокрая полоса. Затем он судорожно дернулся несколько раз и замер. Через некоторое время возле лампочки раздалось пронзительное жужжание, и сверху к первому жуку слетел второй жук. Это был жук точно такой же, как и первый, такого же размера, такого же цвета, словно родной брат его.

Второй жук тотчас же подлез под первого, отчего первый перевернулся на спину. Теперь было видно его розовое брюшко. Оно тоже нисколько не было повреждено, и о смерти жука говорили только лапки, согнутые и неподвижно застывшие над брюшком. Зацепив одну из них, второй жук пополз вперед. Мокрый след на полу удлинился. Тогда второй жук отпустил лапку, подполз к раздавленному жуку сзади и приник головой к его ране. При этом он все время потирал одну свою лапку о другую: видно, жидкость, вытекающая из раны, была липкой.

Но вот жидкость перестала вытекать... Здоровый жук перевернул раздавленного со спины опять на брюшко и начал снова подлезать под него, но теперь уже не сбоку, как первый раз, а сзади. Подлезал медленно, осторожно, и раздавленный жук принимал все более вертикальное положение. Наконец он оказался просто поставленным на голову. Но второй жук тут же отполз, первый сразу упал.

Тогда второй обхватил его лапками и стал кружить. И снова потянулся по полу белый след. Здоровый опять прильнул головой к ране раздавленного.

Каждое движение второго жука было настолько осмысленным, каждое действие настолько точно и мастерски выполнялось, что казалось, он действует по определенной, хорошо ему известной программе. Казалось, что он владеет секретом оживления и сейчас он что-то произведет такое, от чего мертвый жук действительно зашевелится.

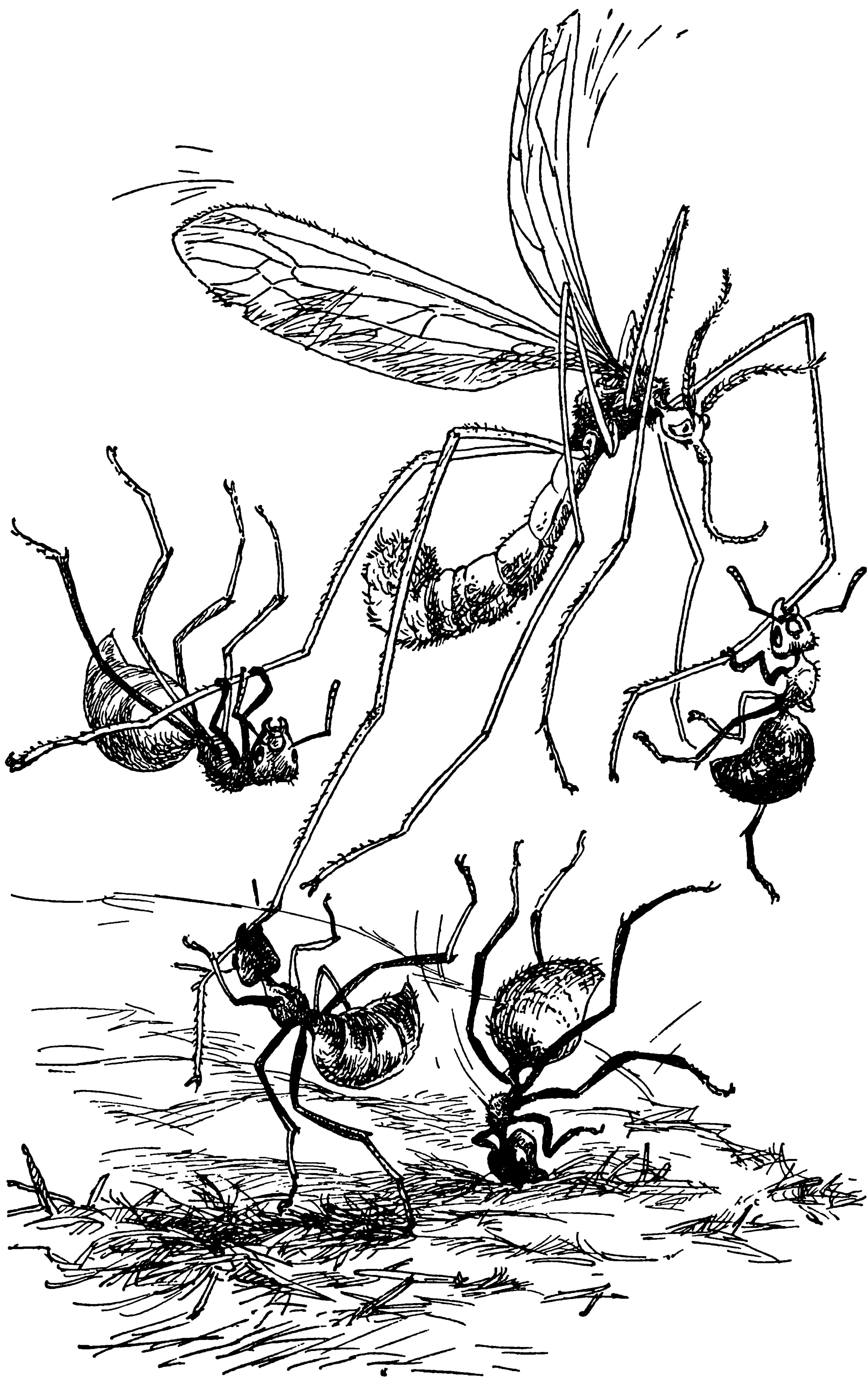
Недаром же существует наука «бионика»!

И жук зашевелился. Он дернул передней лапкой. Второй жук сразу отполз и стал следить.

...Есть такие большие комары. Они раза в три больше обыкновенных кома́ров. Особенно длинные у них ноги. Они похожи на ноги косеножек — тонкие такие же и складывающиеся. Както такой убитый наповал комар упал в муравейник. Обнюхав комара со всех сторон, муравьи начали взбираться на него. А взобравшись, начали кусать его в шею. Больше никуда — только в шею. Казалось, что у комара голова вот-вот отлетит. Она, словно подпиленная, свисала то в одну сторону, то в другую. И вдруг комар начал подниматься. Он выпрямил передние ноги, потом средние, потом задние. Поднявшись, комар встряхнул туловищем, и муравьи покатились с него вниз. Они катились один за другим по его ногам, как по перилам. Медленно ковыляя, комар шел к траве.

Муравьи оживили комара. Странно, зачем им это?.. Может,

все произошло случайно? Случайно своими укусами муравьи раздражили нервные ганглии комара?

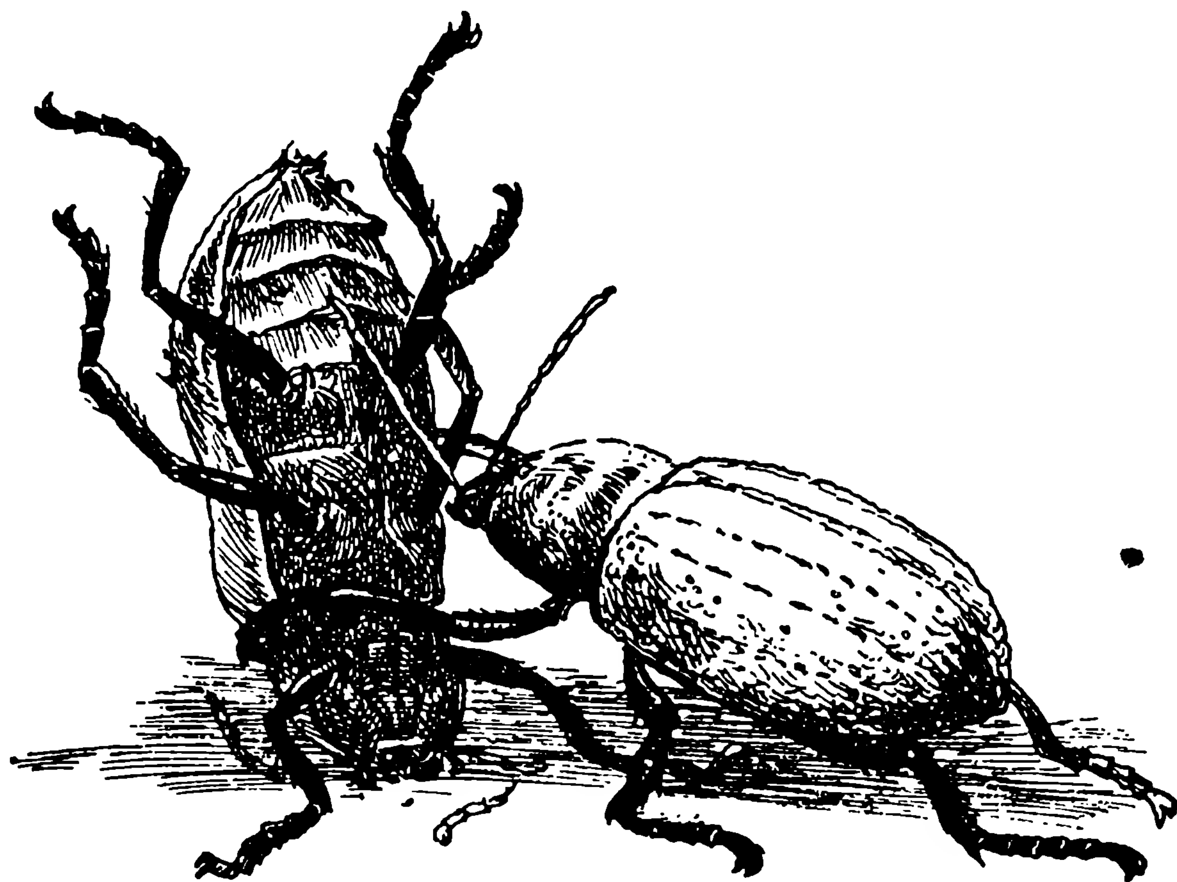
Право же, трудно иногда понять, пьет ли один из другого кровь или вливает в него жизнь.

Так, может быть, и второй жук вовсе не пытался оживлять первого? Приникая к ране, он не останавливал кровь, а просто пил ее и вертел мертвого лишь для того, чтобы кровь лилась сильнее?

...Второй жук продолжал следить. Первый больше не двигался. И снова второй жук начал переворачивать раздавленного жука со спины на брюшко, с брюшка на спину, снова начал ставить его на голову, таскать по кругу и каждый раз, как только показывалась кровь, припадать к ране.

Потом он бросил его и пополз прочь. Он уже почти дополз до стены, как вдруг повернул обратно. Он очень торопился. Приблизившись к мертвому жуку, который оставался неподвижно лежать брюшком кверху, он перевернул его и быстро подтянул к тому месту, где его нашел в самом начале и где еще не просох на полу мокрый след... Затем, уже не останавливаясь, опять пополз к стене. У стены жук повернул и пополз в угол, потом поднялся по плинтусу и исчез за ним.

Это были жуки-точильщики. Жуки эти точат дом, а когда их сильно пугают, «притворяются мертвыми». Никто никогда не слышал, чтобы они любили кровь.

СЕМЕРКА ЧЕРВЕЙ

Часть I

Червяк. Обезноженное, ползучее, извивающееся существо. «Червяк!» — говорите вы с отвращением. Все червяки для вас «на одно лицо». Но так ли это?

Червяк № 1

В саду стоит бочка. Старая, рассохшаяся. В бочке вода, которую не меняют. И в бочке живут червяки. Из ила сваляли червяки трубочки. И из трубочек построили город. Город под водой, город на дне бочки. В центре города дома высокие — трубочки укреплены стоймя. На окраинах дома низкие — трубочки положены набок.

Тихо. Каждый сидит в своей трубочке. Но вот один червяк вылез и быстро начал подниматься со дна вверх. Восьмерку делает. Красную яркую восьмерку в черной воде. Восьмерка такая: голова загибается к спине, а хвост к брюху. Потом наоборот: хвост к спине, голова к брюху. И так и этак — все равно получается восьмерка.

Красной мерцающей восьмеркой червяк поднимается на поверхность подышать воздухом.

Червяк № 2

В лесу растет гриб. Крепкий, коренастый: шляпка у него как будто немножко больше, чем надо для его ноги. Как большая голова на маленьком теле. Гриб называется моховик. Гриб весь желтый. И ножка желтая, и шляпка желтая. А в желтой шляпке кучка желтых яиц. Растет гриб. Растет шляпка, растет ножка, и из яичек вылупляются червяки. Вылупились червяки и начали

расползаться в разные стороны. Кто вверх, кто вбок, кто вниз — в ногу гриба. Роют, едят, опять роют, новые ходы роют. Гриб внутри весь изъеден. Все ходы уже друг с другом соединяются. И даже образуются большие «залы». В них сползаются червяки и начинают резвиться. Червяки обхватывают друг друга за талию, катаются, дерутся. Кто победит? Кто сильнее? Кто лучше всех ел, дышал, спал? Кто скорее всех вырос?

Червяк № 3

Ветер рвет кору с деревьев. Это трудно. Кора плотно обхватывает дерево со всех сторон. И вдруг ветру удается: у высокой старой сосны отлетел кусок коры. Обнажилась мягкая желтоватая поверхность луба. А на ней... опять дерево! Из белых борозд. Такие деревья рисуют дети: ствол и ветви во все стороны. Но это дерево нарисовали не дети. Это дерево прочертил червяк. Белый, треугольный, крохотный червяк. Правда, не один он чертил. Ствол дерева и толстые сучья прочертили его отец и мать. На его же долю пришлись тонкие, хрупкие ветки.

Червяк треугольный: один из концов треугольника — хвост. Два других — «плечи». Между «плечами» — рот. Темно-коричневый, жесткий рот. Рот, которым прогрызаются белые борозды в лубе.

Червяк № 4

У ракиты на концах веток молодые листочки свернуты в трубочку. Сначала эта трубочка маленькая, потом она растет, вытягивается, становится длиннее, шире, плотнее, а потом... потом она разворачивается и превращается в несколько бледно-зеленых, свежих, какими бывают лишь только что распустившиеся бутоны, маленьких листочков. Но иногда этого не случается. Трубочки не разворачиваются. Они так и остаются свернутыми до конца своего существования, лишь сильно разрушаются. Каждая такая трубочка превращается в дом. Поэтому она и не может развернуться — иначе дома не будет. А в доме живут маленькие червячки. Вначале червячки бледно-желтые. Дом в это время бледно-зеленый. Потом червячки становятся розовыми, а дом коричневатым. Червячки растут и наконец ста-

новятся красными. Дом же делается черным. Как только дом делается черным, а червячки красными, червячки укутываются в белое покрывало и...

Червяк № 5

Вкусна малина. Вкус у нее нежный, сочный, сладкий. И есть у малины маленький обожатель — малинный червяк. Еще нет ягод у малины, пока распустились только цветы, но в них уже яйца, из которых должны вылупиться червячки. Созрела малина, и червяк тут как тут. Он вгрызается в мякоть и начинает наслаждаться. Еду не надо добывать: еда вокруг тебя, она сверху, снизу и с боков. Она сама лезет в рот. Да еще такая вкусная, мягкая, сочная. Можно есть час, день, неделю, месяц...

И вдруг червяки исчезают. Их нет больше ни в одной ягоде. Пронизанные насквозь ходами ягоды висят унылые и неприглядные. Их никто не срывает — они червивые. А червей там уже нет. Нет червей. Черви исчезли.

Червяк № 6

Рассвет. Вверх по дереву медленно несут червяка. Червяк пассивен. Он не выгибается, не вырывается, он спокойно и безразлично висит в зубах своего носильщика. Несут так несут. Значит, надо нести. Каждое утро его несут по этой дороге — вверх по дереву. Он уже тут все знает: сейчас они обойдут бугор, а сейчас опустятся в углубление. Потом проползут под сучком и наконец доберутся до входа. У входа на потолке вниз головой будет обязательно висеть сторож, он пропустит их. По коридору они проползут в комнату. Там он пробудет весь день. Там его будут кормить, обмывать. Приятно, когда за тобой ухаживают, когда тебя любят. Можно ни о чем не думать, ни о чем не заботиться. Можно вот так спокойно висеть в зубах своего носильщика, мелко подрагивая. Подрагивая, потому что как бы бережно тебя ни несли, но дорога-то все-таки не мощеная.

Червяк № 7

Седьмой червяк — толстый, розовый, довольный. Седьмой червяк живет в земле. Если он вдруг оказывается на поверхности, то приподнимает голову и долго крутит ею во все стороны, принюхивается — выбирает дорогу, куда ползти. Ползет он медленно, извиваясь. Вдруг делается в каком-нибудь одном месте тонким-тонким, таким тонким, что кажется, сейчас порвется. А в другом месте — необыкновенно толстым. Таким толстым, что кажется, сейчас лопнет. Но тонкое место не рвется, а толстое не лопается. Тонкое — подтягивается, толстое делается тонким, образуя новое вздутие впереди себя. Червяк движется, он словно переливает себя с конца на перед. Червяк движется, он ввинчивается в землю и начинает уходить все глубже и глубже. Недаром его зовут земляным червяком.

«Ну и что? — скажете вы.— Червяк все равно остается червяком. Живет ли он в трубочке из ила или в трубочке из листьев, кормится сам или его кормят, плавает он или ползает, роет землю или грызет дерево. Червяк — это червяк!..» Но читайте дальше.

Часть II

Вы помните, червяк № 1 жил в бочке. Ему повезло: его не поймали и не посадили на крючок, он не стал приманкой для рыбы. В один прекрасный день он надел на свою голову прозрачный шлем и оказался словно в скафандре. Он стал меньше двигаться и перестал есть. Он только дышал. А для этого, так же как и прежде, подымался на поверхность.

Червяк № 2, который жил в грибе моховике, вырос, окреп и покинул гриб. Он зарылся в землю и заснул.

Заснул и червяк № 3. Прямо в дереве заснул. Только для этого ему пришлось прогрызть длинный ход в лубе, чтобы опять очутиться под корой. Попав снова в укрытие, червяк расширил ход — выгрыз лунку. Он сделал себе что-то вроде колыбельки. Затем лег в нее, затянул колыбельку сверху белым покрывалом и сладко уснул.

Червячки в домике из листьев тоже уснули в своих спальных белых мешках. Только дом стал у них жестким и хрупким. От малейшего ветра он трещал и хрустел. Вот-вот развалится. От этого сон у червячков не так спокоен. Ну ничего. Червячки эти очень скоро проснутся. И тогда они даже обрадуются, что дом их такой непрочный, потому что они легко смогут из него выйти. Ведь им самим придется прорубать двери изнутри. Представляете, как бы это было им трудно, если бы дом оставался все таким же гибким и прочным, каким был с самого начала?

Заснули в земле и червяки, исчезнувшие из малины. Исчезновение их оказалось не таким уж загадочным. Они просто ушли в землю. Достигнув глубины в двадцать сантиметров, они сваляли из земли земляные домики, зарылись в них и замерли.

А вот червяк № 6, которого носили вверх и вниз по дереву, так и продолжает свои каждодневные прогулки. Только у него теперь нет ни рта, ни глаз, ни вообще головы. Ведь он превратился в небольшой аккуратный белый бочонок. Его теперь не кормят, не обмывают, его только перетаскивают с места на место. Когда холодно, его перетаскивают туда, где потеплее, когда жарко, его переносят туда, где прохладнее. А если сыро, его помещают в сухие комнаты.

Червяк № 7 продолжает рыть землю. Он стал еще толще, еще длиннее, он стал еще более розовым и еще более довольным. Спит ли он? Возможно, когда-нибудь и спит, но недолго. И, проснувшись, вновь начинает рыть, рыть, рыть.

Итак, одни червяки стали менее подвижными, другие замерли совсем. Лишь последний червяк никак не угомонится.

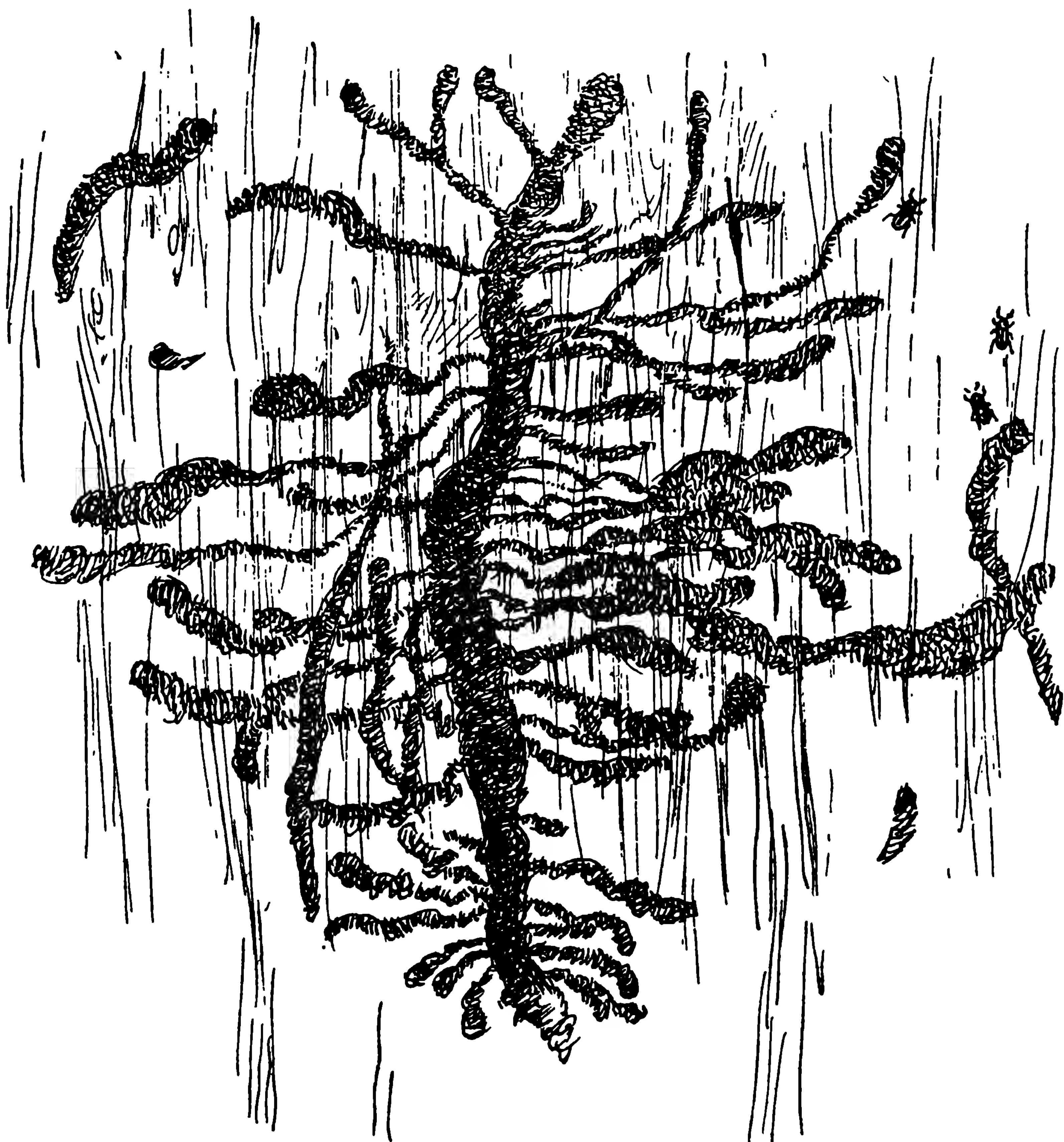
Вы любите сказки с превращениями? Любите? Так это не сказка. Замерли червяки, заснули. И начали с ними совершаться дивные превращения.

Часть III

По воде плавает белый, легкий, прозрачный плот. На плоту, распластав по воздуху крылья, застыл на тоненьких ножках мотыль. Мотыль сушится «на ветру». Ветер рябит воду, ветер носит плот по воде, и ветер же сушит мотыля. А мотыль — это комар, мохнатоусый комар. Каждый ус у этого комара похож на густое, мохнатое перо. Комар вытянул усы ввысь, как две мачты. Усы тоже сохнут. Весь мотыль сохнет с головы до ног, потому что он только что вылез из воды, где, будучи червем, плавал и извивался восьмеркой. Красной восьмеркой в темной воде. Теперь же он стоит на своей бывшей «червячьей оболочке», и она служит ему плотом.

А вот и второй комар, вернее, комарик, потому что он раз в десять меньше мотыля. Его называют — грибной комарик. Вылез комарик из земли, поднялся в воздух и присоединился ко множеству таких же, как и он, комариков. Сталкиваются в воздухе комарики по двое, по трое, а то и сразу по десятку. Сталкиваются, разлетаются, опять сталкиваются. Друг дружку обгоняют и ввысь и вдаль и снова возвращаются к основной массе комариков, потому что комарики эти в воздухе стараются держаться вместе. Видно, характер у них не изменился, хоть и превратились они из грибных червей в грибных комаров. Летают, дерутся, меряют силы. Мошкара — называют их.

...Жук вылез из дырочки и осмотрелся. Первый раз в жизни он увидел небо, траву, деревья. Первый раз в жизни он вдохнул

в себя свежий лесной воздух. Первый раз в жизни он почувствовал, что хочет есть. Жук небольшой. Спина у него черная, брюшко коричневое. Голова маленькая, с усиками. Жуку предстоит большая, длинная жизнь. Он найдет себе «жучиху», будет грызть с ней дырки в коре деревьев, потом ходы под корой. Заведет детей: маленьких червят, которые тоже, как и он, начнут прогрызать ходы... Все это будет, обязательно будет, если вот только его вдруг не уничтожат. Потому что он и есть тот самый злостный вредитель деревьев, которого зовут — короед.

...Выглянула из спального мешка и расправила крылья галлица. Галлица — это что-то между мухой и комаром, в общем — мушка. Галлицами называют таких мушек потому, что от их личинок мякоть листа разрастается и образует вырост — галл. Но наша галлица галлов не образует. Наша галлица — это галлица-ракитница. Она просто не дает распускаться молодым листочкам ракиты...

Итак, червячок превратился в галлицу. Галлица постучала по стенке черного, почти уже истлевшего домика, и образовалось окошко. Окошко в мир.

Расстояние в двадцать сантиметров трехмиллиметровому малинному жуку кажется километрами. Если бы жук мог, он бы наверняка ругал себя, что, когда был червяком, так глубоко зарылся в землю. Правда, если бы жук умел думать, он бы, вероятно, понял, что иначе его затопили бы дожди либо выбросила на поверхность лопата.

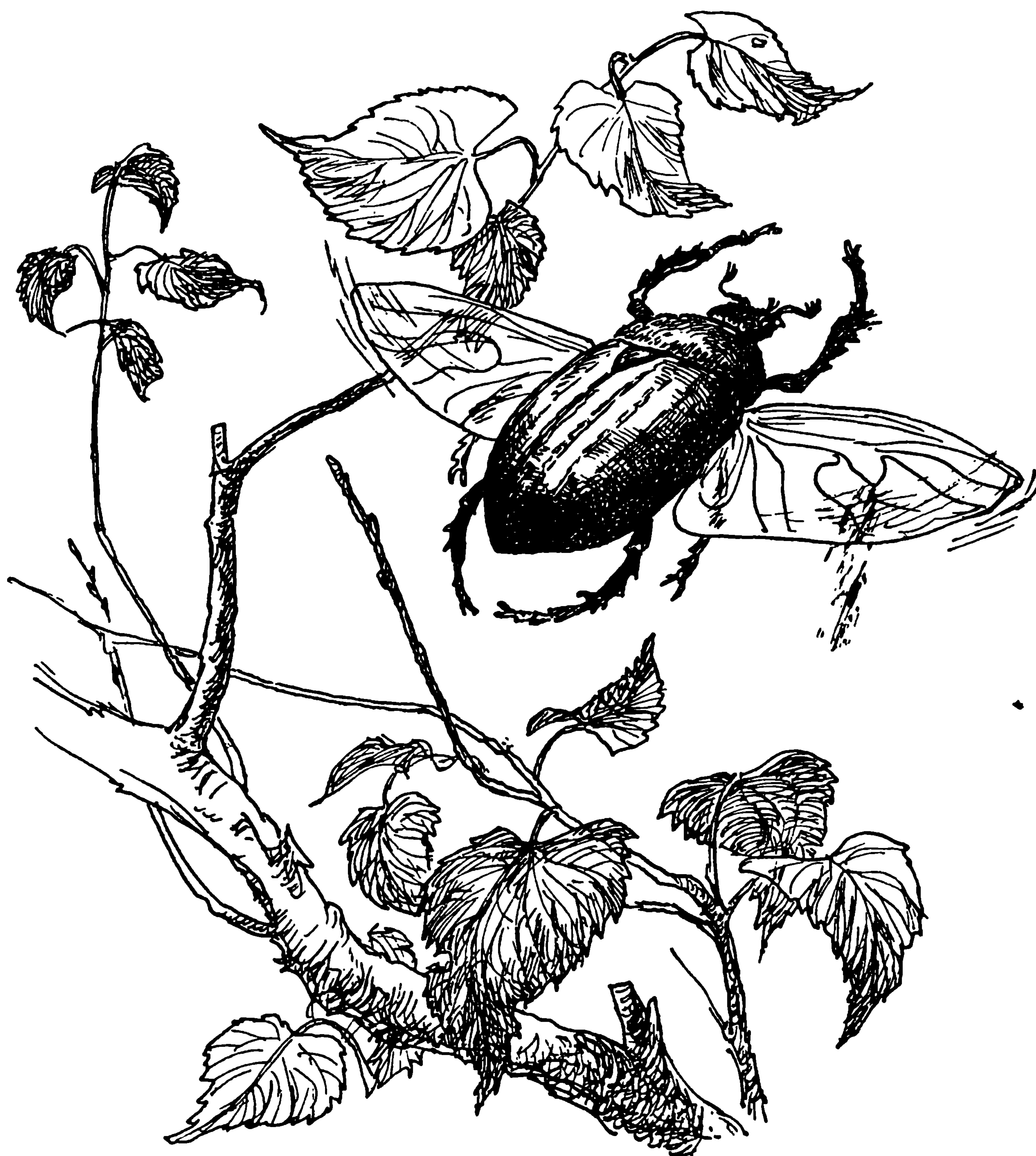
Жук не умеет думать. Всеми шестью лапками он разгребает землю. Упрямо и настойчиво продвигается вверх, к свету, солнцу, пространству.

...Муравей тащит муравья. Тот, который тащит,— черный с бурым отливом. Тот, которого тащат,— белый. Вы скажете: белых муравьев не бывает. Красные бывают муравьи, черные, рыжие, желтые, а белых не бывает. Оказывается, бывают. Эти муравьи абсолютно неподвижны. Они похожи на восковые мумии. Только вот мумии никогда не могут ожить, а белые муравьи оживают. Оживают постепенно. Словно в них вливают жизнь по капелькам. Сначала они становятся желтоватыми, потом коричневыми и, наконец, черными. Такими же черными, как те муравьи, которые их сейчас носят. И которые прежде носили червяков.

Червяк № 1 превратился в мотыля, червяк № 2 — в грибного комарика, червяк № 3 — в короеда, № 4 — в галлицу, № 5 — в малинного жука, № 6 — в муравья. Только червяк № 7 ни в кого не превратился. Он так и остался червяком. Он продолжает рыть землю. Он приносит пользу: за год черви с одного гектара «обрабатывают» пятьдесят тонн земли. Возможно, именно поэтому он такой довольный и выглядит так солидно. У него уже

есть и потомство. Маленькие червята. Со временем червята подрастут, но и они никогда ни в кого не превратятся. Потому что червяк № 7 и есть настоящий червяк, а все остальные шесть червей вовсе не черви. Это личинки. Личинки насекомых. У них обязательно вырастут ножки и крылья. И они будут карабкаться по деревьям, летать, звенеть в воздухе.

ДВЕ УЛИТКИ*

Есть улитки, которые живут на деревьях. Ползет такая улитка по дереву, по зеленому листу, по ветке; голову высоко подняла, два рога торчат вверх, а два поменьше — вниз. Нижними она ощупывает, а верхними смотрит. (На конце этих рогов глаза.)

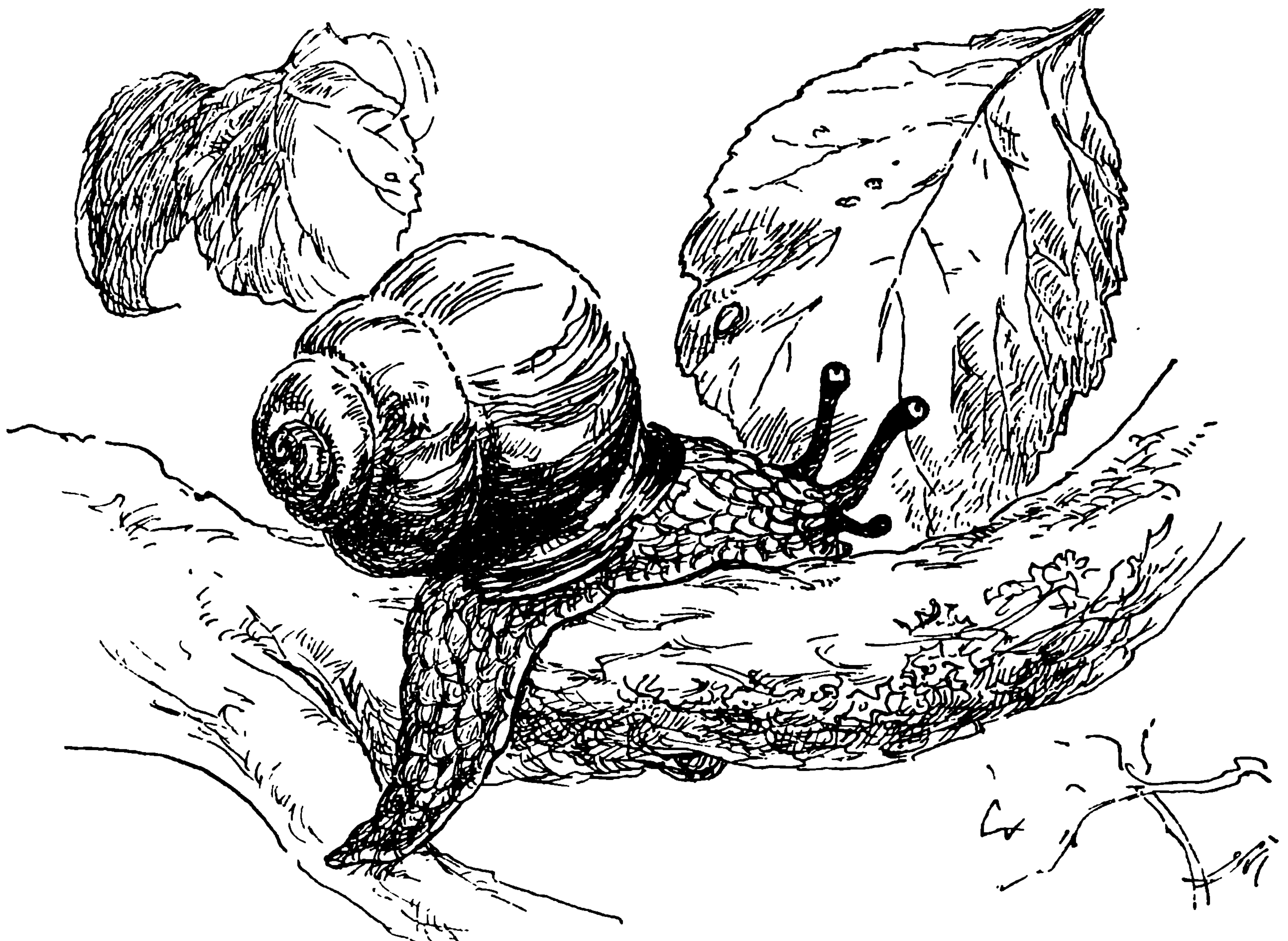
Ползет, говорите? Ну нет — плывет. Гордо задрав голову, медленно, важно, выставив вперед ногу,— плывет.

Вот это походка! Вот это стать!

Ту улитку, что так свободно и красиво на дереве жила, я встретила на Кавказе.

А у нас под Москвой мне повстречалась другая. Жила она в заросшем пруду. Рядом с тем прудом дома выросли — шестиэтажные и восьмиэтажные. Люди из тех домов ходят мимо пруда и в пруд всякую всячину кидают. Окурки, очистки, отбросы. Все тут есть. И среди всего этого улитки живут. Ползают по дну. И так же гордо, задрав голову и вытянув вверх рога,— «плывут». Ощупывают все, что попадается по дороге.

* © Н. Романова, текст, 1990

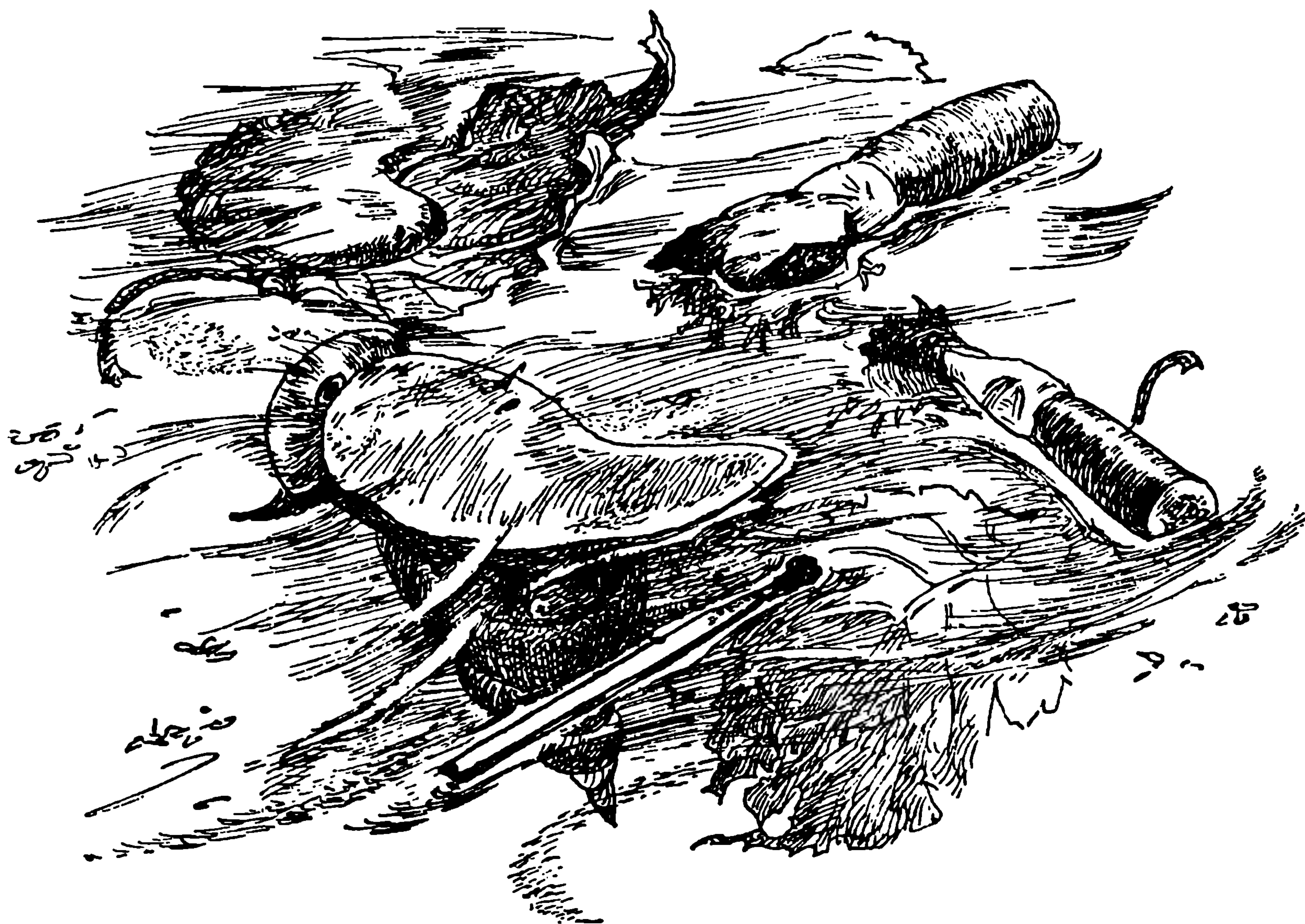

А по дороге все что хочешь попадается. То попадается, что человек совсем в другое место должен бросить. А по глупости сюда бросил.

Медленно движется улитка по окурку, по апельсиновой корке, по обрывку газеты. И все рогами осматривает, потому что и у нее на рогах глаза. И раз уж лежит тут — надо изучить, что это: друг или враг?

Те улитки, что на суше живут, дышат легкими, а те, что в воде — жабрами. Но не все. Наша улитка время от времени из воды высовывается и воздух заглатывает. Она хоть в пруду живет, а тоже дышит легкими. Видно, предки ее в воду вернулись: тянуло их в родную стихию.

Человека ведь тогда еще не было. А уж окурков да газет — и подавно. Так что в воде очень хорошо было жить.

ВО ДВОРЕ*

Во дворе ходит птица. Она не похожа на тех, что прыгают рядом. Те прыгают, а она ходит. А рядом вот кто: голуби и воробьи.

У голубей головка маленькая, тело как будто вылеплено из глины — словно голубь не птица, а статуэтка.

Ну а воробьи — те только и знают что прыгают. Скок, скок, прыг, прыг возле голубей. Вроде бы и не воруют у них, вроде бы и не прихлебатели, а просто рост подвел. А так бы воробей — серьезная была птица. Деловая.

Но та птица, о которой я начала рассказ, совсем на них не похожа.

Она будто ученый среди них, обыкновенных птиц. Голова большая, клюв вытянут, значительный клюв. Посмотришь, и сразу видно: умная птица. И ходит эта птица среди голубей да воробьев так, будто знает, что совсем не такая она, как они. А тут, среди них, оказалась случайно.

И голуби, видно, это тоже понимают. Выстроились за чужеродной птицей гуськом и прыгают за ней — любопытство их одолевает.

Но не до них этой птице. Уж что с этой птицей, не знаю, а только летать, по-моему, она не очень-то способна. То ли крыло у нее подбито, то ли в каких-то особых условиях выросла. Может, действительно ученая? Может, у человека жила, по-человечьи говорить умеет, поэтому и ходит с умным видом?

Вот птица поближе к дому направилась, голуби да воробьи за ней цепочкой — словно ее шлейф несут. Серая ворона этому не противится.

Но тут голуби да воробьи вспорхнули — и нет их. Дело в том, что из подвала появилась кошка. Вышла вроде бы посмотреть, что тут делается. А на самом деле давно знает, что здесь происходит. На морде это у нее написано. Морда у кошки круглая, хитрая, кошка глаза жмурит. Будто и не торопится. Будто птице фору дает, поскольку та, видно, не совсем в норме. И вот

---

* © Н. Романова, текст, 1990

это обстоятельство больше всего кошку забавляет: что, мол, делать, серая ворона, будешь, давай посмотрим?

И кошка тихо с лапки на лапку переступает, крадется.

Птица все, конечно же, понимает: свое положение и удовольствие кошачье. И опасность, и безвыходность, но и сила птичья, достоинство — в ней сидят.

Взмахнула крыльями раз, другой, с усилием, тяжело... без птичьей легкости в полете. А все-таки она уже не рядом с кошкой. Все же на дороге оказалась. Где люди ходят. И я стою. Люди сочувствуют: видно, больная серая ворона.

Кошка красться перестала, посмотрела снисходительно: что, мол, так и есть — не летун ты. Отвернулась и пошла к подвалу, словно желая показать, что не нужна ей вовсе наша птичка, а так просто, припугнуть ее хотела да выяснить, кто это появился у них во дворе?

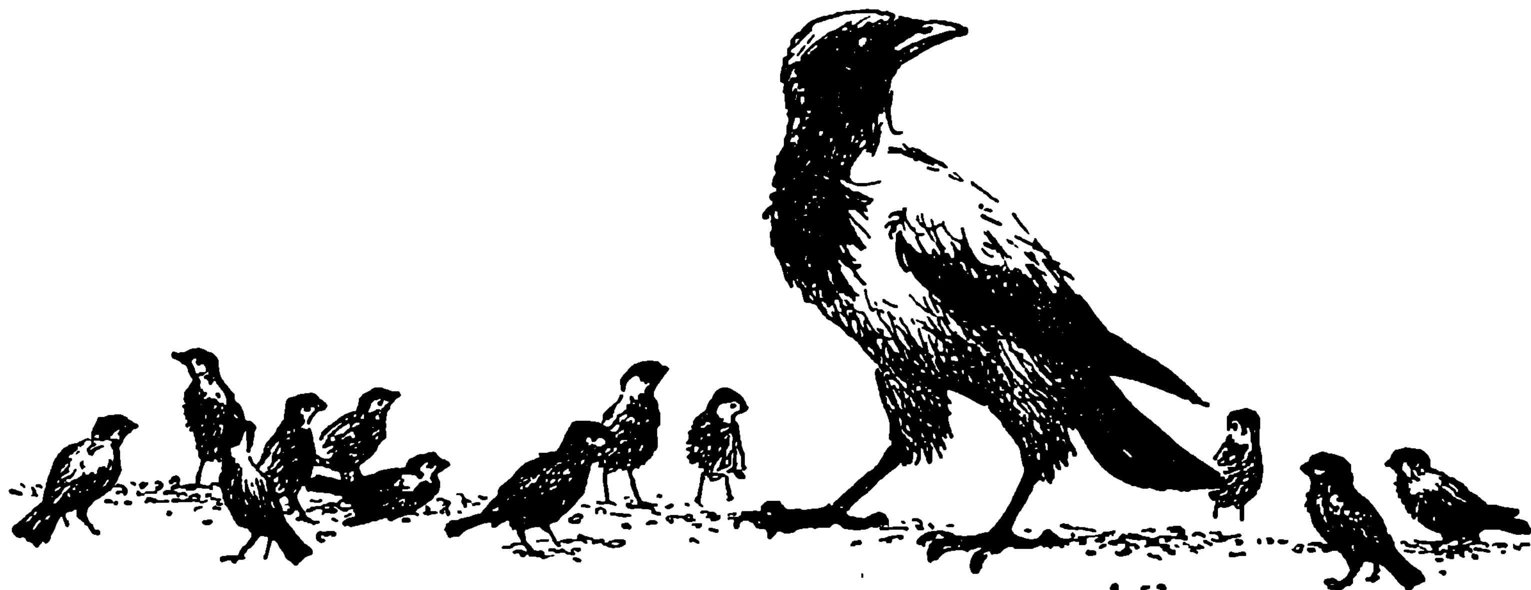
Но серая ворона испугана. И уже на земле находиться не хочет больше. Еще несколько взмахов, таких же тяжелых, таких же трудных,— и птица исчезла. То ли на балкон села, то ли еще где спряталась.

Долго я ждала, что птица снова появится. Но не дождалась.

А дома рассказала, как во дворе больная ворона, спасаясь от кошки, на дорогу вышла — под защиту людей. Конечно же, мне не поверили. Да и сама я стала сомневаться. Мало ли что привидится при желании.

Однако вот что я прочитала в книге: «Вороновых считают венцом эволюции птиц. Серые вороны благодаря своему высокому интеллекту умеют, используя свой личный опыт, правильно ориентироваться в сложнейших ситуациях».

Значит, можно верить глазам своим.

ПЕВЕЦ*

Я давно слышала о нем. Вернее, я даже знала его. И так как он был первой и единственной птичкой в моей жизни, то и произвел на меня сильное впечатление. Мне казалось, что это желтенькое тельце, эти умные глаза, эта трогательная головка маленькие по недоразумению. И птичкой называется тоже по какому-то непонятному стечению обстоятельств. А на самом деле это что-то удивительно разумное.

Звали его Ванечка.

Он смотрел, чуть наклонив головку, словно стараясь показать: «Я вас слушаю», «Я вас понимаю», «Ах вот, что вы хотите мне сказать».

Потом его увезли, и до меня доходили только рассказы о нем. Я верила рассказам, но как-то спокойно относилась, скажем, к тому, что желтенький кенар садится перед телевизором и поет в такт любой музыки. Мне даже рассказывали, как он при этом вертит головкой и подпрыгивает, словно танцует.

И вот я снова увидела его. Я у него в гостях.

Его хозяина зовут так же, как и Ванечку,— Иван. Иван Федорович Ремизов инвалид Отечественной войны. Он живет один и с помощью костыля очень медленно передвигается по квартире.

Иван Федорович идет в кухню, и в комнате остаются две птички: желтенький кенар Ванечка и еще одна — серо-зеленая. Это самка. Она сидит в клетке, в гнезде, на четырех яичках и переворачивает их ногами.

У нее испуганные глаза — она боится меня: Иван Федорович, который сшил ей гнездо из своего шерстяного носка, вышел, а я, незнакомая, осталась рядом.

Ванечка занял место у входа в клетку и посматривает в мою сторону.

«Вот мы и свиделись, наконец,— думаю я.— Желтенький, разумный».

И «желтенький, разумный» смотрит, чуть склонив голову, боковым взглядом.

---

* © Н. Романова, текст, 1990

Иван Федорович возвращается, включает телевизор.

— Спой, спой,— говорит Иван Федорович.

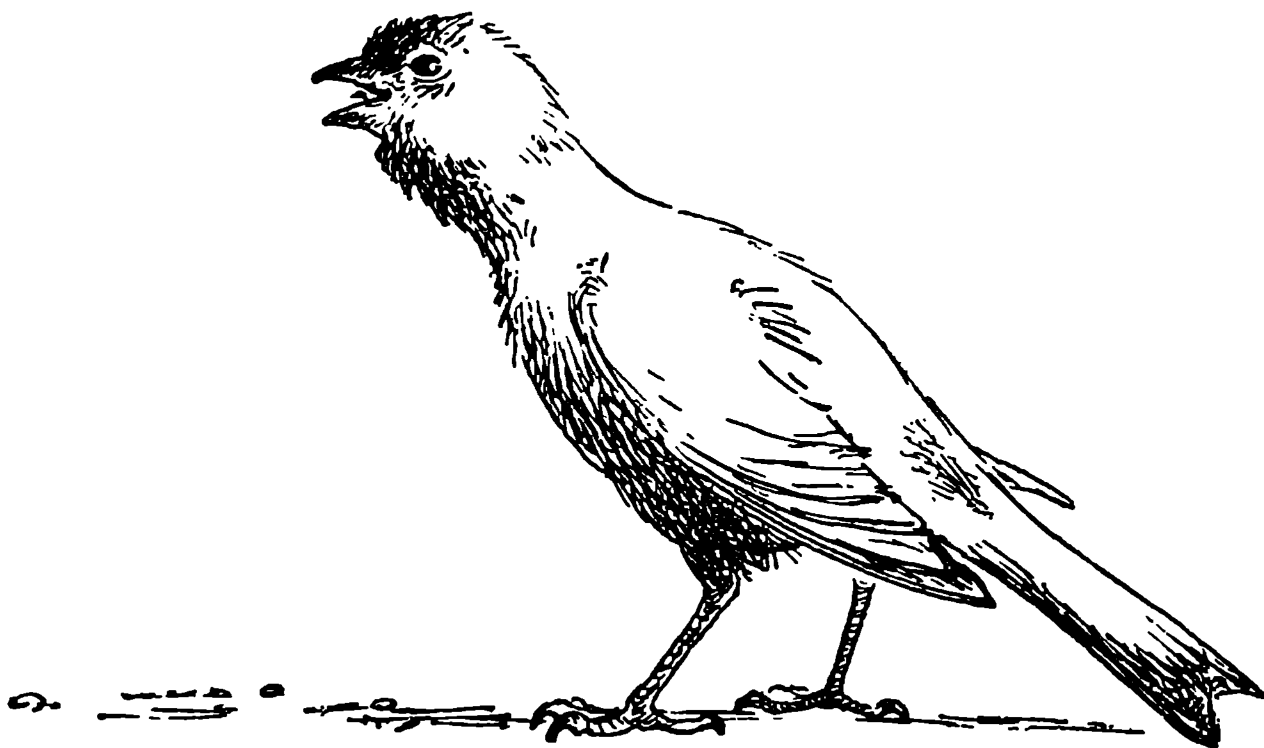
Птичка летит к телевизору. Но по телевизору говорят. Музыки нет. Птичка садится на стол возле телевизора и, вцепившись в край стола, прямо глядя на меня, начинает петь.

Поет громко, песню за песней, не отрывая от меня взгляда, повернувшись только ко мне.

Одна песня, вторая, третья — певец выступает. Длинные ножки вытянуты, нельзя сказать, что птичка сидит, она стоит. Ванечка стоит. Певец поет, певец дает концерт, и в этом «зале» мы с ним вдвоем. Он, маленький, желтенький, поет так искусно. Я слушаю его с таким уважением, почтительно смотрю на него, так внемлю...

И вот заиграла музыка. Классическая музыка, серьезная музыка. Ванечка остановился, прислушался... Он даже немножко съежился. И запел — тихо, чуть слышно. Вдохновенно раскачиваясь, он тактично вставлял свои трели в музыку телевизора, образовывая нечто целое с ней. Он импровизировал на ходу. Его музыка рождалась тут же, одновременно с услышанной, и сливалась с ней, и он весь сливался с музыкой. Вытянувшись до предела, словно струна,— он пел.

Маленький певец. Достойный певец. Двадцатого века певец. Потому что, когда же еще певцу мог аккомпанировать телевизор.

СЕРАЯ МЫШКА*

Я сижу в кухне. Живу я на первом этаже. И вдруг слышу: скребется. Настораживаюсь. И что вы думаете? Разгуливает. Мышь разгуливает. Мелькнул хвост в одном месте, потом правее, еще правее. Толстая, серая, хвост длинный, но самое главное — уши. Большие, глубокие, какие-то даже изысканные, во все стороны вращаются. Но это все я потом рассмотрела, когда уже уговорила себя, что ничего страшного в мышке, в серой маленькой мышке, нет. Что она меня боится. Кстати, это была неправда: мышь меня совершенно не боялась. Мне даже казалось, что она вышла от скуки. Захотелось пообщаться.

А мышь выбежала к умывальнику, села и смотрит на меня.

В это время, как я думала, к счастью, позвонил телефон, и я вышла. Стою, значит, в коридоре, разговариваю, рассказываю про мышку и про то, как я ее боюсь. Слушаю в ответ, что бояться мышки глупо, что ничего она сделать не может и т. д.

Смело захожу опять в кухню, а мышь — в банке, которую я поставила на пол, выбросить собиралась. Сидит мышь в банке и слизывает остатки томата.

— Ну, сестрица,— говорю я ей,— марш! — И начинаю топать на нее и бить по столу рукой.

Мышь из банки выскочила и по ободку бегает.

Я подумала, зачем я ее из банки выгоняла? Ее бы накрыть крышкой и выбросить.

Но, увы, мышь послушная. Сразу поняла, что в банку спускаться нельзя — поэтому, мол, я и сержусь,— зато по ободку бегать можно.

Мышь села на ободок, голову и лапки вниз спустила, лапками томатный сок загребает и подносит ко рту. Сидит на двух задних лапках, а передними — ест.

Ушами шевелит. Хвост с банки свесила. И очень довольна. Я на нее смотрю и то ли уговорила себя, что совсем не страшная эта мышка, что, напротив, понаблюдать я за ней должна, а вовсе не бояться (когда еще такой случай выпадет), то ли потому, что мышка была какая-то уж очень безобидная и всем видом пока-

* © Н. Романова, текст, 1990

зывала, что зла она мне не желает. И вообще, разве плохо вот так вдруг взять да и познакомиться? Но только неожиданно для себя самой я успокоилась и запросто сижу и наблюдаю. И мышка тоже сидит на банке и с лапок сок томатный слизывает. Губками трусит точь-в-точь как зайчик или хомячок. Недаром они с хомячками ближайшие родственники.

Тут я вспомнила, как один музыкант рассказывал: только он начинал играть на рояле, являлась мышка, садилась в центре комнаты и слушала. И что вы думаете? Музыкант так привык к мышке, что потом уже ждал, когда она появится.

Говорят, кошки сами приручили к себе человека. Может, и мышки хотят того же?

В МОСКОВСКОМ ЗООПАРКЕ*

Была я в зоопарке. Там, в зоопарке, в воде живет морж. Большой и усатый. Клыков у моржа нет — спилили. От этого голова у него не похожа на моржовую. А похожа она на голову огромного червя или пиявки, в общем, какая-то бесформенная.

Плавает морж то на боку, то на спине, переворачивается перед публикой, голову высунет, зарычит, потом навзничь упадет и снова плывет.

Народ смотрит: в бассейне неглубоко, все видно.

Сбоку подошел человек. Звук какой-то издал. Морж к нему поплыл. Доплыв до него, начал вылезать к решетке, встал на передние ласты, словно на руки, и вылез из воды. Большой, толстый, над водой возвышается на полметра. Рот открыл и тянется к булке, которую тот человек, что позвал его, протягивает. Дотянулся, мягко губами взял булку, оскалился радостно во весь рот, глазами улыбнулся — ну человек! Какой там червяк или пиявка. Человеческое осмысленное лицо. Запрокинул голову назад и — в воду, на спине поплыл.

А человек опять подзывает его звуками, и морж снова к

---

* © Н. Романова, текст, 1990

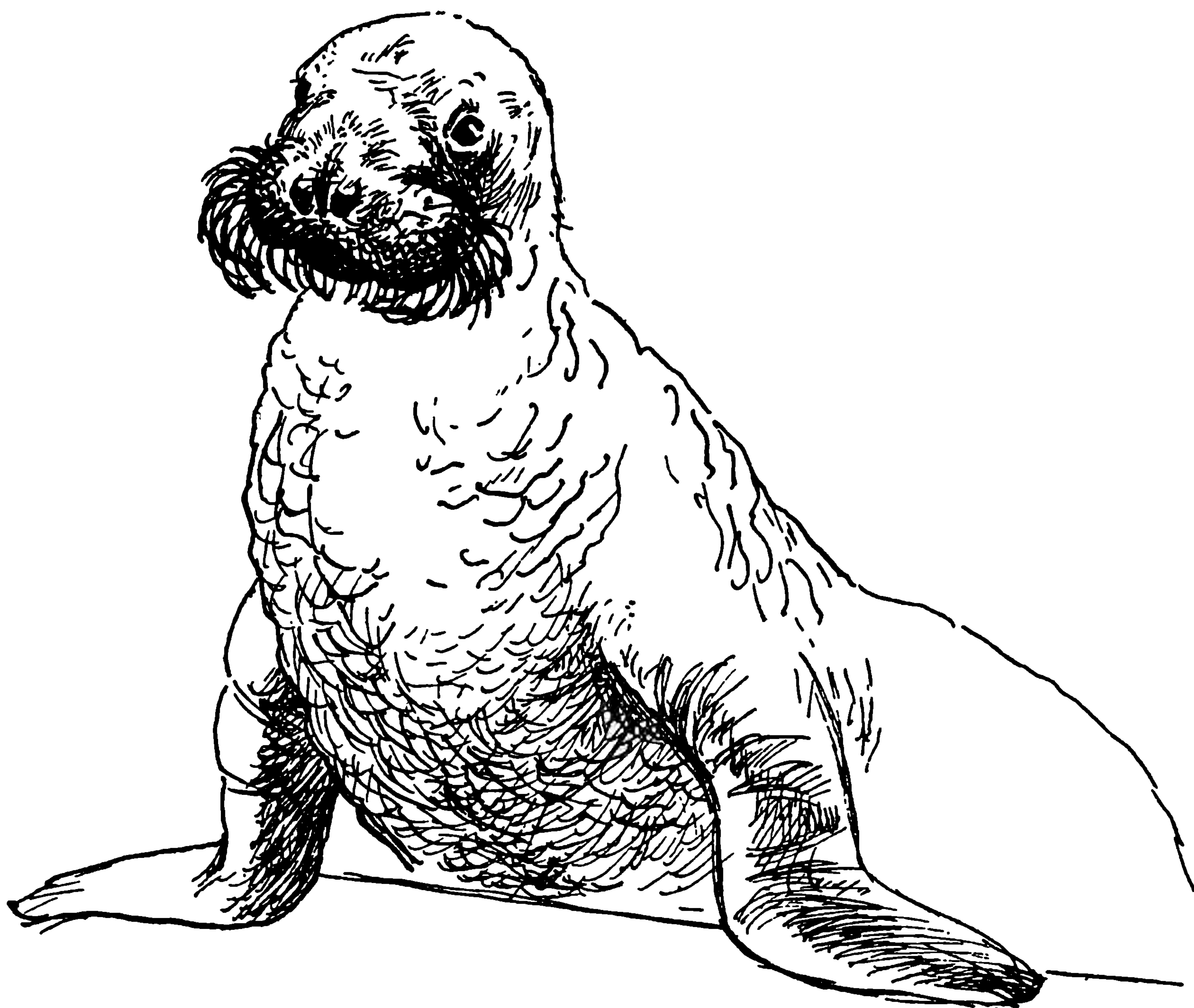
решетке плывет, снова на ласты опирается, тело из воды высовывает и тянется к хлебу. Потом опять смеется — и навзничь, и плавает.

Пять или шесть раз морж на берег вылезал. А последний раз никак дотянуться до хлеба не мог, так он не на согнутые ласты встал, а вытянулся — и на самые «пальцы»...

Я отошла — все же трудно смотреть на такое: морж — в воде плавает, а вылезает — человек. И с человеком разговаривает. На своем языке, звуками...

Толпа, что у решетки стоит, на человека с восторгом смотрит: подумать только, с моржом объясняется. А уж человек тот счастлив! Как ребенок, сияет и толпе что-то руками о морже рассказывает.

Немой он.

ДАФНИИ, ЛЮБОВЬ И ФАНТАЗИЯ*

Стеклянная перегородка отделяет в аквариуме узкое пространство — кормушку. В перегородке вырезано отверстие. В нем неподвижно застыла небольшая серая рыбка — гуппи. Она преграждает путь в кормушку другим гуппи: двум самкам, таким же серым и бесцветным, как и она, но чуть меньшей величины, и двум самцам, совсем крохотным в сравнении с самками, но ярко окрашенным в черные, красные и желтые тона.

Я насыпаю в кормушку сушеных дафний. Самка, охраняющая вход, стремительно бросается внутрь кормушки, хватает несколько дафний и тут же возвращается обратно. Хвостом, головой отбивает она атаки остальных гуппи. Резкими движениями отбрасывает их от входа в кормушку. А сама плывет снова к дафниям.

От дафний — к отверстию, от отверстия — к дафниям. Десять, двадцать, тридцать раз. Но вот наконец самая большая самка наелась. Тогда она пускает в кормушку вторую самку, среднюю по величине, а через некоторое время и третью.

Все самки сыты. Самцов в кормушку пропускают последними — сразу двух. Итак, путь в кормушку свободен для всех. Но это ненадолго. Как только большая самка проголодается, она вновь выгонит из кормушки всех гуппи и займет пост у ее входа.

Такую картину я наблюдаю каждый день, с тех пор как отгородила в аквариуме кормушку. Но сегодня... Сегодня я решила уменьшить отверстие в перегородке кормушки. Сделать его такой величины, чтобы в кормушку могли попасть только самцы. Самцы у гуппи раза в три меньше самок.

Я вынимаю из аквариума перегородку и вставляю новую. Интересно, что будут делать самки? Что теперь будет делать самая большая самка? Может быть, она по-прежнему не будет пропускать самцов в кормушку?

Наступает время кормежки. Я опять насыпаю дафний. Три самки одновременно подплывают к отверстию. Отверстие мало.

---

* © Н. Романова, текст, 1990

Судорожно они тычутся в стекло: ищут другой вход. А оба самца в это время спокойно проплывают в кормушку.

Самая большая самка бесится больше всех. Подумать только, самцы, такие слабые и крохотные, едят, а она, большая и сильная, лишь смотрит на них.

Наевшись, один из самцов выплывает из кормушки. Проплыв немножко, он открывает рот, и вверх медленно всплывает дафния. Одна крохотная сушеная дафния! Ее тут же проглатывает большая самка. Я жду, когда выплывет второй самец. Выплыл. Открывает рот. Я не верю своим глазам: кверху всплывает дафния. Вот это мужчины! Вот это благородство! Неужели они таким способом будут кормить самок?

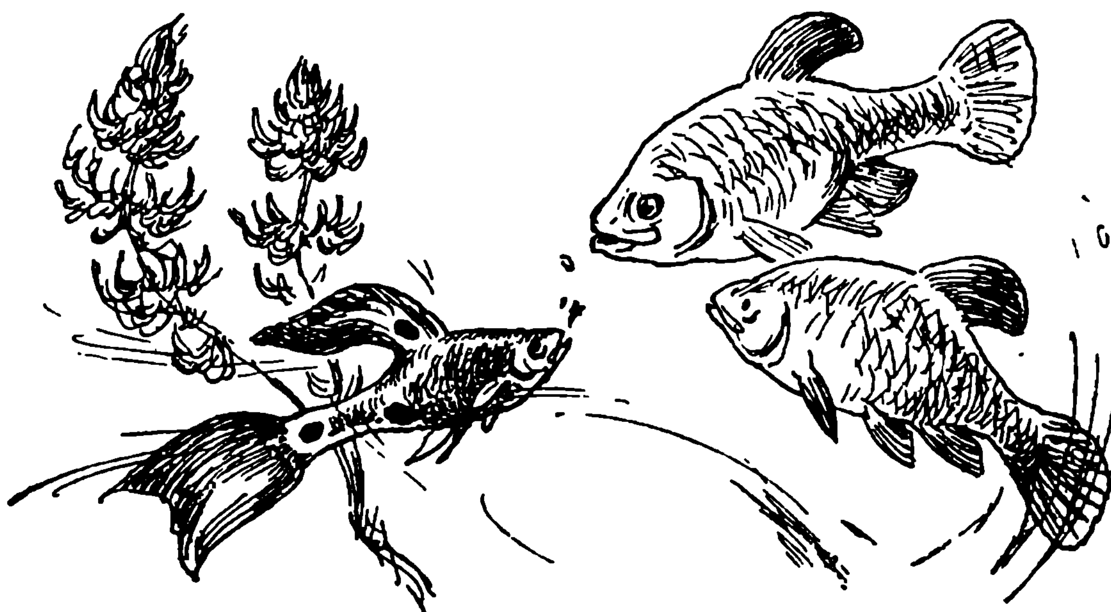
Я продолжаю следить. Самцы вплывают в кормушку и выплывают обратно. Но дафний больше самкам не приносят. Я слежу. Проходит час, другой. Я слежу. Нет, самцы не кормят самок.

Значит, это было случайностью. Очевидно, оказавшись неожиданно обладателями большого количества дафний, они не рассчитали своих сил, просто переели.

А самки обезумели, они бьют самцов, кусают им хвосты. Пора снимать перегородку, а то как бы они совсем не загрызли самцов, ведь едят же самки гуппи собственных детенышей.

Я вынимаю перегородку. И дафнии медленно расплываются по поверхности аквариума. Самки набрасываются на них, заглатывают сразу по две, по три, давятся, выплевывают... и вот уже успокоились. Медленно плавают они по аквариуму; лениво и грациозно отмахиваются от подплывающих к ним самцов.

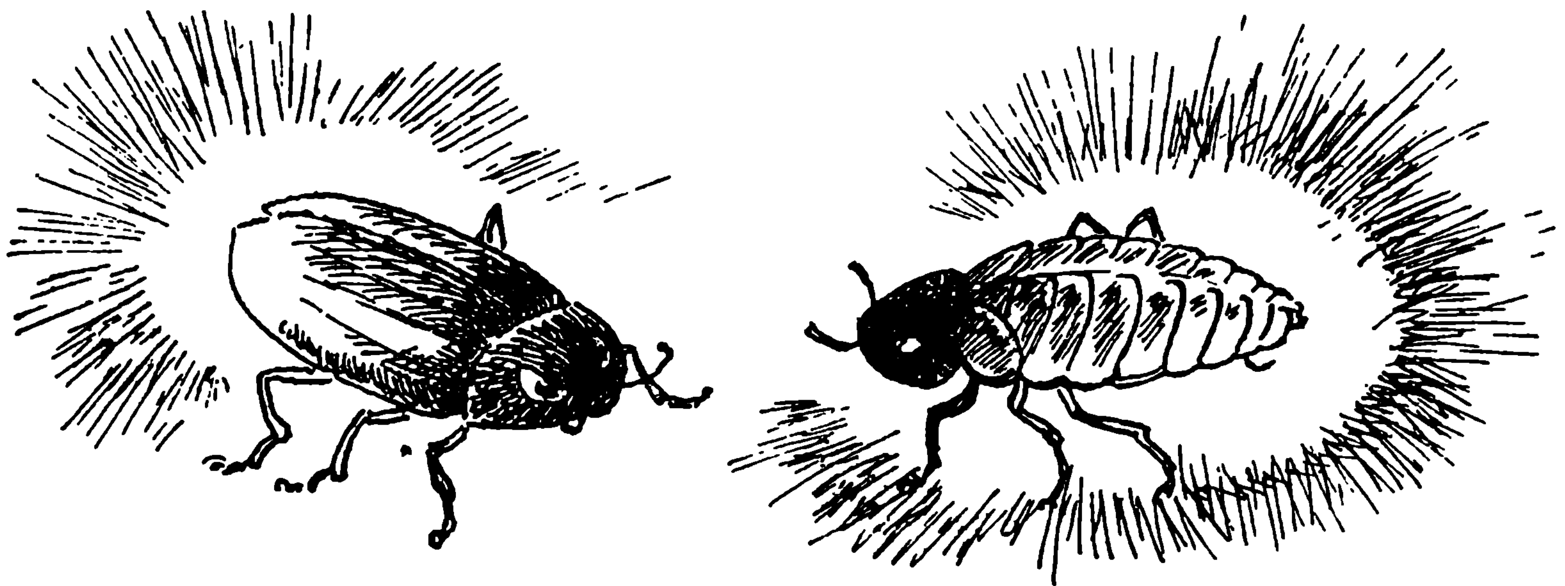
Я смотрю на них, и мне не верится, что эти же самые гуппи только что готовы были разорвать друг друга из-за «куска» дафнии.

КТО ЕСТЬ КТО*

Говорят, животное — это машина. Разума нет, одни рефлексы. И рефлексы эти всем управляют. Едят ли животные, любят ли, общаются друг с другом. Все это — только рефлексы.

Поймала я жука-светлячка. Вечером это было. Летал жук. А вокруг него голубой свет вспыхивал. Это жук сигналы подавал. Самка должна ему отвечать тоже голубым сигналом. И сигнал ее должен быть ровно через две секунды после сигнала самца. Тогда самец знает — самка это. И летит к ней.

Жук в стакане — лететь некуда. Стакан сверху бумагой закрыт. В бумаге дырки. Чтобы воздух шел. Кислород нужен для дыхания, для жизни и для свечения. Не будет кислорода — не произойдет биохимической реакции, и не зажжется голубой фонарик внутри светлячка.

Проснулась я ночью. Свет от маяка темноту прорезает. Ритмично, спокойно подает сигналы маяк. А жук кричит о спасении. Его позывные беспорядочны. Зажжется и не гаснет. Долго, долго. Потом мигать начнет, потом словно огонь из пасти выбрасывает. Потом замолкнет безнадежно. И опять с новыми силами летает по стакану, и в стакане — будто фейерверк.

Но нет спасения. Никто не понимает сигналов жука. Нет

* © Н. Романова, текст, 1990

вокруг светлячков. А я? Что я? Наблюдаю. Профессия у меня такая — наблюдать.

Взяла я стакан с жуком и поднесла к стене, к тому месту, куда от маяка свет падал (рассмотреть жука получше хотела). Мерно зажигается и освещает стену маяк, согласно заложенной в него программе. Раз, раз, перерыв и опять: раз, раз.

И вдруг мой жук точь-в-точь как маяк начал светить. Раз, раз, перерыв; раз, раз.

Жук настроился на ритм маяка. Неужели надеялся, что маяк поймет его?!

...Только ведь не поймет маяк: машина-то из них — он.

Я открыла стакан и выпустила светлячка.

ДАЙТЕ КОШКЕ СЛОВО*

Повесть

ВСТУПЛЕНИЕ

Смотрю я на своего кота и думаю: удастся ли мне написать то, что я хочу, что задумала написать, потому что это вовсе не о коте я буду писать, а о том, что сидит внутри нас, сидит как гвоздь, как заноза — и вытаскивать жутко и оставлять опасно. Это я о том, что мы чувствуем, знаем — вроде оно так, как мы чувствуем, как говорим друг другу, но при этом сами же усмехаемся, ожидая усмешки слушателей. Это я все о том, о чем иногда страшно и подумать, если подумать всерьез. И даже не с научной точки зрения (хотя и с научной получается то же самое), а так, по-житейски представить себе, что животные, нас окружающие, вовсе не так уж глупы, как мы предполагали. И что ум их в той степени, в которой нужен им, даже можно сказать, совершенен. И что чувствуют они подчас так много, так разнообразно и так сильно, что человек, если он все это поймет наконец и поверит в это,— что же он будет делать тогда? Ведь человек — это Человек, и от всех он отличается тем, что способен себя обуздать, и поправить, и решить, и выполнить.

Так, может быть, не стоит лезть в эти тайны природы? Не все, может быть, надо знать человеку? Любопытство и погубить может. Психика может не выдержать. Но катится мысль человеческая, натыкается, отступает и опять катится. И вот вплотную встала перед проблемой познания животного: кто оно, что оно, отчего оно?.. Страшно и увлекательно, жутко и прогрессивно!

---

* © Н. Романова, текст, 1990

Глава первая

УГОЛ, ПОД КОТОРЫМ НАДО СМОТРЕТЬ

Вроде бы о котах писали. Да я и сама писала. Была у меня кошка Утя, умерла. О ней и повесть написана. Только она не так, не под тем углом написана. Но какой же еще угол может быть, если не тот, что живешь ты рядом с котом, и входит он в твою жизнь, и совершает всякие удивительные поступки, и ты описываешь все это. И удивляешься.

А «угол» вот какой: кот, что с тобой живет и тебя любит, вовсе не что-то иное от того мира животных, что в лесах и в пустынях. Он такой же — на четырех ногах ходит, и шерстью покрыт, и ест сырое мясо, и в глаза смотрит, и не поймешь его, о чем он думает и думает ли вообще.

Там, в лесах и пустынях, ходят тигры и леопарды, пумы и пантеры. И все они так же тихо ступают на лапы, и так же сворачиваются в клубочек, и так же прыгают, хватая жертву, и так же играют со своими детьми, и так же любят, и то же самое чувствуют.

Вот этот «угол», под которым надо смотреть на кота, который пришел к тебе, на твой диван, к твоему столу и объявил: ты моя семья, тебя буду любить, тебе буду подчиняться, от тебя буду зависеть.

И все свои качества на то употребил, ибо зависеть от человека — это не менее опасно, чем оставаться в лесу, где у тебя много врагов и потому надо быть сильным, хитрым и ловким.

А с человеком что надо, чтобы жить? Сила? Нет, не нужна она совсем. Ловкость? И это не так уж нужно. Возможно, хитрость? В какой-то степени, в той самой степени, чтобы быть к человеку поближе, чтобы вроде быть как человек — то же самое чувствовать и понимать и так же любить.

Только если этого нет, то откуда это взять? Значит, она есть, эта способность к любви и пониманию, значит, она и в тех есть, что в лесах и в пустынях. Только там другие семьи, не человеческие, и в тех семьях по-другому эта любовь и понимание трансформируются.

Значит, если ты своего кота изучишь, поймешь, на что он способен, где граница понимания проходит, то эта же граница и у тех есть, что в лесах и пустынях.

Вот тот «угол», под которым смотреть надо. И если ты к коту не просто будешь относиться как к чему-то тебе чуждому, а относиться будешь как к родному, как к существу такому же, как и ты, но просто на четырех ногах ходящему и по-человечески не разговаривающему, но изо всех сил старающемуся тебя понять, вот если так ты будешь к нему относиться, то, возможно, доступна тебе вдруг станет его душа, его помыслы, его желания, и понимать ты его вдруг начнешь, как самого себя и близкого тебе, рядом живущего человека, и все тебе про него станет ясно, и каждое его движение станет тебе понятно, ибо оно направлено на тебя, на то, чтобы ты его понял, ибо ты его друг, ты его семья, ты тот, на которого направлено все его существо. И не сможешь ты тогда его не понять, также как не могут не понимать друг друга те, что живут вместе в лесах и пустынях.

Вот тот «угол», под которым я предлагаю смотреть.

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ВСЕ

Котенок был совсем маленький, когда его принесли, почти слепой. Я положила его себе под подбородок, он пригрелся и заснул. Живое тепло проникало внутрь моего тела, я приобрела нечто вроде грелки, игрушки... Я хотела котенка, то есть, конечно, я бы не взяла никакого котенка, если бы мне его предложили, но мне принесли его, у меня не спросясь.

Кот был нужен и совсем не нужен. Кот был нужен: я брала кота, прижимала его к себе, ходила с ним по комнате, раскачивая и напевая ему песенки. Он лежал у меня на локте, и я смотрела на его ушки, на его головку, на его прикрытые глазки с ресничками. Говорят, когда на севере у чукчей умирает ребенок, матери приносят волчонка, и он сосет грудь. (Молока у меня давно уже не было. Да его и вообще не было. Молоко для моего сына покупали у других матерей...)

Он был и не нужен, этот кот. Зачем? Ничего было не нужно. Жизнь была не нужна.

Я так страдала тогда, так уставала от своих дум, что часто отбрасывала от себя кота, переставала смотреть на него, чтобы только не думать, не страдать.

Человек и кот — в этом ничего сравнимого нет. Это я вам сразу говорю, чтобы сразу все точки поставить над i, чтобы не думали вы, что хоть как-то я кота до человека возвожу. Человек для человека — это человек, а кот для человека — это кот. Так должно быть, так естественно. Но должны мы знать, что же из себя кот представляет. Да и другие животные. Вот почему я и пишу. А раз всерьез пишу, то и жертвовать чем-то приходится. Хотя бы тем, что писать себя заставляю — всё.

...Детство, особенно младенчество, когда все растет и каждую секунду меняется, и то, от чего еще вчера умереть возможно было, сегодня бесследно проходит, представляется мне чем-то самим по себе в жизни идущим. Тут, может быть, не надо особенно и вмешиваться. Теперь я и не вмешивалась. Оттого, может быть, не вмешивалась, что доказать себе хотела (потому что мучаемся мы своими ошибками), что в таком возрасте живое надо оберегать, а вмешиваться, если не знаешь как, не надо. Лучше подождать — само пройдет. Само перерастет. Многие врачи так и считают. Только где эти врачи были, когда они моему ребенку были нужны? Наверное, возле других детей сидели, оттого те дети и живы.

С какой-то ненавистью я смотрела на кота. Ничего — выживешь, ты-то выживешь. Тебе ничего делать не будут, потому что ты — кот. А если и скажет кто: «Надо бы врачу показать», то можно и не обратить внимания на это. Кот ты. Так и есть — никому не показывали, ничем не лечили. И прошло. Само. Переросло. И то, что не ел ничего иногда сутками или больше,— ничего не случилось. И то, что, погуляв на балконе, чихать начинал — и это прошло. Просто трудно ему было без мамы (без его мамы), маленький он был, сил нет, живот болит, шерсть слиплась, а вылизать некому. Маленьких котят мать

вылизывает, вымывает. А тут все сам. Вот и барахтался — грязный, голодный, больной. Только ласка моя его и спасла. Пригрею, поговорю с ним, и заснет, и спит, и растет, и переросло, и выкарабкался. Без врачей, без ухода особого, на одной ласке. На одном тепле, которое чувствовал, не мог не чувствовать, и хоть не ему оно принадлежало, но на него изливалось. Потому что рождается эта ласка вместе с ребенком родившимся, а потом — не умирает, а остается, и некуда ее девать, и некуда ее тратить и теплый комочек, живой комочек вбирает эту ласку, не зная и не ведая, откуда вдруг на него такое счастье свалилось.

Вошло тогда что-то от моего состояния в кота и не войти не могло.

ИМПРИНТИНГ

В жизни каждого животного в самом раннем возрасте есть момент (от двух дней до нескольких месяцев), который называется критическим. В этот момент происходит запечатление (импринтинг). И если в этот момент показать маленькому котенку кота или гусенку — гуся, то ничего необычного не произойдет. Но если в этот момент гусенок вместо гуся увидит другое животное, ну, скажем, кролика, то и «решит», что он тоже кролик, потому что кролик запечатлится у него в мозгу, как его вид, как он сам. И когда вырастет гусенок, то и любить он будет кроликов, а не гусей. Запечатление может произойти и на человека, и даже на неодушевленный предмет.

Такова теория импринтинга, впервые разработанная австрийским ученым Конрадом Лоренцом (1935).

Мой котенок был почти что еще слепой, когда мне его принесли, и в свой критический момент (у котов он длится недели две, после того, как откроются глаза), когда все существо котенка было направлено лишь на то, чтобы вобрать в себя все окружающее, все полюбить, все принять, все сде-

лать своим и обрести через все это себя, когда нет еще страха, а есть только желание слиться со всем, что видишь, в этот самый момент я прижимала котенка и гладила его. И произошло запечатление — на меня, на человека.

Конечно же, в начале, когда мне принесли кота, я не думала ни о каком импринтинге, просто удивлялась, что растет такой необыкновенный кот. Но позже, когда я вдруг поняла, в чем дело, я стала внимательнее присматриваться к происходящему и, как мне кажется, получила возможность взглянуть на явление импринтинга несколько с другой стороны, нежели это принято.

Ведь по теории импринтинга, даже если бы я не качала своего кота, не пела ему песенки, все равно в это время у него должны были родиться лишь добрые чувства ко мне, так как жизнь не может зависеть от характера того, кто подвернется. Оно, это критическое состояние, должно само по себе обеспечить выживание на добро и нормальное состояние индивида. Все это так. Однако возможность более тесного контакта и, следовательно, более углубленного изучения поведения животного (в данном случае кота), запечатленного на человека, и сравнения этого поведения с поведением обычного кота позволяют вскрыть некоторые потенциальные возможности поведения животных вообще.

ХАРАКТЕР И ЭВОЛЮЦИЯ

Теперь поговорим о характерах. Откуда они взялись — характеры?

По образованию я эмбриолог. И еще в студенческие годы занималась эволюционными проблемами. В своей дипломной работе я стремилась показать, что метод Северцева «надставок» и «вставок» (это описано в моей повести «Ливень») не универсален и во многих случаях не может дать точного ответа на вопрос «кто от кого произошел». Уже тогда я начала искать другие пути. Тридцать лет назад у нас только зарождались биофизика, биохимия, биоматематика, и тогда я ставила вопрос в своей статье (1957) о необходимости привлечь к решению некоторых эволюционных задач, подобных той, которую я решала с хвостовыми вилками, физиков и математиков.

Теперь же создана наука, изучающая эволюционные во-

просы даже с точки зрения топологии (математическая наука об особом виде изменения форм); теперь научились прогнозировать эволюционные изменения органов. Однако меня сейчас интересует несколько другой аспект этой проблемы, а именно: морфоэтологический. То есть анализ морфологических структур (в данном случае — внешности), непосредственно связанных с поведением животных, и возникновения в связи с этим в процессе эволюции характера.

Вы, возможно, заметили, что люди часто бывают похожими друг на друга. Я лично даже пугаюсь этого. Пугает то обстоятельство, что выхожу на улицу — и всех знаю. На какое лицо ни посмотрю — знаю. Видела такое похожее. Когда, где — неважно, но видела.

Известно, что на свете существует ограниченное количество типов людей. И внешность в некоторой степени соответствует, так сказать, внутреннему содержанию человека, характеру его поведения. Вот это-то и есть морфоэтологическая корреляция (взаимозависимость). Недаром ведь существуют типажи. И если скрягу нужно играть — одного артиста выбирают, а для героя-любовника — другого. Картотеки даже имеются: тут и Плюшкины, и Коробочки, и Маниловы, и персонажи Островского. И подобные им ходят среди нас.

Отчего словесный портрет можно составить и преступника найти? А все оттого же. Да, все оттого, что носы, да рты, да лбы под номерами записаны.

Так вот, все это началось очень давно. Когда людей еще не было, да и кошек тоже. Все это началось с самого начала. У рыб мы уже видим зачатки множества черт характеров и форм.

Нет слонов, нет черепах, нет крокодилов, нет ежей, нет птиц, нет человека, то есть нет еще этих форм, природа еще не создала их. Они еще только будут. Появятся. И произойдет это через тысячи, миллионы, миллиарды лет. А зачатки этих форм уже есть. Вот они: рыба, похожая на ежа — колючки те же; рыба, похожая на птицу — летает.

В биологии существует явление конвергенции («схождения» признаков), когда совсем у разных групп животных возникают одинаковые формы в связи с одинаковым образом жизни. Например, форма тела у рыбы и морского млекопитающего,

дельфина, одинаковая — рыбья, потому что оба они живут в воде.

Но похожие формы у представителей разных групп животных могут возникать и по другой причине — как результат эволюционного развития этой формы. Вот почему многие формы, прежде чем достичь в каком-то из классов своего совершенства, неоднократно появляются на свет в приблизительных формах.

Слон, к примеру, прежде чем явиться на свет в виде млекопитающего, в виде такой красоты, силы и могущества в животном царстве, что лучше и представить себе невозможно, этот же самый слон, его приблизительная внешность (я имею в виду форму как таковую, не вдаваясь в ее функцию или происхождение), являлся неоднократно и в виде рыб, похожих на слона, и в виде жуков-слоников, и даже в виде тех же самых млекопитающих, только менее совершенных, таких, как муравьеды.

А царство рыб — просто поразительное царство: здесь, если хорошо поискать, можно найти, как я уже говорила, зачатки почти всех форм. Но самое удивительное — это то, что рыбы, если они похожи, скажем, на птиц, то похожи и выражением «лица»! И если к рыбам начнешь присматриваться, то и откроется тебе, что «лица» их настолько выразительны и настолько знакомо нам их выражение, что почти про каждую можно сказать, на кого похожа. Вот эта похожа на дельфина, а эта — на лягушку, а эта — на крокодила.

Но и это еще не все: у многих рыбьих «лиц» — человеческое выражение! Вот — скряга, а вот — добрый малый, а вот — индийская красавица. И внешность их (я имею в виду все то же выражение «лица», «облик») часто соответствует, скоррелированна с характерными чертами поведения. Пиранья, например, похожа на старую, злую каргу. И что же: она опасна не только для рыб, но и для крупных млекопитающих.

Есть такие мужские лица: губы большие, добрые, сразу выдают любящих отцов. И точно такой же рот у самцов тилапий, у которых во рту выводятся дети!

Примеров соответствия внешнего облика наиболее характерным чертам поведения данного вида, то есть примеров морфоэтологической корреляции, можно привести множество. Однако, чем выше на эволюционной лестнице стоит животное, чем оно

высокоорганизованнее, тем сложнее его поведение, и такой наглядной зависимости между внешностью и поведением уже может и не быть.

У рыб, рептилий, птиц и многих других животных поведение часто представлено, как назвал этот тип поведения Конрад Лоренц (1932), «комплексом фиксированных действий». Комплекс этот, другими словами — набор действий, имеющий всегда определенный порядок (вместе со всевозможными механизмами его запуска, включая и сигнальный раздражитель — «знаковый стимул»), является той основой, на которой возникают всевозможные виды ритуалов: брачные, строительные, оборонительные и агрессивные.

К примеру: ящерицы, прежде чем начать бой за территорию, должны повернуться друг к другу боком (это первое действие). На боку у самцов, в отличие от самок, расположены пятна. Если пятна есть, значит, встретились самцы и бой состоится (второе действие).

Характер — признак индивидуальный. Он характеризует отдельную особь, отличая ее от другой особи того же вида. Однако характер возник не вдруг, не сам по себе. Он менялся, усложнялся в процессе эволюции, как и все, что имеет отношение к живой природе.

И с этой точки зрения, если говорить об эволюции характера, можно поставить вопрос так: где его корни, откуда «характер» набирал силу, как складывались его черты, прежде чем стать индивидуальной особенностью каждого?

Так, может быть, прообразом «характеров» как раз и были те особенности видового поведения, которые так ярко очерчиваются у более примитивных животных и так часто представлены там «комплексами фиксированных действий»? Может быть, эти «комплексы» в эволюции, распадаясь на отдельные компоненты или группы и отпечатываясь в генетической памяти, как раз и становились впоследствии индивидуальной особенностью каждого?

Во всяком случае, черты человеческого характера возникли не сразу, не сами собой, они прошли долгий путь эволюционного развития, и то, что мы их видим то тут, то там (иногда в сочетании с характерным данной черте внешним обликом), и то, что они разбросаны как бы по всем классам животного мира, гово-

рит только о невероятной сложности процесса формирования черт человеческого характера.

При этом прослеживается одно: зачатки отдельных черт человеческого характера, которые мы наблюдаем уже у рыб, в других классах не только не исчезают, но набирают все большую и большую силу. И вот тут, говоря о домашних животных, мы можем сказать, что именно потому собаки и кошки, возможно, смогли так приблизиться к человеку и приблизить его к себе, что черты их характера более, чем у других животных, сродни человеческим.

Странно? Но почему же? Мы ведь не удивляемся, что у кошки голова, и два глаза, и сердце, как у человека. Что голова, и глаза, и сердце — не странно, а вот характер — странно. А вот тут, быть может, как раз в характере все и дело.

Ведь в природе каждому свое. Рыбе — плавники, плавай. Обезьяне — длинные руки, лазай. Тигру — сила и ловкость. А собакам и кошкам — характер. Сродни человеческому. Чтобы понять могли человека и сблизиться с ним. А сблизившись, все более становиться похожими на него, достигая еще большей близости и понимания.

С древних времен кошки жили рядом с людьми. Прошли тысячи лет. Бесчисленное количество раз кошки в свой критический период общались не только с себе подобными, но и с человеком. Кошка в критический момент видела человека! Она впитывала его в себя, запечатлевала его образ, растворялась в нем. Кто она теперь? Совсем другая. У нее другие должны быть повадки и чувства. У нее должна быть «тонкость души» и ум незаурядный, да, если на то пошло, она должна быть действительно «сродни» человеку.

Итальянскому этологу Майнарди для опытов над мышами нужны были дикие крысы. «Но где их теперь найти? — сокрушается он.— Ведь ни в одной крысе нельзя быть уверенным, что она воистину дикая».

Вся живая природа, сталкиваясь с человеком, постепенно становится «одомашненной», вбирая в себя его черты, повадки и сущность.

Так что уж говорить о кошках!

Теперь ученые придают большое значение индивидуальности. Муравей — «глупый», а рядом ползет — «умный».

Да я и сама такое наблюдала у жуков-точильщиков, которые живут в домах. Я построила лабиринт. Лабиринты можно из чего угодно строить. Главное тут — запутать животное, чтобы оно не знало, как найти выход.

Для домовых жуков-точильщиков я построила лабиринт из карандашей. Что может быть примитивнее? Однако круглые или граненые карандаши являются почти непреодолимым препятствием для таких жуков. Они пробуют взбираться на них и падают, переворачиваясь на спину.

В опыте с миниатюрным лабиринтом есть все: награда — состояние свободы! И надо сказать, как я заметила, мои жуки, помещенные в лабиринт, все силы сразу же направляли на свое освобождение. О наказании я уже говорила: не туда пополз и тут же упал на спину, и немногим удавалось сразу перевернуться, некоторые часами барахтались. Побарахтаются так разок, другой — и сил больше нет. Замрет жук и лежит неподвижно, пока силы накопит. Так с большинством жуков и происходило.

Однако были жуки, которые с первого раза понимали — нечего больше взбираться на карандаши, без толку это. Один раз перевернулись, побарахтались, встали опять на лапки и начинали искать выход между карандашами. И находили. Когда же я опять сажала их на прежнее место, то во второй раз они обычно находили выход не тот, каким первый раз попадали на свободу, а другой. И только один жук сразу запомнил путь. И сколько раз я его ни возвращала на первоначальное место, одним и тем же выходил путем.

Так вот этот жук и был та самая «индивидуальность», он-то и был «умник»...

Глядя на своего кота, я надеялась, что он тоже будет «умником», хотя бы потому, что у него был чрезвычайно длинный нос. Некоторые даже прозвали его «носатиком». Нам это прозвище, правда, не нравилось, и я это просто потому здесь рассказываю, что есть мнение, будто между длиной носа и умом существует корреляция. И чем длиннее нос, тем умнее должен быть его обладатель.

Кстати, я еще не сказала, как зовут моего кота. Все говорю кот да кот, и вам, наверное, уж и не хочется, чтобы я его как-нибудь по-другому называла, так я и не буду, потому что зовут моего кота — Котя. А ту первую мою кошку, если вы помните, звали Утя.

Так вот, Котя и Утя были родственниками. Да, да. Котя был внуком Ути. И как вы поймете из дальнейшего, это обстоятельство для рассматриваемых нами вопросов в связи с импринтингом имеет чрезвычайно важное значение. Дело в том, что как раз та самая индивидуальность, которая есть в каждом и без которой нет жизни вообще, при изучении жизни индивида чрезвычайно мешает. Ведь если жук не похож на жука, а кот на кота, то как их сравнивать, как выяснить влияние какого-то одного определенного фактора на организм? Ведь для этого надо поставить серию опытов, в которых действию этого фактора, скажем определенной температуре, должны подвергаться идентичные организмы. Но где взять идентичных животных? Взять таких животных неоткуда, если только не брать близнецов, и то лишь однояйцевых.

Правда, есть и другой выход: можно брать не идентичные особи, но такие, в которых различия, с одной стороны,— минимальны, а с другой стороны,— причины их ясны.

И вот тут как раз очень важно, что Котя и Утя были родственниками. И родство их было то самое, которое в генетике, согласно законам Менделя, и считается наиболее близким, когда дочерние гены при расхождении вновь объединяются во внуках.

Однако, несмотря на все это, Котя не был похож на Утю. Ни внешне, ни по характеру. Это был совсем другой кот. Как бы другой породы. Котя был рыжий, пушистый, мягкий и нежный.

А Утя — обыкновенная серая, сердитая дворовая кошка. Итак, различия налицо, и теперь надо выяснить, по возможности, их причины.

Так вот оказывается, что именно обыкновенная серая кошка, кошка с тигровыми полосами, именно она, как установили ученые, в потомстве может дать мутанта рыжего цвета. Исчез в результате появления мутантного гена фермент, превращающий желтый пигмент в черный, и вот вам — рыжий цвет. Рыжей была дочь Ути — Маша, рыжим родился и внук — Котя.

Итак, Котя рыжий. А если ты рыжий, да еще пушистый, то, возможно, ты должен быть и нежнее, и чувствительнее, и ближе к человеку.

Но тогда и Маша (мать Коти) тоже должна была бы обладать теми же свойствами, поскольку она тоже рыжая и пушистая. Однако она по характеру оказалась более похожа на серую Утю, нежели на рыжего Котю. В сходстве рыжей Маши и серой Ути странным было еще и то, что они воспитывались в разных семьях, в то время как Котя и Утя, воспитанные в одной семье (нашей), по характеру были совсем разными. Вот и получается, что не цвет, не длина шерсти, не семья, где жили кошки, определили их главные различия, а нечто другое. Но что?

Детство, момент запечатления, оно у всех троих было разным. У Ути это запечатление происходило на свою мать-кошку и, возможно, случайных людей, «которые шли мимо». У Маши — на Утю и нас, а у Коти — только на нас, поскольку принесли его еще слепым.

Вот это «только на нас» и создало, очевидно, ту основную причину, в результате которой Котя так отличался от своей рыжей матери — Маши и особенно от своей серой бабушки — Ути.

«НОЖНИЦЫ» В ПОВЕДЕНИИ

Когда говорят об импринтинге, то обычно упоминают два момента: момент запечатления образа матери и как следствие этого запечатления — выбор партнера, соответствующего запечатленному виду. О силе запечатления «образа матери» принято судить по силе привязанности к ней в раннем детстве, в момент запечатления. Измеряют же эту силу длиной пробега «ребенка»

за матерью. Существует аппарат Хесса, в центре которого по кругу вращается модель «матери», а по краю, по специальной дорожке, бегают, как бы за ней, ее истинные или запечатленные на нее дети. Чем сильнее «запечатление», тем дальше пробегает детеныш. И тем резвее он бежит. Мой Котя тоже бегал за мной. Даже сонный, спотыкаясь.

Мы говорим все время об импринтинге, потому что это в своем роде уникальное явление и чрезвычайно наглядное. А потому надо прежде всего свериться с ним, а уж потом идти дальше.

Замечательный американский биолог Леб в 70-х годах прошлого столетия сказал: «Дайте мне «атом поведения», и я объясню все». Импринтинг — это и есть наш «атом поведения», отправная точка, от нее мы начали, с ней сверяемся, ее ищем.

Об импринтинге известно уже довольно много. Какие бывают запечатления, какие факторы (обстоятельства) на них действуют. Когда сильнее, когда слабее. В каком возрасте и сколько длится этот критический момент запечатления и как поддается «запечатление» изменениям.

Но ведь надо идти дальше, необходимо идти дальше. Но куда?

Давайте разберемся, что такое импринтинг? Пока что он определен как запечатление на образ матери, а результат — осознание себя как вида. Итак, если ты запечатлен на образ матери своего вида, то ты начинаешь существовать в обычном плане, в котором из рода в род существовали твои родители, сородичи и пусть далекие тебе, но представители твоего вида. В этом случае «атом поведения» сольется с тысячами таких же «атомов» и заслонит, скроет от нас картину, которую мы тщетно пытаемся изучить.

Но вот детеныш запечатлен на образ матери другого вида. И следовательно, в критический момент детеныш воссоздает самого себя по образу и подобию того, кого считает «матерью». Как же он воссоздает? Внешне? Внешне он остается все тем же. Значит, психически, морально. Нельзя же думать, что импринтинг ограничивается лишь «пробегом» за матерью в детстве и стремлением к выбору партнера из представителей того вида, на который был запечатлен, в зрелости. Надо думать, что это просто те моменты, которые открылись нам, стали доступны для

изучения, и что между ними существует целый ряд других факторов поведения, также «поступающих в распоряжение» влиянию импринтинга. А следовательно, должны иметь место изменения и в мышлении, и в психике, и в поведении: Но вся психика не может измениться, она может измениться лишь в рамках, доступных для действия импринтинга. И получаются «ножницы». Между поведением детеныша, запечатленного на свой вид, и поведением детеныша, запечатленного на чужой вид.

Вот эти «ножницы» и составляют ту цепь «атомов поведения», которые становятся нам известны, видимы и доступны для изучения.

Домашние животные, как уже говорилось, запечатлены на человека веками. По той или иной причине: то ли имея изначально «характер», близкий к человеческому, то ли получив какую-то другую возможность общаться с человеком, впитывать и поглощать в себя человеческие черты поведения и характера (скажем, направленное приручение животных человеком), но только домашние животные в каком-то смысле стали, если можно так выразиться, «сколком» с людей (недаром в народе существует мнение, что домашние животные даже внешне часто повторяют облик своего хозяина).

Изучая поведение собаки или кошки, запечатленных на человека, мы, естественно, сможем лучше понять и резче для нас могут обозначиться (проступить) свойства, появившиеся в связи с импринтингом. Но главное, надо помнить одно: они, эти свойства, проступают... «Атомы поведения» становятся видимыми, цепочка атомов создает в поведении животных видимые «ножницы», но они существовали всегда, и до опыта, просто были скрыты от нас.

Поэтому поведение кота или кошки, запечатленных на человека, надо рассматривать не как возникновение какого-то нового поведения, в основе которого лежат новые психофизические свойства животных, а как свойства, внезапно проступившие; подобно тому, как при проявлении фотографии выступает силуэт, уже существующий на пленке, так и тут становятся видимыми для нас те свойства, которые существуют у животных всегда, но обычно проявляются в поведении другого рода и качества.

И если я у своего кота наблюдаю такую поразительную спо-

собность к общению с человеком, такое слияние его с ним, такое повторение в нем человеческих чувств, значит, эти чувства и способность к мышлению, к сознательным действиям вообще присущи животным, а не результат импринтинга на человека. И это принципиально важно, потому что и «мышление», и «понимание», и «навыки» (по сути своей — человеческие) — все это, объективно существующее и лишь проявленное в результате импринтинга, и составит в дальнейшем те самые «атомы поведения», которые мечтал получить Леб, чтобы объяснить «все».

Однако для этого на импринтинг надо смотреть не просто как на критический момент, в результате которого происходит лишь запечатление образа матери, себя и будущего «любимого», другими словами, вида, к которому животное начинает себя относить, но как на запечатление индивидуальной сущности образа индивида в целом, его свойств, привычек, черт характера и форм поведения. Только при таком взгляде на импринтинг он обретет свое истинное значение и поможет дальнейшему изучению поведения животных, осмыслению степени их мышления.

КОТЯ И УТЯ

Человека, если мы его не знаем, мы судим по черточкам и каждую черточку ему в строку ставим. Это — хорошая черточка, а эта — плохая, эта говорит о том-то, а вот эта — о том. Потом, когда человека ближе узнаешь, все черточки сливаются в характер, и на них уже отдельно внимания не очень обращаешь, потому что знаешь человека, как говорят, наизусть, и уже не черточки нас интересуют, а проявление всего характера.

Вот так и Котю я изучала, как того человека, которого поначалу не знаешь. Вот так и к Коте своему приглядывалась. И каждую его черточку обдумывала — что она значит.

И вот что я заметила: Котя понимает про другого то, что сам испытывал. Да и люди также. Если сам перенес болезнь, или несчастье, или что случилось с тобой, то это и понимаешь. А если не болел, и не переживал, и ничего не случалось, ничему ты и не сочувствуешь. Если уж добрый очень, то, может, умом и стараешься понять, а все это не так, как если сам пережил,

тогда и на другого смотришь иначе, и знаешь, каково ему, и уж никогда не осудишь.

Я это к тому, что мой маленький Котька, если его в руках тискать, начинал пищать: больно, мол. Я сразу отпускала его. Так вот, когда он расходился и прыгал, как настоящий тигр, на мою руку и кусался, да так больно иногда, что я вскрикивала, Котя тоже сразу же отпускал. И в следующий раз кусал осторожно, чуть-чуть, словно понимая, что хватил лишку в прошлый раз, и извинялся. Значит, он тоже, Котя, понимает, что другой, когда ему больно, вскрикивает от этого.

Жизнь Коти делилась на два состояния: бодрствования и сна. Ко сну относилось не только состояние самого сна, когда он спал, но и состояние непосредственно перед сном и после. В эти «сонные состояния» делать с моим котом можно было что угодно. Если даже вниз головой его держать — он все равно спал. А если и не спал, то никакого неудовольствия не выражал. Все это от того мне было удивительно, что Утя с самого детства была совсем другого характера. Гладить себя не всякому позволяла, а уж что-то с ней выделывать, да еще в сонном состоянии — это уж никому не разрешалось. Я поначалу и Котю-то даже брать на руки опасалась. С осторожностью прижимала к себе. И все удивлялась: надо же, не цапнул. Утя бы давно цапнула.

Зато в бодром состоянии, если мой Котя не спал, не собирался спать или уже совсем проснулся, вот тут угомонить его было невозможно. Он носился по комнатам, взлетал на занавески, с ошалелым видом прыгал по столам, стульям и диванам. Но вот он наигрался, набегался, устал. Сон одолевает его. И я беру Котю, прижимаю к себе и хожу с ним, качаю, глажу.

Спать Котя любил, положив голову на подушку. Тельце его вытягивалось по одеялу: он как бы копировал человека.

А еще Котя любил шутить. И если ты лег, но не спишь или уже проснулся, но даже сам не осознал еще этого, Котя уже тут как тут, бежит с одного конца комнаты на другой, мимо твоего дивана, где ты лежишь, и, пробегая, невзначай вскакивает на него, и (уж как ему это удавалось?) легонечко так, ласково и игриво дотрагивается до твоих ног лапкой, просовывая ее на один миг, на одно мгновение под одеяло. И дальше побежал,

довольный, что пошутил, обратил на себя внимание, поздоровался.

А вот еще. Спрятался Котька. Где — неизвестно. Спрятался и караулит. И в тот момент, когда я иду по коридору, подскакивает ко мне, встает на задние лапы и секунду, но стоит. И уж почему, сама не знаю, но только я беру Котю за лапку, и он делает несколько шагов рядом со мной. Почему я это сообразила, что так надо сделать, что именно так надо — дать свою руку Коте, чтобы шел он рядом,— не знаю, может быть, весь облик Коти к тому меня призвал. Ведь дрессировать я его не собиралась, у меня и в мыслях такого не было. У нас жизнь шла естественно, каждый делал, что хотел. Видно, Котя захотел ходить. Я дала руку, и он пошел. А затем это каждый раз повторялось. И я уже знала, что, если выскочил он откуда-то и встал рядом, надо дать руку, надо дать возможность коту походить. Хочет он этого. И потом довольный бегает на четырех лапах.

Котя жил беззаботно, без комплексов бездомного кота (не то что Утя). Не надо было Коте нас завоевывать, не надо было бояться, что выбросят. Не надо было привыкать самому и приучать нас. Однако что-то было надо. Не так уж безоблачно все было. Надо было, например, чтобы на ночь обязательно поменяли песок. Иначе все будут спать, а Котя будет мучиться.

В детстве Котя никогда никого не будил. Терпелив был ужасно. Но терпеть не хотелось. Хотелось заранее сделать все так, чтобы не надо было терпеть. Котя бегает, носится, глаза умоляющие, выражение несчастное. Котя не дает покоя. Играть хочет? Да нет, сразу видно. По Коте всегда и все сразу видно: когда Котя бегает — играть хочет, когда — чтобы поесть дали, когда — рядом, как человек, хочет ходить, а когда — просит на ночь поменять песок.

Котя был чрезвычайно настойчив. Он требовал, прямо-таки настаивал, чтобы двери в комнаты были всегда открыты. Двери должны быть открыты, чтобы Котя мог идти, куда ему заблагорассудится. И как это мы сами не понимаем, что держать двери открытыми, чтобы Котя мог ходить куда захочет, гораздо легче, чем каждый раз бегать и открывать коту дверь. Да ведь так замучаешься, только и будешь бегать да открывать дверь, потому что Котя, если двери открыты, может и час, и два просидеть (или пролежать) на одном месте, но если они закрыты, то

Коте почему-то сразу же хочется именно туда, куда пройти нельзя.

Какая схожая с людской психология. Мы подчас тоже не ходим и не ездим, куда имеем возможность, но рвемся туда, куда нельзя, куда не пускают, куда путь закрыт!

Так или иначе, но все двери во всей квартире были всегда открыты. Слишком уж умоляюще требовательно смотрел Котя, встав между дверями, слишком непоколебимо говорил его взгляд, что не пойдет он никуда, а будет сидеть здесь, на пороге, пока мы не поймем его и наконец не перестанем закрывать двери.

Только одни двери были всегда закрыты — папины. Тут ничего не помогало: ни жалостливые кошачьи взгляды, ни сидение между дверями, ни здравый кошачий смысл, ничего. Тут было право человека. И с этим правом пришлось смириться. Право человека на труд. А трудиться этому человеку помогали закрытые двери. Вот и все. И Котя смирился. И двери папины всегда были закрыты.

Утя, кстати, никогда не требовала, чтобы двери были открыты. У нее не было таких «замашек» подчинить чужую жизнь своей. Да, чужую, поскольку хотя она и жила среди нас, и были мы ей или, вернее, стали уже потом (когда она добилась этого) родными, родными в самом настоящем смысле этого слова, но для кошки эти два понятия — родные и чужие, как ни странно, могут сходиться, соединяться. Мы были родными и чужими. Потому что были разными, и Утя понимала это, и уважала, и ценила именно это, именно различие между нами и ею, именно оно было ей дорого и необходимо.

Утя часами могла сидеть возле двери и ждать, когда кто-либо из нас пойдет и откроет дверь. И вовсе не для нее специально. Утя довольствовалась этим не из-за ущемленности, которая, возможно, и осталась у нее от бездомной жизни в раннем детстве, но которая, как ни странно, родила в ней гордость. Утя была уверена, что о ней вспомнят, и откроют, и накормят. И не надо для этого никого ни о чем просить. Она входит в жизнь людей, она занимает там, в этой жизни, должное место, и время заняться ею обязательно наступит, ибо человек хоть и другой, но такой же: живет по правилам, по распорядку каждодневному, ежечасному.

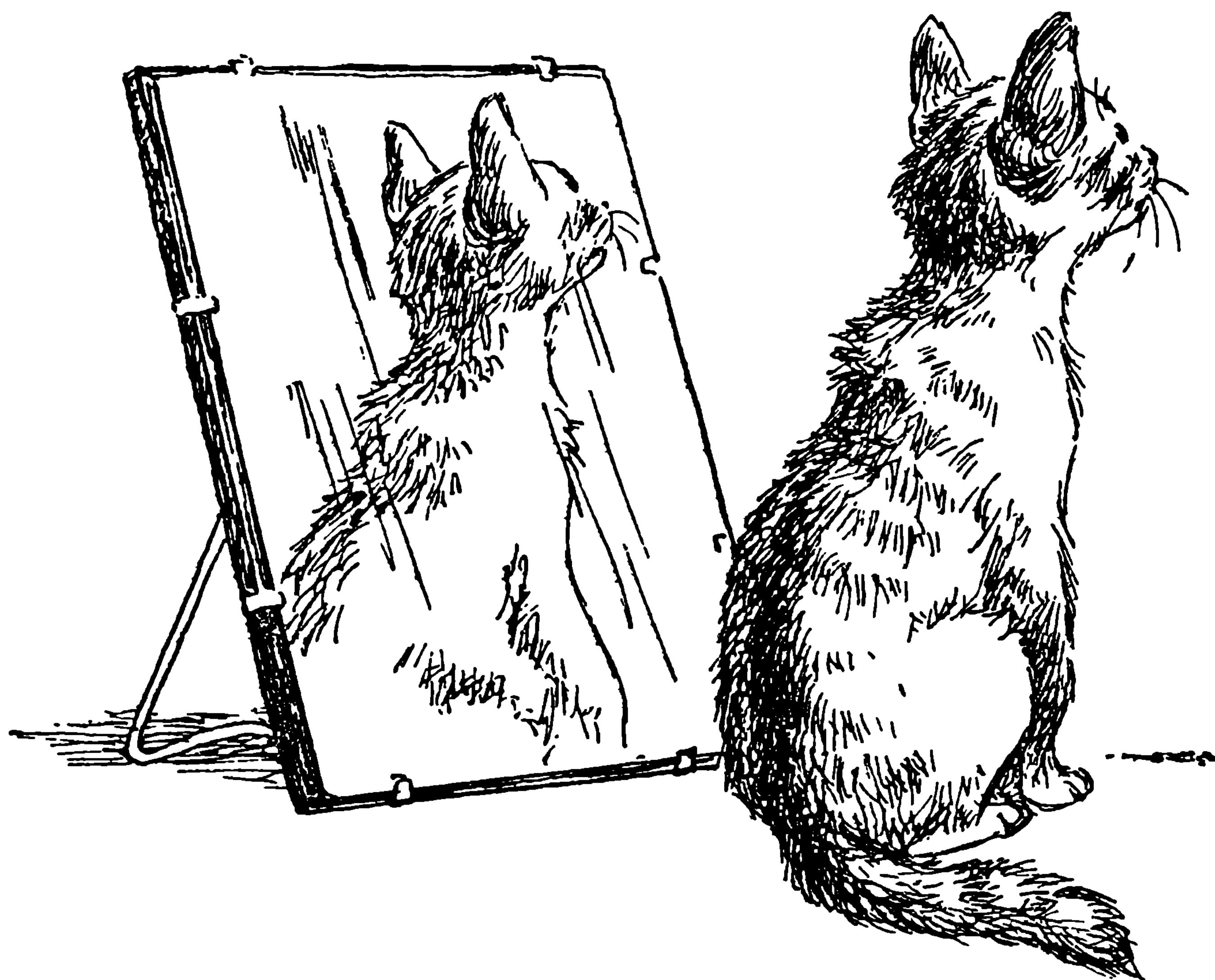
Изучи этот распорядок, характер, привычки, а кошки ведь это умеют, и сиди спокойно. Все тебе будет вовремя, когда надо, надо человеку, а значит и тебе, потому что ты живешь с ним.

Котя же ничего этого понимать не хотел. Котя не отделял нас от себя. В этом-то и было его главное отличие от Ути. Ибо отличие между Утей и Котей было совсем не в том, что Котя был добрее или флегматичнее, красивее (ведь все же пушистый) или умнее. Главное различие было совсем в другом, так как и Утя была не менее умна, благородна и с достоинством. Главное различие этих двух существ было не в тех или иных качествах, а в коренном различии: в различии их сущности.

Ибо Котя — не был котом. Это было видно по его мордочке с круглыми, но какими-то совсем не кошачьими глазами, это чувствовалось по его маленькому теплому, нежному тельцу, которое как-то по-особенному прижималось ко мне.

«За него страшно,— говорил папа,— он наивный и ничего не знает».

...Вы пробовали когда-нибудь показывать котятам зеркало? Котята прыгают на свое отображение, бьют его лапками, заглядывают за него: может быть, там кто-то есть? Я подносила Котю к зеркалу, и он каждый раз отворачивался. Он не хотел смотреть туда. Он не хотел знать, что он кот.

Глава вторая

КОШКА И ДОМ

Существует мнение, будто собаки привязываются к человеку, а кошки к дому. Такое мнение высказывалось даже одним из крупнейших этологов (Конрад Лоренц пишет об этом в книге «Человек находит друга»), да и вообще существует в обиходе, чаще всего среди собачников. Лоренц был тоже более собачник, хотя и было у него много кошек, но когда есть кошки и собаки, то кошка уже не та кошка, которую можно взять за эталон, чтобы правильно рассудить, к кому более привязывается кошка: к человеку или к дому, в котором она живет.

Специалисты-ветеринары из ГДР А. Фогель и Х.-Э. Шнайдер, авторы книги «Советы любителям кошек», а также многие другие этологи-«кошатники» говорят обратное: они считают, что кошки способны привязываться к людям сильнее, чем к территории, к дому.

Все же точнее, вероятно, говорить другое: не кошки более привязываются к дому, а собаки — к человеку, а просто — дом для кошек играет бóльшую роль, чем для собак. Поэтому — не дом для кошки дороже человека, но сам по себе дом представляет для нее огромную ценность, так как это не только ее дом, не только дом ее хозяина, но и ее охотничий участок, где она ловит мышей. Именно ловля мышей представляет сущность кошек и определяет, помимо отношения к человеку, их любовь к дому.

Для собаки же самое главное — защита хозяина и его дома. (Хотя собака, так же как и кошка, имеет, естественно, «свою территорию».) Однако взаимоотношения «хозяин — дом» у собак и кошек — разные.

Существуют люди, которые легко переезжают, и такие, которые с трудом переносят любые перемены. По аналогии можно сказать, что собаки относятся к тем, кто легче меняет дом, а кошки — к тем, кто труднее.

Желание собаки всегда быть рядом с человеком, желание защитить его, любить и раствориться в этой любви, конечно, главная сущность собаки.

И если у вас будут вместе собака и кошка, то скорее всего

собака будет ближе к человеку, кошка не выдержит этой конкуренции. Да и не будет вступать в нее.

Но если у вас будет только кошка и если эта кошка почувствует, что нашла ту самую благодатную почву, где все ее скрытые потенциальные возможности могут раскрыться, то общение ее с человеком способно достичь такой близости, такой тонкости и такого понимания, которые ни в чем не будут уступать собачьим. И вот тогда-то конфликт между отношением к дому и к хозяину (в случае перемены дома) и проявляется в наибольшей степени.

Обо всем этом я не просто так рассказываю, а рассказываю потому, что я с мужем и мамой должна была уехать в дом отдыха, а мой папа в командировку. Вот тут и встал вопрос о Коте. Оставить Котю дома и попросить кого-нибудь приходить к нему раз в день кормить или попробовать взять его с собой?

Поначалу нам показалось, что лучше все же оставить Котю дома. Тем более что папа еще на неделю должен был задержаться в городе. Мы же за это время надеялись подыскать когонибудь, кто бы согласился ухаживать за котом.

Однако с первых же дней нашего отсутствия папа столкнулся с невероятным фактом: Котя без нас перестал есть.

Надо сказать, что папа не сразу полюбил Котю. Во-первых, потому что был по природе своей, по складу характера — однолюб. Привязавшись в свое время к Уте, он долго сопротивлялся новому чувству. Дело же было не в том, что он любил просто кошку, любую кошку, какая ни живет в доме. Раз он боготворил Утю, значит, конечно, нашел в ней что-то из ряда вон выходящее, себе близкое, его завоевавшее.

Сначала папа был не очень доволен, что его оставили с Котей. Перспектива ухаживать за ним, ходить в магазин (для себя папа мог и не ходить, если не хотел) не очень нравилась ему. Однако тот факт, что Котя вообще отказывался есть, заставил папу проявить интерес к нему. Ведь Котя тосковал по тем же людям, по которым (оставшись один) тосковал и папа. Но при этом папе и в голову не могло прийти не есть. А это существо, можно сказать, только лишь кот — не ест!

Папа постарался пригреть Котю. Котя тут же откликнулся. Когда папа просыпался, Котя приходил к нему, прыгал на кровать, садился папе на грудь и обнимал лапками за шею. (То же

самое он проделывал и с моей мамой, когда она просыпалась; только к маме Котя затем поворачивался хвостом — это был особый ритуал доверия к ней.)

Папа же придумал другой ритуал: возвращаясь с работы и еще не отперев дверь, папа спрашивал: «Где маленький Котик?» И Котя всегда оказывался возле дверей, глядя на папу своими круглыми, ясными глазками. Папа поднимал Котю на руки, и тот, вытянув мордочку, тянулся к нему.

Для папы это было большим испытанием, ведь Утя, которую он так любил, не была ласковой.

Сам папа — человек внешне тоже не только не ласковый, но плохо переносит, когда до него просто дотрагиваются. И что же оказалось: кот — это то самое существо, от которого нежность принимают даже такие нетерпимые к нежности люди, как мой папа. Оттого, наверное, что слишком удивительно: кот выражает свои чувства, подобно человеку. Это уже выходит из ранга вообще чувств и переходит в какой-то другой ранг, близкий к чему-то нереальному, а что сопротивляться нереальному, когда оно и так нереально, когда этого и так нет, а есть только в твоих ощущениях общения между тобой и котом, который говорит и не говорит, любит и не любит, пойди пойми его!

Однако, как папа ни старался, Котя без нас таял. Больше всех Котя любил мою маму. Кажется странным, ведь если Котя вставал по ночам и следовал только за мной, то, согласно теории импринтинга, он считал меня своей матерью. Но любовь, очевидно, это чувство, которое может и не совпадать с «ощущением матери». Мою маму любили все, ее боготворили. Я любила маму беспредельно, безоглядно.

И поэтому совсем не странно, что Котя воспринял от меня эту любовь в том же виде, в том же качестве. Он любил, и это была не только его любовь, но и моя, воспринятая им.

Прошла неделя. Папе пора уже было уезжать, а человека, который бы согласился ухаживать за нашим котом, так и не нашлось. И тогда мы решили все же взять кота в дом отдыха.

С Котиным приездом жизнь в доме отдыха началась трудная: необходимо было Котю прятать.

Окно нашей комнаты выходило на задний двор, только это и позволяло нам надеяться на удачу. Здесь были расположены сооружения хозяйственного назначения. Сараи, кухня, склады и

много мусорных ям. Тут ходили в основном служители, которым надо было что-то взять, положить или выбросить. В общем люди появлялись довольно редко. Мы жили на первом этаже, и кота в этот задний двор можно было выпускать прямо из окна.

Итак, утром я выпускала Котю, выходила на задний двор и сторожила, чтобы кот во время уборки комнаты не зашел обратно. Дело осложнялось еще и тем, что надо было постараться, чтобы уборщица зашла к нам не когда-нибудь, а как только мы спрячем все Котины блюдечки и подносы.

Наша уборщица плохо слышала. Оттого она была чувствительна, и от ласкового слова, приветливой улыбки терялась, не зная, что же именно мы от нее хотим. На всякий случай, прихватив веник, она тут же шла убирать.

Получив от меня сигнал, что Галя — так звали уборщицу — направляется в комнату, мама усиленно начинала отгонять Котю от окна. Всего лишь десять минут надо было сторожить. Но именно в этот момент Котя рвался домой. Его не пускали, и попасть домой становилось еще интереснее. Котя придумывал все новые и новые пути. То он разбегался и прыгал на крышу сарая, которая как раз была расположена под нашим окном. А с крыши уже ничего не стоило прыгнуть в окно. И мы бежали и ловили Котю буквально за хвост. Тогда он придумал взбираться на карниз, который шел на уровне первого этажа и был вровень с нашим подоконником. Оттуда снять Котю было труднее, и он, хитро посматривая на нас, медленно продвигался по направлёнию к окну. Мы так бегали и так шумели, что любая другая уборщица давно бы заинтересовалась, что же мы там каждое утро делаем? Но Галя усердно убирала, и ее улыбка, когда она видела нас в окно, говорила только о ее приветливости.

По правде говоря, мы предполагали, что наша тайна уже давно гуляет по дому отдыха. Однако, когда для некоторых мы делали исключение и вводили их в свою комнату, то оказывалось, что они и в самом деле о Коте ничего не слышали. И они тут же вступали в тайный союз охраны нашего Коти, уверяя, что такого кота никогда не видели.

Действительно, Котя в доме отдыха расцвел. Он был с нами, и это оказалось главным.

Отношение кота к дому и человеку, по-видимому, намного

сложнее, чем это выглядит на первый взгляд. Правда, Котя, запечатленный на человека, был необычным котом, он еще не знал никого, кроме людей, и его отношение к нам было особым. Но как раз это-то и создавало те самые «ножницы» между его поведением и поведением обыкновенной кошки (скажем, Ути), те самые «ножницы», которые позволяют проникнуть в сущность взаимоотношений животного с окружающими его обстоятельствами.

И хотя оказалось, что для Коти главное — это быть с нами, я видела: Котя мучается, что он не дома. Мучается даже, может быть, больше, чем когда-то Утя, которую мы тоже неоднократно вывозили на дачу.

Попадая на дачу (пусть каждый раз другую), Утя быстро осваивала новую территорию возле дома и, как нам казалось, наслаждалась возможностью валяться на траве в любых позах, ибо этот кусок травы был ее.

Котя же и здесь, в доме отдыха, был в основном заперт в комнате. И я чувствовала, что он ощущает и временность этой комнаты, и неудобство, связанное с тем, что его скрывают, однако это все перекрывалось тем, что он — с нами. Так что одной заученной фразой, что коты привязываются к дому, а собаки к человеку, нельзя объяснить всю полноту сложнейших взаимоотношений между котом, домом и человеком.

Был и еще случай убедиться в довольно сложных психологических переживаниях Коти, связанных с переменой дома. И уж раз мы разбираем здесь эту проблему, я и об этом расскажу. Было это намного позже, уже в Москве. Получилось так, что мне пришлось переехать с Котей на неделю (пока в нашем доме шел ремонт) в квартиру моей сестры.

Как же реагировал Котя на переселение? Сначала он был явно обижен. Не подходил, не ласкался, есть отказывался и вообще игнорировал меня. А я-то никуда не уходила, полагая, что главное для моего кота — быть со мной, что это самое важное, а остальное уж как придется.

Я подлизывалась к Коте, старалась его утешить, но он на меня и смотреть не желал.

«Ну что ж,— решила я,— не нужна так не нужна». Тем более что мне надо было уйти. Когда же я вернулась (а это было уже вечером), то застала совершенно другого кота: Котя бросился ко

мне, обнял, прижался. Он был так рад моему появлению, так боялся, видно, что я снова уйду, что считал самым главным — выразить свою любовь ко мне.

Когда же, посидев с ним, я пошла на кухню, чтобы приготовить для себя и Коти ужин, Котя неожиданно рухнул. У него подкосились ноги, сначала передние, а потом и задние. Продолжалось это секунды. Потом Котя встал, словно ничего и не было.

Такое затем повторялось неоднократно: когда Котя чего-нибудь очень хотел, его будто разбивал паралич. Можно было подумать, что он делает это нарочно, чтобы добиться своего. (Подобные факты описаны в литературе.) И так, конечно, можно было бы подумать, если бы не тот первый случай, когда Коте ничего не было надо, а просто нервы сдали, потому что и дом был чужой, и хозяйка исчезла.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СВОЕМУ ВИДУ

В детстве Котя не отличался особой красотой. Рыжий котенок, не очень гладкий, но и нельзя сказать чтобы пушистый, с белым асимметричным пятном на лбу и, как я уже говорила, невероятно длинным носом. Но ведь обычно именно котята бывают хорошенькими, и по котятам судят, какой будет кот. Я не думала, что Котя будет красивым. Но Котя стал красивым — это признавали все, и дело тут было не просто в красоте. Бывают люди — видные. Осанка у этих людей не от возраста, а от роду заложенная. И формы, стать — все как надо. Фактура, в общем. С таким человеком всегда по-особенному разговаривают. Недаром же такая наружность дана человеку. Вроде бы все должны быть такими, а вот не получается у всех. Избранные только ее имеют.

Вот так и Котя наш — видный. Что хочешь возьми: голова большая, лоб крутой, воротник как у льва, шерсть такая мягкая, такая пушистая и такого рыжего цвета, который не имеет никаких недостатков этого цвета и обладает всеми его достоинствами. Хвост огромный, и Котя умеет распускать его, словно это хвост павлина.

Как-то Котю сфотографировали. В комнате было мало

света, и на снимке на темном фоне получились одни Котины глаза. Я уже говорила, глаза эти не были похожи на кошачьи. То есть они были кошачьи и в то же время не кошачьи. У них было настолько доверчивое и чистое выражение, настолько трогательное и детское, что, глядя на них, становилось тревожно. Хотя Коте и не грозило попасть ни в дикий лес, ни в лапы к тигру, но было видно, что он так далек от реальной жизни вообще и от кошачьей в частности, что казалось непостижимым, как же он переступит эту грань затянувшегося детства и излишнего очеловечивания.

Первое время Котя боялся даже травы. Он ступал по ней так, словно совершал что-то очень неестественное. Котя старался переступить через траву и стремился скорее очутиться на таком месте, на котором нет ее вовсе и которое похоже на пол, так как по его опыту ходить можно было только по гладким поверхностям, а если на этих поверхностях что-то торчало, лежало или росло, то это надо было аккуратно обходить, огибать и беречь.

Но вот Котя научился ходить по траве и начал исчезать. Кричим, ищем. Вдруг является. А иногда залезет в гущу травы и сидит там или спит. Мы уже привыкли, что Котя исчезает, и решили, что он сам знает, где ему ходить и когда возвращаться. Как вдруг однажды, сидя в комнате, услышали страшный лай. В ту же минуту Котя влетел в комнату. Я выглянула в окно. Огромная собака убегала от окна. Она могла разорвать Котю. Но Котя этого не понял. Не осознал. Не дошло до него, не проняло. Покрутился, повертелся Котя дома и снова потребовал, чтобы его пустили на улицу. Встреча эта была, если можно так сказать, экзогенного характера: то есть испуг произошел от внешних причин. Так же мог испугать Котю гром, ливень, рухнувшее дерево, брошенный в него камень. Причина ясна, последствие одно — укрыться, спастись. Страх естественный. И никаких объяснений от той собаки не последовало, как не последовало бы их от грома или камня.

Однако через несколько дней у Коти произошла другая встреча, которая имела для него уже чрезвычайные последствия.

Случилось это поздно вечером. Мы сидели в комнате и были заняты своими делами, как вдруг услышали многоголосый кошачий крик. В одно и то же время это был крик ужаса и крик зверя нападающего.

Котя влетел в комнату. Но на этот раз он упал, прижался к полу и долго бил хвостом, ни на кого не обращая внимания. Глаза Коти бешено вращались, шерсть стояла дыбом. Казалось, он с кем-то разговаривает, что-то доказывает. Все существо его бурлило. От непонимания. От потрясения. От всего сразу. Слишком много пришлось ему осознать в одну минуту, слишком много свалилось на него.

И я видела: Котя наконец понял, что он кот! Не было больше у Коти доверчивого, человеческого, все понимающего взгляда. Передо мной сидел звереныш со своей тайной другого бытия.

Я подошла к Коте, из его лапы текла кровь. За что такая рана? Претендовал на чужие владения? Уверена, что ни на что не претендовал, потому что и претендовать-то не умел.

Вот из-за этого «не умел», вероятно, все и произошло. Кот и не кот. Ничего не знает, ничего не понимает. Вот и укусили, вот и дали понять.

Произошло то самое главное, что не могло не произойти (не мог же Котя не встретиться с себе подобными). Но произойти это могло по-разному. Котя мог встретить мирных домашних котов и осознавать себя постепенно. Случилось же все в один миг. Грубо и по-звериному. И в один миг с Коти слетела вся его «человеческая сущность» и он превратился в зверя.

В литературе много написано на тему обратимости «запечатления». И если вначале, когда только был открыт импринтинг, ученые, в том числе и сам Лоренц, говорили о его необратимости, то впоследствии было высказано и другое мнение, а именно, что импринтинг необратим только в том случае, если запечатление происходит на себе подобного, на свой вид. В том же случае когда запечатление происходит на другой вид и когда запечатленный на этот другой вид начинает общаться с представителями своего вида, то тут могут возникнуть различные модификации (варианты).

Майнарди говорит о существовании самозапечатления, когда

животное в процессе своей жизни имеет возможность само запечатлеть себя.

Тот случай, который произошел с Котей, показал возможность воздействия на импринтинг путем вмешательства извне существа опытного и знающего.

Думаю, что предположение, будто кот, который повстречался с Котей, что-то сообщил ему относительно правил жизни и поведения на улице, отнюдь не фантазия и не пустые домыслы.

Кошки общаются между собой. Утя — многодетная мать — когда «разговаривала» со своими котятами, то откуда только у нее появлялся этот удивительный ласковый голос, эти нежные короткие, дифференцированные звуки. Даже для не понимающего их, они были полны смысла.

Все животные друг с другом общаются. Даже медузы обнимают друг друга щупальцами. А уж об обезьянах и говорить нечего.

Сейчас ученые занимаются расшифровкой языка животных. Изучаются языки птиц, обезьян, дельфинов, кодовые разговоры сверчков между собой. Изучить язык животных довольно сложно, но если бы это удалось, то многое бы нам стало понятнее в их жизни. Начинать же изучение языка животных, вероятнее всего, надо с языка домашних животных. Кошек, скажем, или собак. И не с того языка, которым они разговаривают друг с другом (ибо тут возникают те же проблемы: не ясно для нас переплетаются рефлексы с живым общением), а с языка, которым кошки и собаки разговаривают с человеком. Потому что этот язык создан для человека и должен быть человеку более понятен, нежели все другие. Только оговорить тут вот что надо: способности животного следует рассматривать лишь в тех пределах, в каких они коту необходимы. (Нечего кота судить за то, что он математики не знает, или истории. Не нужны они ему вовсе, вот он к ним и не способен.)

И еще надо то оговорить, что часто мы о слабых умственных способностях животных судим лишь потому, что они не понимают человеческого языка. Но разве человек понимает другого человека, если они на разных языках разговаривают и языка друг друга не знают? Нет, не понимают. Глазами им тогда приходится разговаривать, мимикой, жестами. А с жестами у кошек

туговато. С теми человеческими жестами, которые человеку лишь присущи и которые человек и склонен понимать.

А теперь представим себе такую фантастическую ситуацию: один человек встретил другого и объясниться с ним на общем языке не может и указать пальцем тоже не может, и мимикой — тоже. А надо этому человеку сказать другому, чтобы тот, другой, открыл холодильник и дал ему поесть. Что же остается такому человеку делать? А только и остается, как сесть рядом с холодильником, да умоляюще посмотреть на другого человека, да на своем родном языке пробормотать что-то жалобное. Только это ему и остается при всем его уме, но при отсутствии обычных, свойственных человеку, форм общения. Вот то же самое и с котом происходит, ибо нет у него других способов объяснить человеку свое желание. И Утя, когда у нее были котята, приводила их к холодильнику, усаживала в ряд и жалобно говорила «мяу». И не о слабых умственных способностях такая форма общения говорит, а, наоборот, об «уме» и явном, направленном общении между кошкой и человеком, для чего кошкой придумывается специальная форма общения, понятная человеку. То, что сделала Утя, было единственным выходом из положения, до которого можно было додуматься, ибо даже человек не смог бы, как мы видим, в этой ситуации придумать ничего иного. А уж в умственных способностях человека нельзя сомневаться.

Так вот, с этой точки зрения, нет ничего удивительного в том предположении, что если два кота встретились друг с другом и один из них больше знает, чем другой, в жизни опытнее, то этот второй может преподать урок менее опытному, ибо не можем же мы считать, что умственные способности котов проявляются лишь в общении их с человеком. Думается, между котами они должны проявляться в еще большей степени.

А уж какими способами — другое дело. И та рана, которая была нанесена Коте, возможно, была решающей в том уроке, который преподал ему уличный кот.

Котя изменился, напугался, что-то постиг и не хотел больше выходить на улицу. Зачем выходить на улицу, если там все так сложно, опасно, лучше сидеть дома, где привычно, тепло, где тебя любят и никто не кусает.

Давно уже известно, что животные делят между собой землю

точно так же, как и люди. И странного в этом ничего нет. Для них тоже не хватает земли, и не подели ее, не закрепи за собой, не охраняй — начнется страшная неразбериха. Землю делят олени и волки, муравьи и птицы. Делят одну и ту же землю. Волки эту землю делят между собой, олени — между собой, а муравьи — между собой.

И каждый на «своей» земле все, что на ней находится, считает своим.

Волк считает своими оленей, которые пасутся на его земле, а олень — траву, которая растет на ней. И своей ту же траву считает пчела. И муравей с того же участка собирает дань, и птица.

И человек по той же земле ходит и ту же землю делит, и уж кто-кто, а он-то ее своей считает. И все, что на ней, тоже своим полагает. А чье же оно еще?!

Так вот, мы давно знаем, что звери и птицы, насекомые и пресмыкающиеся имеют свою территорию. Давно мы это знаем и не удивляемся.

Но вот то, что коты да кошки в нашем дворе, где дома наши стоят, двор поделили между собой и каждый по своей тропинке ходит, вот это удивительно для нас. И не тем, конечно же, удивительно, что это наш двор, а коты и кошки его своим считают, и право на него свое имеют, и дерутся из-за каждой тропинки. И слово «удивительно» здесь не очень подходит, а скорее непривычно для нашего образа мыслей, которые у нас в отношении кошек, как сугубо домашних животных, существуют: мол, не приемлемы к ним никакие, так сказать, научные изыскания.

Вот поэтому и странно нам кажется, что кот наш не просто на диване сидит, а свою территорию блюдет. И не просто во дворе ходит, а ходит лишь по своей тропинке, по которой другой кот не имеет права ходить.

Возможно, в отношении дивана, шкафа, пола в квартире Котя имел некоторые соображения и делил их между хозяевами квартиры и собой. Но, выйдя на улицу, переставляя свои пухлые ноги в траве, он не знал, что эту траву еще надо отвоевать.

и закрепить за собой, и уж ни в коем случае не посягать на чужую траву, что вдали от его дома.

Итак, Котя перестал выходить. Однако это продолжалось недолго. Вскоре Котя познал другую сторону уличной жизни, которая пересилила первую и открыла ему тот смысл, ради которого стоило рисковать, терпеть и привыкать.

Котя встретил кошечку.

ИНСАЙТ

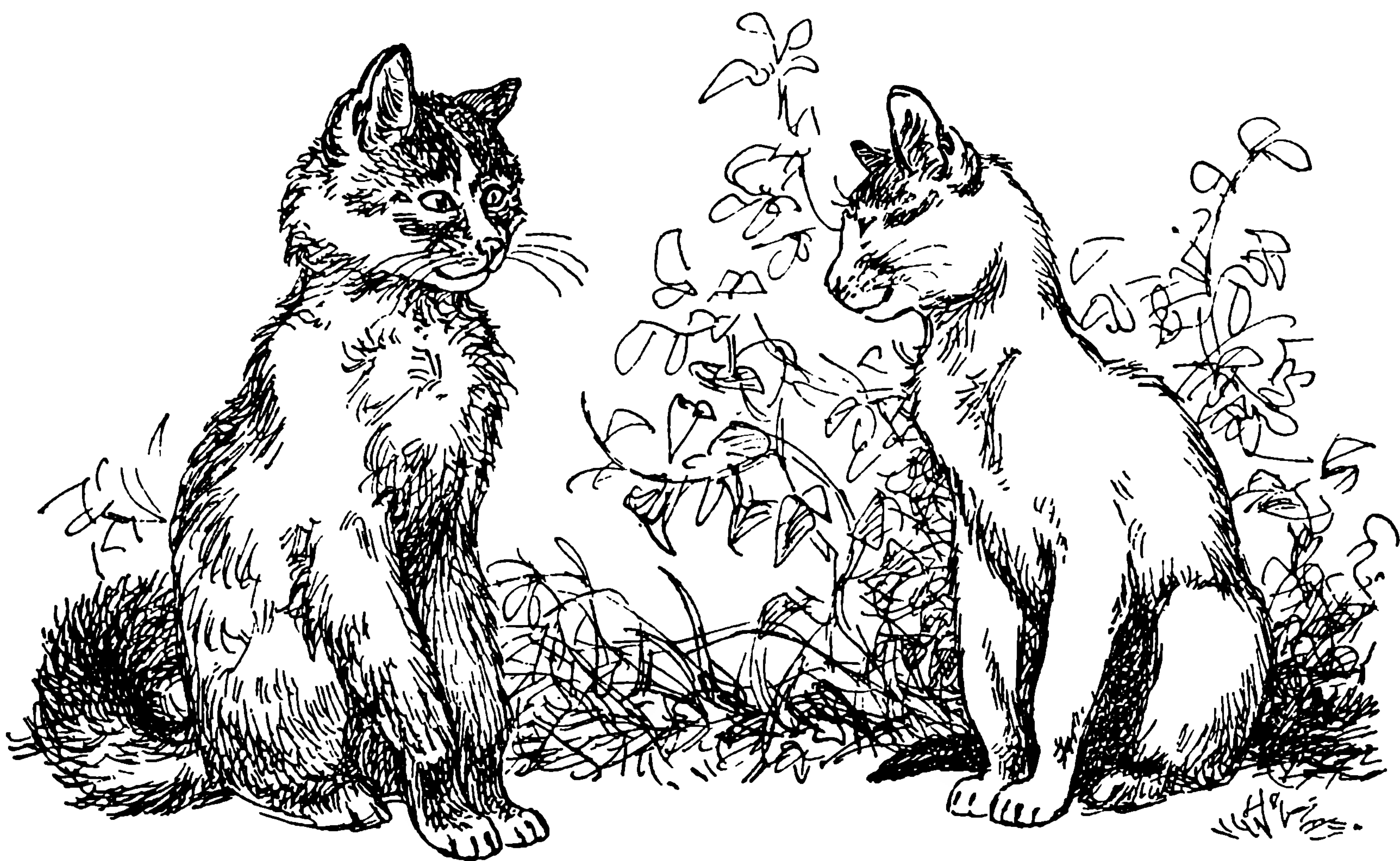
Котя был кошачьим подростком, и кошечка в прямом смысле этого слова, вероятно, была ему еще не нужна. Тем более что, согласно теории импринтинга, лицо, запечатленное на другой вид, старается и партнера выбирать из представителей этого вида.

По той или другой причине, только наш Котя не посягал на сближение с кошечкой. Они часами сидели, глядя друг другу в глаза, не уменьшая и не увеличивая расстояния между собой.

Возможно, кошечка была тоже очень молода, а может быть, и наоборот — настолько опытна, что поняла и возраст Коти, и его состояние. Она тихо сидела под кустом и смотрела на него ласковыми и удивительно спокойными глазами.

Влияние Котиной «дамы» было так благотворно и успокаивающе, что я никогда не препятствовала их встречам. Я отпускала Котю, не боясь, что кошечка уведет его далеко от дома, как это часто бывает в таких случаях. Наоборот, я чувствовала, что эти встречи полезны для Коти. Что он познает что-то очень для себя важное, чего был лишен до сих пор благодаря неестественной жизни среди людей. Котя успокоился и снова стал гулять. Однажды он исчез. Вернувшись после кино и не обнаружив кота, мы обыскали все: шкафы, тумбочки, я заглянула под кровати, но Коти нигде не было. Котя убежал, но как? Двери и окна была закрыты. Неужели через фрамугу? Значит, сообразил. Значит, очень хотелось ему к кошечке. Ведь когда котам или кошкам чего-нибудь очень хочется, они вдруг становятся сообразительнее и начинают понимать то, чего до той поры будто и не понимали.

Есть такой механизм в организме, благодаря которому неко-

торые свойства не всегда проявляются, а только в нужный момент (например, у человека: когда ему пора есть, появляется аппетит). Ведь могло быть так: надо человеку есть, а ему этого вовсе и не хочется. И не знает он тогда, что нужно ему есть, пропускает день, два, а потом, смотришь, еле ноги тянет. Еще нагляднее это у животных. Человек, тот разумом может понять, что ему есть надо, и распределить может еду по часам. Часто так и делает. А вот животному в этом во всем разобраться трудно. Почувствовало животное голод и направилось на охоту. Наелось — спит. Чувство голода и сытости руководит им.

Подобные механизмы у животных срабатывают и в других случаях. Надо что-то очень животному — и весь его организм как бы переполняется желанием и потребностью его удовлетворения. Мотивациями называют ученые такие состояния.

Академик Алексей Алексеевич Ухтомский разработал принцип доминанты (1966). Доминирующая мотивация обладает удивительными свойствами. Завладев организмом, она, учитывая работу внутренних органов и сопоставив «возможности» организма с внешними обстоятельствами, выбирает нужное решение и, включив специальные механизмы (условные и безусловные рефлексы), целенаправленно ведет животное к достижению желаемой цели, и тем самым к уменьшению мотивации. (Воз-

можно, в этом процессе участвуют не только условные и безусловные рефлексы, но и разум, однако об этом дальше.)

Утя, когда ей приходило время рожать и у нее болел живот, просила меня, чтобы я ее гладила. Она смотрела умоляюще, жалобно мяукала и, что поражало, делала все, что я ей говорила. Скажу: «Утя, ляг сюда». Она ложится, и точно на то место, куда я показываю. Скажу: «Подвинься», Утя покорно подвигается. Что ни прикажу ей — все делает. Все в этот момент понимает. Руку ей на живот положу, глажу, а она лапкой мою руку передвигает, точное место указывает, где гладить.

Но вот родила Утя, и куда все исчезло, все понимание, все послушание. Сидит, смотрит непонимающими глазами, словно не ей говорят, не ее просят. И если бы я сама только недавно не видела, что Утя на самом деле понимает, никогда бы не поверила, что она вообще что-либо способна понять.

И такое с Утей происходило совсем не оттого, что она пренебрегала мной, а просто механизм какой-то срабатывал в ней так, что «понимать» она начинала лишь тогда, когда ей это было нужно.

Дикие животные не каждый день к людям за помощью бегают.

Обычно страх в них срабатывает, и убегают они от людей. Но сколько случаев известно, когда им никто не может помочь, кроме человека, они идут к этому человеку, потеряв страх и неся в душе одну любовь и благодарность.

Инсайтом назвали ученые такое явление. Разум появляется вдруг, неизвестно откуда, и тут же исчезает. Инсайт — таинственное явление, проблеск разума, озарение!

Интересно, что Котя в детстве казался понятливее: меньше напускал на себя кошачьей непроницаемости, чаще реагировал на окружающие его раздражители. Чем старше он становился, тем больше в нем появлялось солидности: по пустякам не трепыхался, сидел важный и делал все только тогда, когда сам этого хотел.

Есть такое мнение, что кошки трудно дрессируются. И не в том дело, что они глупее других животных, совсем нет, ведь кошки без всякой дрессировки показывают иногда чудеса. Они чрезвычайно любят порядок и повторение одних и тех же ситуаций, на которые стараются реагировать одинаково, превращая

свое поведение в ритуалы. Однако все делают только тогда, когда им этого хочется.

И если Котя научался чему-либо, то чаще всего с первого раза. Без всякой, так сказать, «выработки рефлекса».

Вот случай. Как-то я решила Котю перед сном утомить. Как маленьких детей утомляют. Утомился маленький ребенок и спит. Я стала бегать из комнаты в коридор, из коридора в комнату, волоча за собой бумажку на веревочке. Котя бегал за мной, и так ему это понравилось, что на второй вечер, только стало дело подходить ко сну, Котя начал бегать сам по тому же пути. При этом он жалобно мяукал и умоляюще смотрел на меня, требуя, чтобы я с ним играла. И так пошло каждый вечер, Котя любым способом стал напоминать мне об игре. Мяукал, носился, как-то даже вскочил на диван, где я сидела, и ударил меня по плечу лапой: идем, мол, играть.

А однажды мы увидели, как Котя играет в футбол. Не в мяч, который катается по полу, а в настоящий футбол. Произошло это так: есть у нас знакомый, зовут его Петр Дмитриевич. Так вот, Петр Дмитриевич невзлюбил нашего кота. Для этого у него была веская причина: Котя как-то выдрал кусок из ковра Петра Дмитриевича, который временно стоял у нас в углу. И никто не заметил, как Котя точил и точил о ковер свои когти.

Понятно, что Петр Дмитриевич при виде Коти менялся в лице, а мы сразу хватали Котю и запирали его в другую комнату. Но Котя не хотел считаться с тем, что его не любят. Он рвался и мяукал. «Нельзя,— говорили мы Коте,— нельзя, ты сам виноват — вспомни ковер!»

Однажды мы все сидели в кухне, пили чай, смотрели телевизор. По правде говоря, смотрел телевизор только Петр Дмитриевич, поскольку только его интересовал футбол. И не просто интересовал, футбол — это была страсть Петра Дмитриевича.

Вдруг я заметила, что Котя сидит на табуретке и внимательно смотрит на экран. Голова Коти двигалась то в одну сторону, то в другую — он явно следил за мячом.

Тогда мы решились обратить на это внимание Петра Дмитриевича. Еще бы: кот смотрит футбол! Петр Дмитриевич ничего не сказал, однако выражение раздраженности, которое неизменно являлось на его лице при виде Коти, на этот раз не явилось.

Как всегда, мы хоть и увидели, что кот смотрит телевизор и следит за мячом, но отнеслись к этому, конечно, с той долей допуска, с какой всегда относились.

Но видно, на этот раз Котя решил нас доконать. Он влез на телевизор, свесил голову вниз и начал лапкой ловить мяч. Сомнений не было, Котя не только смотрит футбол, но настолько «вошел в игру», что сам ринулся на поле, стараясь поймать мяч.

И тут Петр Дмитриевич улыбнулся: было видно, что коту он простил все.

Вот и непонятно, почему же такие восприимчивые к различным ситуациям животные плохо дрессируются? Оболванивания не хотят, так сказать, механического повторения? Человеку тоже, наверное, было бы не по себе, если бы его начали дрессировать и за конфетку заставляли делать то, что другому угодно. Однако человек это все понимает, и если идет на такую «дрессировку», то сознательно, по тем или иным причинам.

Мне кажется, и с Утей иногда происходило нечто подобное: она принимала наши условные знаки, хотя внешне это выглядело дрессировкой. Вот пример. Когда Утя, гуляя, слышала, как точат ножи, она тут же прыгала в форточку и начинала крутиться вокруг ног режущего мясо. С этого началось. Вечером, когда мы ждали Утю, а она не приходила, папа брал два ножа и точил их друг о друга. Утя тут же являлась. Однако вспрыгивала на форточку не с тем выражением, с каким делала это днем, ожидая мясо, а всегда несколько тревожно-испуганная (мол, виновата) и тут же спокойно шла на свое место, ничуть не удивляясь, что никакого мяса нет, а ножи точат лишь для того, чтобы дать ей понять — вышли, мол, все сроки, и люди хотят спать.

Вот тебе и рефлекс, вот тебе и понимание ситуации.

Не все, что делается у животных (особенно таких, как кошки), делается чисто рефлекторно, не осмысленно. Как и не все, что у человека делается, казалось бы, осмысленно, не есть на самом деле рефлекс или привычка, выработанная жизнью.

Кошки плохо дрессируются, возможно, потому, что многие их действия, привычки, ритуалы у них более осмысленны, нежели у других животных. Конечно же, рефлексы у них существуют, облегчают им жизнь, создают фон. Но сознание, проблеск разума, инсайт — не дремлет! Он тут как тут, стоит только включиться механизму понимания (так его назовем),

механизму, который включается и кричит «SOS». Кричит в экстренных случаях или просто когда «надо понять» и правильно отреагировать на событие. Понять и отреагировать в тех градациях, в каких это необходимо для жизни в конкретных условиях.

Для этого механизм понимания имеет «реле» важности: чем важнее правильно отреагировать, тем больше включается «понимания», тем значительнее этот, уже признанный учеными, проблеск «разума», инсайт!

Да и человек не всегда «понимает» одинаково: в экстренных случаях, когда очень нужно, голова, как говорится, работает лучше. Задача разрешается быстрее.

КОНЕЦ ПРЕБЫВАНИЯ В ДОМЕ ОТДЫХА

Итак, наше пребывание в доме отдыха закончилось. Мы собирались в Москву. Машину ждали попутную, какие часто тут проезжают, заворачивая иногда прямо на территорию дома отдыха, поскольку привозят отдыхающих из Москвы.

Плохо одно: такая машина всегда неожиданность. Ждешь долго, а собираться надо вмиг. Если бы мы уезжали без Коти, то ничего страшного в том не было бы. Но ведь Котю не подготовишь, не запрячешь на часы в сумку. А самое главное, Котя был уже не тот Котя, что ехал из Москвы и думал, что с ним просто играют, поэтому сажают в сумку. Этот Котя уже хорошо знал, чем кончается такой плен.

Пришла машина, и начали носить в нее вещи. Я попыталась поймать Котю, но Котя вырвался и забился под кровать. Вещи уже перенесли, а я никак не могла справиться с котом. Он кричал и царапался. Тут муж, схватив второпях Котю за голову, начал запихивать его в сетку. Удивительно только, как он не свернул Коте шею. Мама от ужаса закричала, муж тут же пришел в себя, и, видно сообразив, что имеет дело все же с живым существом, отпустил Котину голову, и, ловко поймав Котю в сетку, завязал ее узлом.

Я взяла сетку и, считая, что нечего уж больше скрываться, пронесла Котю на виду у всех в машину.

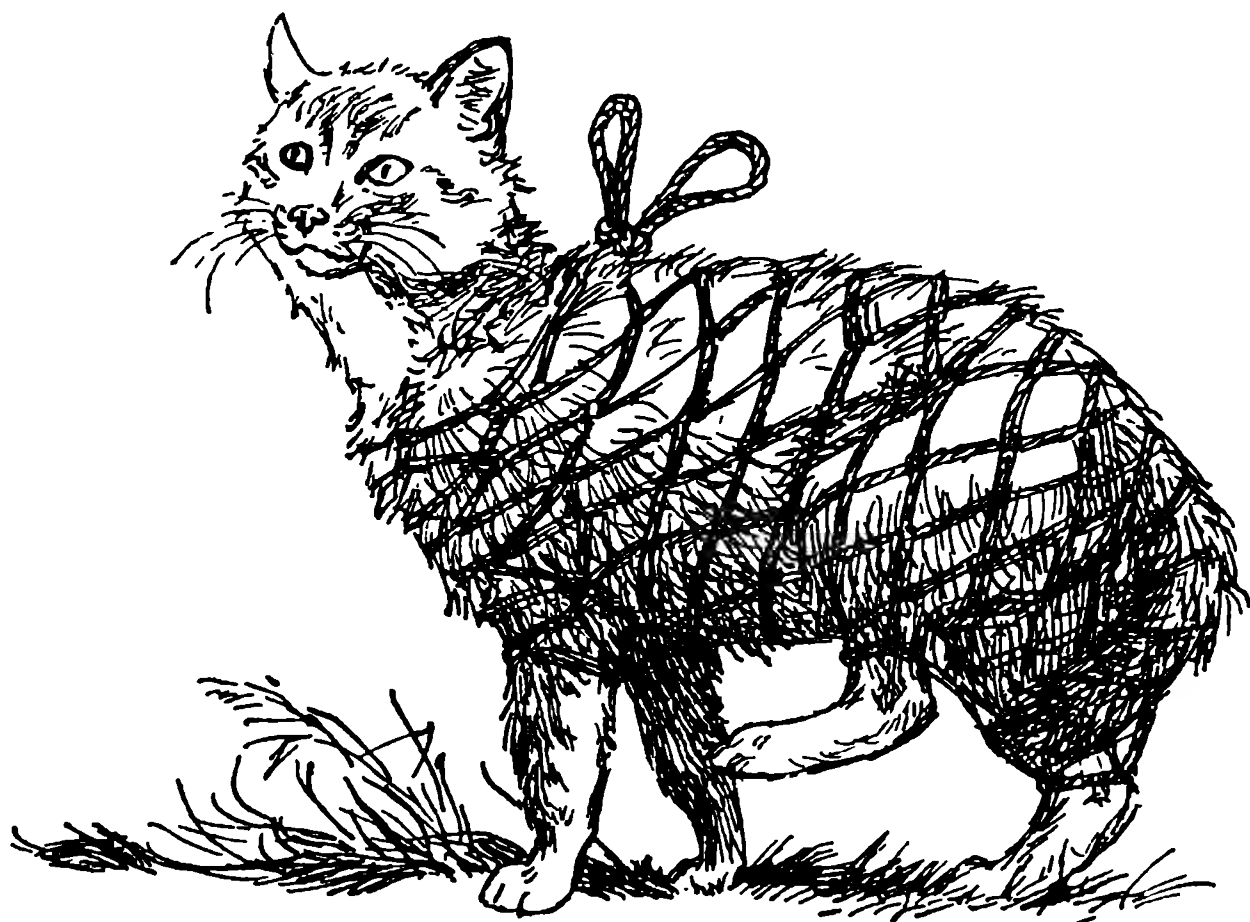
Тут я заметила хитрый взгляд нашей уборщицы и по ее улыбке поняла: она все знала про Котю.

Сели, машина поехала, нам махали, а мы никак не могли опомниться от сборов, от ужаса жизни в подполье. И так как все это наконец кончилось, наш «отдых» был позади и теперь уже можно было открыто всем показывать Котю, я послушалась предложения мужа — выпустить Котю в машине.

— Тут-то уж можно выпустить,— сказал он,— окна закрыты.

И я выпустила, забыв, что имею дело с котом, а не с собакой, да еще с таким котом, который в жизни не видел ни улицы, ни мчащихся по улице машин (наши окна в Москве выходят во двор), который никуда и никогда не ездил, а если и ездил один раз из Москвы в дом отдыха, то в темноте, в сумке и даже не совсем тогда понял, что с ним произошло и как он очутился в другом месте.

Все это я забыла, потому что устала: сборы были нелепы и суматошны. Я расслабилась, не хотелось больше ни о чем думать, пусть сидит себе на свободе! Но вот чем эта свобода обернулась! Вдруг я увидела, что Котя, сидя у заднего стекла, открыл рот, высунул язык и превратился в «собаку». Ибо собаки обычно, когда им жарко или они забегались, открывают рот, высовывают язык и дышат часто, прерывисто и сипло. Точно так же дышал и Котя. Но чего при этом не бывает у собак — глаза у Коти округлились, выкатились и застыли от ужаса. И еще чего не бывает у собак — Котя орал диким гортанным голосом.

Тут бы догадаться, что Котя перепугался до смерти. Что его надо срочно спрятать в сумку. Но я только смотрела на Котю и говорила:

— Он же как собака! Никогда такого не видела.

И все за мной повторяли, что наш Котя не Котя, а собака, и это уж теперь точно.

СТРЕСС КАК РЕЗУЛЬТАТ ИМПРИНТИНГА

Существует мнение, будто домашнее животное способно заболевать теми же болезнями, что и хозяин. Иногда даже говорят, будто животное умирает, а хозяин выздоравливает. Мистика? Возможно. И тот случай, который с Котей произошел, я совсем не хочу в этот ранг фактов ставить. Но все же не могу не отметить того, что кот заболел болезнью, которая в наш век более, конечно же, человеку подходит, чем коту. (Правда, впервые она была обнаружена у мышей, у которых является естественным регулятором численности.)

Вначале вроде бы ничего не было. Только Котя перестал по ночам спать. Потом вдруг начал плакать, когда ему надо было в песочек, и лежать стал в странной позе: вытянувшись на животе и уперев в стену одну ногу.

Конечно, Котю надо было показать ветеринару. Но, вспоминая, как он ехал в машине с раскрытым ртом и безумными глазами, я понимала, везти Котю больше никуда нельзя.

Коте же становилось все хуже. И я стала замечать, что он боится выходить на балкон. То есть просто не выходит. Выбежит и сразу обратно: холодно ему. Шерсть у Коти начала вылезать. Она клубками каталась по полу, висела на шторах, летала по воздуху. Из большого красивого кота Котя превратился в заморыша. Мы привыкли к Коте и не очень-то замечали в нем перемены. Но люди, приходившие к нам, говорили: «Это — другой кот».

Котя перестал есть. Котя и до этого ел одну только сырую рыбу. Ни молоко, ни мясо, ни суп вообще не воспринимались им как что-то съедобное.

Сначала мама искала рыбу, ту рыбу, которую бы Котя ел. Мне казалось это занятие бессмысленным. Котя ел хек. А теперь

не ест хек. Котя был здоров, а теперь болен. Выздоровеет Котя и опять будет есть хек. Но мама искала рыбу. Спинку минтая сменяла ледяная рыба, потом солнечная. Котя ничего не ел.

Конечно, все начали думать об опухоли. И конечно, стали искать врача-ветеринара, который бы пришел домой. Хотелось, чтобы это был не какой-нибудь врач, неизвестный, а с рекомендацией и чтобы не только животных любил, но и людей и с нами разговаривал бы хорошо. Такой врач нашелся, но он был в отъезде.

Я смотрела на кота как на обреченного. А мама продолжала три раза в день ставить перед Котей еду, к которой Котя и не притрагивался, иногда даже и нюхать не подходил.

Надо сказать, что моя мама не из тех хозяек, у которых налаженное хозяйство и дать коту или собаке поесть — почти ничего для них не стоит. Делается это незаметно среди остальных многочисленных хозяйских дел. По выражению моей мамы, она родилась не для того, чтобы варить манную кашу. Однако пробовалось все: молоко, вареное мясо, сырое мясо, рыба всех сортов, сосиски, селедка.

Пустая трата энергии и сил, считала я. Только себя травмировать, потому что каждое такое сообщение: «И это не ест!» — наводило ужас.

Однако мама оказалась права. Так странно, что она, отнюдь не биолог, совсем не сведущий по части «теории питания» человек, чувствовала, знала, что Котю можно накормить, если найти то самое, что Котя хочет есть.

Так были открыты почки. И с того дня Котя признавал одни лишь почки. Нет не одни. Это тогда, когда мама открыла почки, Котя долгое время питался только ими. Видно, ему так надоела

рыба, что он готов был умереть, но не есть ничего другого. (Я с ужасом думаю, чем бы это кончилось, если бы мама не открыла почек.) Но через некоторое время, после того как Котя насытил свою душу почками, он стал есть и рыбу. Правда, не всякую, а только спинку минтая и лимонеллу.

Кошки вообще очень разборчивы в еде. Что это — баловство или естественная потребность?

Думается, что не баловство это. В природе животные отнюдь не все подряд едят. А кто их там балует? Никто. Так уж устроено, и если животное не найдет той пищи, которая ему нужна, то оно погибнет, но не будет есть что попало. Однако природа обычно «балует» всех: всем дает то, что им нужно.

Котя начал поправляться. Ребра уже не так прощупывались, и шерсть не так лезла, и кричать он стал меньше. Снова стал проявлять свои обычные свойства и характер. Снова стал подлизываться и обнимать лапками, когда не было еды.

И вот тут наконец приехал врач, которому я рассказала все с самого начала и до конца. И что же оказалось?

Стрессовая ситуация, в которую попал кот при неудачном двухчасовом переезде из дома отдыха в Москву, была «последней каплей» в той неестественной для Коти жизни, которую он в течение длительного времени вел в доме отдыха. А в результате — все Котины недомогания и болезни, в том числе и цистит, который явился следствием того, что Котя еще в доме отдыха простыл, гуляя утром по мокрой траве, в то время, когда убирали комнату. Не привычный к росе, Котя уже тогда застудил живот. И потом, попав в стрессовую ситуацию, получил осложнение именно на тот орган, который был наиболее уязвим. Поэтому он и лежал на животе. И то, что у Коти стала вылезать шерсть — это тоже было связано с потрясением организма. И то, что Коте надоела однообразная пища, которую он еще мог переносить в здоровом состоянии, а в больном ему это уже было не под силу, и перегрев (помните, как Котя, словно собака, ехал с открытым ртом) — это тоже был результат стрессового состояния, которое всегда потом дает спазмы и ощущение холода.

Когда животное так заболевает, тут-то мы и наблюдаем то самое сходство между всем живым, одинаково построенным и одинаково чувствующим.

Стресс, потрясение, «выброс» адреналина в кровь, спазмы,

нарушение сна, заболевание наиболее уязвимых органов — все это у всех, у кого только есть в крови адреналин (или его аналоги), есть нервная система и есть органы. Но животные, даже те из них, которые нам кажутся такими сильными и могучими,— оказываются подчас гораздо слабее человека. В общем, в целом, в конечном итоге. И когда люди говорят, что́, мол, с ним сделается, это же животное, оно же не понимает! Вот в том-то и беда, что «не понимает». Не понимает, как выйти из создавшегося положения, не понимает, что завтра может все измениться. Оно не понимает, да и не может пойти пожаловаться, добиться, решить начать новую жизнь, постараться отвлечься, опереться на друзей, да и еще многого не может и многого не понимает из того, что может понять в горе человек.

Но чувства имеют все. Чувства страха, любви, верности, и, будучи обнаженными, первозданными, ничем не прикрытыми и незамаскированными, они даже в большей степени иногда развиты у некоторых животных, нежели у человека.

А «стресс» этот самый, он как раз от того и происходит, что чувства берут верх. Испуг, страх, горе. И отвечает на них организм особо. Обычная реакция (выброс в кровь адреналина и других гормонов, обеспечивающих энергетический баланс в организме), направленная на поддержание его нормальной работы, при длительном перенапряжении (все равно каком — эмоциональном или физическом) оборачивается своей противоположной стороной: она истощает организм и разрушает его. И вот тут-то и начинаются все болезни, ибо поврежден один из главных регуляторов жизни — механизм подачи резерва сил.

Учеными установлено: животное, запечатленное на чужой вид, более ослаблено физически и нервно, и поэтому многие ситуации, переносимые другими животными, для него становятся стрессовыми, приводя к различным заболеваниям, к истощению нервной системы.

Как же лечить такие болезни? Как привести в равновесие организм, который весь расшатался? Как успокоить маятник, у которого разбита ось, и он, вместо того чтобы совершать правильные амплитуды, скачет, как ему захочется.

Все нарушено, все вразброд.

И у людей-то такие болезни лечатся настолько трудно, и настолько по-разному, и настолько мучительно, что, можно ска-

зать, и вообще почти не лечатся. Так течет жизнь, и «море», внутри человека бушующее, постепенно успокаивается. И вместо него текут уже «упорядоченные реки». Но все это нестойко, зыбко. И «река», раз разбушевавшаяся и вышедшая из берегов и затопившая все, при малейшем ветерке снова выходит из берегов. И снова внутри человека бушует «море», и снова надо ждать и ждать, чтобы опять все успокоилось.

Как же лечить эту болезнь, как углубить русло, как укрепить берега, чтобы хотя бы не всякий ветер, а только очень сильный, который может и во всю жизнь не обрушиться, чтобы только такой ветер гнал воду из берегов.

Надо было любить Котю, любить по-настоящему. Только покой, только доброжелательное отношение (положительные эмоции, как говорят) могли помочь. Именно помочь. Не вылечить, а помочь, это вроде гипса при переломе, чтобы кости были в покое и могли срастись, и срастись правильно. Это как постель при гриппе, чтобы легче было перенести болезнь.

ШАНТАЖ

Если бы папе, когда брали Котю, сказали, что он должен будет, сидя у себя в комнате за рабочим столом, отрываться от своей работы, вставать из-за стола, подходить к балконной двери и открывать ее, то впуская кота в комнату, то выпуская его на балкон, он пришел бы в ужас от одной этой идеи, кому-то пришедшей в голову. И никогда бы не поверил, что не только будет это делать, но будет так любить своего кота, что не станет даже раздражаться на то, что его отрывают от работы, что никому не позволено, и даже не будет замечать, что совершает такой героический для своего характера поступок.

Папа, как я уже говорила, не сразу полюбил Котю, но к тому времени, как Котя заболел, Котя покорил всех. Любили именно этого кота за те достоинства, которые просто нельзя было не увидеть. Любовь же в том и заключается, что тебя перестает раздражать то, что в противном случае просто выводило бы из себя. Ты начинаешь терпеть то, чего никогда бы не стерпел, если бы не так относился.

Котя будил нас каждую ночь. И у людей так бывает: пере-

нервничает человек или просто нервы у него не в порядке и начинает просыпаться ровно в пять утра.

Не знаю, какой нерв «просыпался» у Коти, возможно, тот же самый, что и у человека, но только ровно в пять Котя начинал орать. Надо было встать, проверить Котин песок, который обычно к тому времени, как Котя начинал орать, был еще сухим, далее надо было достать из холодильника почки или рыбу, нагреть их горячей водой, так как с тех пор, как Котя заболел, он не мог есть ничего холодного, только тогда Котя, как бы удовлетворившись нашим вставанием и заботой о нем и благополучно сходив туда, куда и до этого можно было сходить беспрепятственно, и съев то, что и до этого можно было съесть, так как Коте оставляли еду на ночь, только тогда он успокаивался и засыпал.

Сами понимаете, что как мы ни любили Котю, но каждый день просыпаться ровно в пять утра, вставать и ублажать кота, было нам не очень приятно.

И мы, естественно, старались подольше не проснуться. Мы слышали крик, слышали царапанье, понимали, что Котя обдирает обивку на кресле, на диване, и все равно спали — встать было трудно. Однако Котя нашел наконец нашу ахиллесову пяту. Стоило ему зацепить коготком край оборванных обоев и тихо, но ехидно и злорадно, как нам казалось, потянуть его на себя, как от этого незначительного, мягкого, но противного звука мы мгновенно вскакивали.

Котя это понял с первого раза. Он поймал нас. Нет, он не сразу начинал рвать обои, он давал нам возможность проснуться без особых потерь. Мяукал, плакал, жаловался. Но когда видел, что ничего не помогает, он направлялся к обоям.

Котя мог отодрать все обои, но зачем? Он отдирал чуть-чуть и ждал. Если мы не вставали (потому что, обессиленные, мы уже смирились и с этим обстоятельством, а именно, что в нашей комнате кусок обоев ободран), то кот начинал рвать обои по-настоящему.

Кот-шантажист, говорила я. И действительно, наш кот умел шантажировать. Шантажировал же он нас, стоя на окне, угрожая упасть с девятого этажа. И это мы тоже терпели.

Началось все с мух. За мухами Котя гонялся по всей квартире, и, если ему не удавалось поймать их, он начинал жалобно

мяукать, словно упрашивая мух самих влететь к нему в рот. Как только Котя начинал ловить мух, мы тут же закрывали все окна, боясь, что в азарте Котя может вылезть за мухой в окно. Так что муха оказывалась в плену. Единственное, что она могла,— это сесть на потолок, но почему-то мухи не сидят долго на одном месте, и Котя в конце концов настигал их на полу. Если же мы не успевали закрыть окно и муха, вылетев из окна, садилась на стекло с другой стороны, Котя вставал на задние лапы с наружной стороны окна, и тогда мы, затаив дыхание и боясь сделать лишнее движение, жалобно умоляли: «Котенька, иди сюда». Давали Коте самые вкусные кусочки, чтобы только он опустился на все четыре лапы и ушел от окна.

И что же? Котя не такой дурак, чтобы не понять нашего состояния, нашей всей любви к нему и той ситуации, в которую он нас повергал. И если коту вдруг надо было есть, а ему не давали или давали не то, Котя прямиком шел к открытому окну, вста-

вал на задние лапы и смотрел приблизительно таким взглядом: «Не дадите почки — сейчас сброшусь».

Ну конечно же, мы в ту же секунду принимали ультиматум и в ту же секунду, чем бы ни были заняты, все бросали и бежали давать Коте почки.

А Котя, увидев, что холодильник открыт, почки режутся, снисходительно, с полным ощущением своего права, опускался на все четыре лапы и спрыгивал с окна.

Шантаж. Тот же самый, что и в случае обоев, которые Котя рвал по ночам. Шантаж, угроза, целенаправленная хитрость, умение оценить обстановку, умение воспользоваться обстоятельствами, и все это не изначально, а как результат жизни в доме, в конкретном доме, среди данных, конкретных людей. (Что это, как не проявление тех же качеств, какие есть у человека!) И при этом Котя был так обаятелен, так прелестен и трогателен, что сердиться на него было невозможно.

Глава третья

ДУМАЮТ ЛИ ЖИВОТНЫЕ?

Некоторые популяризаторы любят ставить вопрос: «Думают ли животные?» Мне кажется, что сама постановка такого вопроса уже предполагает ответ отрицательный, вне зависимости от того, что хочет доказать автор. Ибо всем понятно: то, что мы вкладываем в понятие «думает», намного шире того, что может происходить с животными, если даже и предположить, что животные «думают».

Когда мы говорим о человеке — человек думает, мы прежде всего предполагаем, что человек имеет возможность думать на любую тему. Другой вопрос, правильно ли он решит поставленную перед ним задачу. Животные, по-видимому, имеют возможность «думать» только над некоторыми задачами, связанными с их конкретным поведением. Философией животные не занимаются, искусством тоже и науками тем более. И не стоит так широко ставить вопрос, не стоит для такой серьезной темы брать броские заголовки — тема эта и сама обратит на себя внимание без привлечения к ней рекламы. Но тогда не надо будет расчленять слово «думать» на множество смыслов и компонентов.

Зачем ставить вопрос: «Думают ли животные?», а потом переходить к разбору тропизмов (направленному «автоматическому» движению под действием раздражителя), рефлексов и других простейших механизмов, лежаших в основе поведения всего живого. Не проще ли и не честнее начать с рефлексов и тропизмов, а уж потом перейти к анализу некой сообразительности, присущей животным.

Когда-то считалось, что животное умнее человека. Действительно, если судить по результатам деятельности животного и человека, то животные могут и впрямь показаться умнее людей. Ибо каждое животное делает то, что ему нужно делать в его жизни, с таким умением, с таким знанием своего дела, с таким точным безошибочным расчетом, что ни один человек не может, не в состоянии угнаться за ним. И в этом нет ничего странного, за животного природой все придумано, продумано и рассчитано.

Человеку, для того чтобы что-то построить, сделать, изобрести, надо изучать законы физики, химии, математики. За животных это все изучено, за них все решено, и им даны уже готовые решения.

Фабричное производство в массе всегда точнее кустарного. Оно имеет тот стандарт прочности, красоты, выделки, которого можно достичь только при хорошо налаженном производстве, где множество специалистов разрабатывали каждую деталь. Но кустарное производство гибче и индивидуальнее. Ум животных — это фабричное производство. Человеческий ум — кустарное.

Зато человек имеет способность развивать свою «умственную» деятельность, зато от него зависит прогресс.

Умственная деятельность, так сказать, деятельность живого, зависящая от того, чтó это живое само узнало, решило и сделало, а не то чтó ему вложено от природы, эта деятельность человека присуща в разной степени и всем остальным живым существам.

Что такое: мы думаем?

Решение часто приходит внезапно. Мы закладываем вопросы и известную информацию о предмете в нашу голову, как дрова в печку. Мы их подкладываем и подкладываем, и вдруг вода в котле «сварилась».

Приходит решение. Мы никогда не можем проследить, как оно возникает.

Когда крутится колесо с нанесенными на него полосами, то полосы сливаются, и мы видим гладкую поверхность.

Такой эффект, возможно, получается и при рождении мысли. Тысячи механизмов действуют в голове, а в результате их действия является мысль. Мы не ощущаем ее возникновения, как не видим полос в быстро вращающемся колесе.

Развитие природы, всего живого происходит от простого к сложному. Почти все, во всяком случае основное, заложено уже у простейших и далее только усложняется, преобразуется, развивается, достигая совершенства. Я уже говорила — у рыб можно проследить зачатки многих черт характеров и форм, которые в дальнейшем получили развитие, совершенствуясь в других группах животного мира.

Поведение животных тоже развивается от простого к сложному, начиная с комплекса фиксированных действий, «запаянных систем», и далее, усложняясь, оно рассыпается на множество отдельных черт конкретных форм поведения. Понимание, которое присуще человеку, не сразу возникло. И конечно, оно имеет свое какое-то подобие в других группах животных.

Поэтому-то животное и способно решать некоторые житейские вопросы так же, как и человек. Но как ребенку не дана полная самостоятельность (пока он не вырастет, он зависит от взрослого), так и животному в силу его ограниченных, скудных умственных способностей предоставлена природой только незначительная самостоятельность в решении встающих перед ним проблем.

Но вот историческое развитие умственных способностей животных достигло совершенства — возник человек, и природа дала возможность человеку самому распорядиться свободой, самому определять свое поведение, оставив за ним только некоторые, совсем незначительные, но очень важные для сохранения жизни безусловные инстинкты.

Однако что такое — человек решает сам? Самостоятельность, возможно, тут только в том и состоит, умеет ли человек и хочет ли работать со своим мозгом. Хочет ли топить печь и забрасывать в нее дрова? Вот если хочет работать со своим мозгом, то мозг прекрасная «машина» для выработки мысли. Такая

«машина», каких человек, вероятно, все-таки не в состоянии сделать, хотя и пытается конструировать мозг. Ибо человеческий мозг, если вложить в него нужную информацию, натренировать на нужную волну и постоянно задавать нужные для решения данной задачи вопросы, вдруг приобретает способность к «полету», когда «неживые», материальные вещества превращаются в «живые», эмоциональные, парящие. Человек умеет рожать не только детей, не только себе подобных, но умеет рожать и живые мысли. Чем больше талант у человека, тем живее, одухотвореннее, значительнее его мысли. В рождении их участвует и характер человека, и способность его эмоционально чувствовать, способность любить, ненавидеть, и многое другое.

Вот эти свойства: любовь, злость, доброта, верность — присущи и животным, конечно же, в разной степени, в зависимости от того, насколько «высокоорганизованно», как принято говорить, это животное.

Ставится вопрос: «Думает ли животное?» — и приводится такой пример: собака грызет кость, насытившись, ищет, куда бы зарыть оставшуюся часть. Все естественно, обдуманно, умно. Но вот автор книги «Думают ли животные?» приводит другой пример: лиса попадает из естественных условий леса в искусственные условия зоопарка. Лиса сидит в клетке, получает мясо и остаток тоже старается зарыть. Она скребет пол, явно не поддающийся такому воздействию. Она скребет пол и вдруг как бы считает, что зарыла. После этого служитель может безболезненно для себя подойти к куску мяса и взять его. Лиса, до сих пор охраняющая мясо, теперь отдает его спокойно. Отсюда делается вывод: лиса зарывает мясо бездумно, в этом процессе не участвуют ее умственные способности, а участвует некий врожденный инстинкт зарывания лишней пищи, дабы спасти эту пищу от других животных и припрятать ее на черный день (целесообразное поведение, выработанное в процессе эволюции).

Прежде чем разбирать случай с лисой, расскажу о своем коте.

Наш кот не зарывает пищу. Такого элемента в поведении у него нет. Но как всем известно, кошки тоже умеют зарывать пищу. Однако для них более характерно другое зары-

вание. В домашних условиях часто песок заменяют мелкими бумажками или ставят подносы без песка. Кошки принимают любое из вышесказанных условий. И, несмотря на то, что засыпать им нечем, они каждый раз имитируют зарывание. То есть мы имеем тот же самый пример, что и с лисой: кот бессмысленно скребет пол под подносом. Однако я заметила, Котя не всегда скребет одинаково. Ночью, до своей болезни, он старался не будить нас и вовсе не скреб. Когда же мы просыпались, он бежал к подносу и начинал скрести, но явно для вида, чтобы привлечь внимание именно к тому подносу, который надо вымыть.

И это не один раз так делал Котя, а всегда, и случайности в том не было, а было целенаправленное действие, направленное на нас, на наше внимание, так сказать, условный разговор, разговор жестов, звуков.

Днем Котя обычно копал песок до тех пор, пока кто-либо не подходил. И тоже не всегда. Он удивительно чувствовал, когда есть надежда на то, что обратят на него внимание и поменяют песок, а когда этой надежды нет, и, копнув раз, другой, отходил. Возможно, он удовлетворял при этом свою потребность в движении закапывания. Ходит же человек из угла в угол в помещении, прекрасно зная, что он таким образом никуда не уйдет, ходит, потому что устал сидеть или лежать. Хождение заложено в человеке, он к нему приспособлен, и весь его организм требует от человека — «ходить». И он ходит тоже как бы бессмысленно.

Вот и кот, возможно, должен произвести в определенный момент движение закапывания вне зависимости от того, принесет-оно ему пользу или нет.

Во всяком случае, ясно одно: Котя копает песок не однозначно, а в зависимости от своего состояния и состояния окружающих.

В примере с лисой и собакой собаку сравнивали с лисой. Мол, если лиса бездумно рыла, то и собака тоже.

Почему бы и мне, в таком случае, не сравнить лису с моим котом — мол, раз кот копает не бездумно, а в зависимости от обстоятельств, то и у лисы, вероятно, не так просто обстоит дело в ее взаимоотношениях с пищей, которую она привыкла прятать, и вдруг некуда.

Некуда спрятать! Некоторое время лиса «зарывает» мясо,

отдавая дань привычке, желанию, наконец надежде на чудо. Но чудо не происходит. Мясо остается лежать на полу.

Почему надо обязательно полагать, что если лиса безболезненно отдает после этого мясо служителю зоопарка, то, значит, она считает мясо зарытым. Ведь можно рассудить и по-другому. Лиса уже хорошо поняла свои взаимоотношения со служителем и знает, что он принесет ей мясо обратно, так что лиса только для вида играет в эту игру и, выполнив ритуал, предоставляет мясо в распоряжение служителя; возможно, она для того и скребла пол (по аналогии с котом), чтобы дать понять служителю, что есть она больше не хочет и мясо надо спрятать.

Я только о том, что можно так посмотреть на этот вопрос, а можно иначе; что, поставив животное в опытные условия, мы забываем о его способности к конкретному решению поставленной перед ним задачи, обусловленной данной обстановкой и данным состоянием животного.

В науке иногда пользуются математическими символами, которые показывают взаимоотношения отдельных «желаний», «порывов».

Обозначим желание рыть буквой А, трезвое же понимание обстановки (наличие каменного пола вместо песка) буквой Б.

В начале опыта, когда лиса видит мясо, у нее А больше Б, поэтому она и начинает скрести каменный пол.

По мере расходования сил и эмоционального заряда, А уменьшается. Б же в это время растет. В результате А становится равным нулю, а Б приобретает свою реальную величину: лиса как бы осознает, что скрести пол бессмысленно.

Лиса «очнулась» и поняла, что она не в лесу, что она в неволе, где прятать еду вообще не нужно, так как тебя регулярно кормят.

Если бы лиса и после этого продолжала держать мясо во рту, не давая к нему подойти служителю, и так стояла бы до следующей еды, то это бы как раз и означало, что она действительно не разумна. А вот то, что лиса спокойно отдает мясо, доказывает обратное — насколько лиса понимает, где находится.

Человек, ставя опыт, часто неправильно ограничивает себя возможными решениями. Обычно опыты ставятся так, чтобы результат давал либо положительный, либо отрицательный ответ. При этом необоснованно отбрасываются все другие воз-

можные решения. Если поведение человека начать изучать с тех же позиций, с которых человек изучает животных, то оно тоже может оказаться неразумным.

Посмотрите, как «действенна» при этом оказывается математическая символика, определяющая количественную сторону различных эмоций, желаний.

Сегодня утром, когда я вышла из дома, у меня не было желания спускаться в метро и ехать под землей. Я вообще не очень люблю метро и часто предпочитаю ездить на троллейбусе. Едешь по светлым улицам, и можно подумать, что не по делу, а просто гуляешь или, во всяком случае, совмещаешь и то и другое. Итак, желание погулять (обозначим его буквой А) у меня в тот момент, когда я вышла из дома, пересиливало другое чувство (обозначим его буквой Б), а именно: следовать привычному курсу своего всегдашнего движения, то есть спуститься в метро, вход в которое рядом с моим домом и которое, как известно, является наибыстрейшим способом передвижения.

Таким образом, в момент моего выхода из дома А было больше Б. Посему я свернула налево и пошла к остановке троллейбуса. Остановка была от меня не так близко, как вход в метро, и я рассчитывала на некоторую, доступную мне по времени, прогулку.

Но что же оказалось? Пока я шла от дома до троллейбуса, я отчасти удовлетворила свое желание А, то есть пройтись. И в тот момент, когда я уже почти дошла до остановки, мои желания перераспределились. Теперь мне уже хотелось быстрее попасть к месту моего назначения. Утратив желание А, я ощутила, что мое желание Б, а именно: побыстрее попасть туда, куда я и шла, выросло до предела. Я поняла, ощутила вдруг всю реальность обстановки, я если и не опаздывала, то, во всяком случае, у меня не было большого количества свободного времени, которое я бы могла тратить впустую, так сказать, «кататься в троллейбусе» мне было некогда. Заметьте, эта реальность соотношения моего времени и разницы в скорости различного транспорта существовала и раньше, в тот момент, когда я выходила из дома, но тогда эта реальность была для меня окутана туманом благодаря желанию А.

В тот же момент, когда А сравнялось с нулем, а Б выросло до некоторой большой величины, я сообразила, что лучше все же

поехать на метро, тем более что для этого не нужно больше никуда ходить, так как второй вход в метро находится рядом с остановкой троллейбуса. Осознав все это, я вошла в метро.

Но как бы на это посмотрел наблюдатель со стороны? Для него я была бы конечно же неразумной. Подумать только: я вышла из дома и вместо того, чтобы перейти улицу и войти в метро, прошла зачем-то целый квартал до другого входа и только потом вошла в метро. Если бы мы наблюдали муравья, который в свой дом вошел не через ближний вход, а через дальний, мы бы обязательно про него сказали: «Муравей в плену привычных, заученных путей, природа не дает возможности даже такой свободы насекомому, как выбрать тот путь, который ему хочется». (Хотеться же ему почему-то должен обязательно ближайший путь.)

Проникнуть в тайны поведения животных трудно. Ведь это не жидкость, которую можно переливать из пробирки в пробирку и вся тут она у тебя на виду, и не символы, которые можно держать в голове, это живые существа, которые прячутся, а обнаруженные, ведут себя не так, как в естественной обстановке, когда их никто не видит. И именно потому, что животное не машина, отвечающая механически на те или иные раздражители, а живое существо, оно вовсе не обязано реагировать всегда однозначно. Реакции животных во многом зависят от их состояния. Вот если бы мы могли учесть всю сложность психологии поведенческих механизмов животных, но мы и половины их не знаем.

Попробуйте поговорить с теми, у кого живут коты или собаки, птицы или даже рыбы! И каждый будет вам рассказывать, что его собака или кошка, птичка, а то и рыбка все понимают.

Однако все так говорят и вроде бы верят в это, а в то же самое время — не до конца эта вера. А так, в игру какую-то превращается, в условность. Я, мол, тебе рассказываю, потому что сама наблюдала и видела, но это ровным счетом ничего не значит. И ты, слушая меня, удивляешься и восхищаешься, но точно так же понимаешь, что все, возможно, вовсе и не так, а просто нам кажется от одного желания видеть чудеса там, где их нет, от того, что простые совпадения мы принимаем за правила. Вот и еще один аспект: совпадения!

А животное, оно в доме вашем живет, во взаимоотношения с вами вступает, и хотите вы этого или не хотите, но насквозь вас видит и, как приучить, знает. И как суметь себя поставить — тоже знает.

Человек часто не умеет этого сделать, люди друг с другом не умеют общего языка найти, не умеют общаться, чтобы без скандалов, чтобы в мире и по любви. А животное ваше домашнее, особенно кошка ваша, найдет к вам лазейку и так подластится, и так проникнет к вам в душу, незаметно, тихо, не торопясь, что вы и опомниться не успеете, а уже в плену. В плену у этого, как некоторые полагают, не очень смыслящего животного, которого вы взяли, может быть, просто так, случайно, думая поразвлечься, и влипли в глубокие, сложнейшие, тончайшие отношения.

Вот оно как на деле-то получается. Вот отчего человек так животных порой любит. А были бы они (животные эти) безмозглыми, глупыми, так никогда бы такой любви у человека не вызывали. Потому что человек знает, кого любить, и в вопросах любви разборчив.

В книге «Советы любителям кошек» ее авторы — А. Фогель и Х.-Э. Шнайдер — пишут: «Коты тончайшим образом умеют чувствовать отношение к ним хозяев, знают, что нравится хозяину, а что не нравится, умеют изучить привычки хозяина и ими пользоваться, коты наблюдательны, они понимают каждое ваше движение, настойчивы в своих желаниях, умеют радоваться, умеют грустить... Если лягут на грудь хозяина, умеют даже вылечить кашель...» О том, что коты мысли могут читать, об этом еще не написано, но по телевизору уже и об этом рассказывают. И моя мама часто говорила: «Я еще только подумаю, а Котя уже знает». Да и я тому много примеров могу привести. Но доказательства этому всему где?

К счастью, есть такие науки, как, например, фенология (наука о сезонных изменениях в природе), которые без доказательств утверждают. На основе опыта, логики, умозаключений. Глаз, наконец, человеческих, которые видят. Не все, что видишь, можно (пока еще) доказать, но если ты это видишь, это тоже один из способов доказательства. Если видит тот, кому верят, или таких видящих слишком много, то им уже приходится верить.

С некоторых пор наука не игнорирует такие удивительные моменты разумности в действиях животных, которые нельзя отнести ни к инстинкту, ни к рефлексам, называя их инсайтами — озарениями, проблесками разума. И озарений таких становится все больше и больше.

Однако согласитесь, можно потерять рассудок, имея его. Но проявить разум, не имея его,— нельзя.

Значит, рассудок у животных есть! Он только скрыт, запрятан до времени, до того времени, пока не понадобится. Как аппетит, как усталость и одновременное желание уснуть.

В науке существует термин — «парадигма». Парадигма — это та основополагающая теория, которая в данный момент признана всеобщей, всеобъемлющей. Ей подчинено все. Ей верят, ей поклоняются, с ней сверяются. И не дай бог, чтобы ваши результаты оказались в противоречии с ней! В лучшем случае их назовут аномалиями (исключениями), в худшем — артефактами.

Но идет время, и «исключений» таких становится все больше и больше. Исключений из правил. Правила определяет парадигма.

В процессе эволюции науки одни парадигмы сменялись другими. Сменялись как раз вот из-за этих самых исключений. Ибо исключение может быть исключением (по своему определению), когда оно действительно исключение. Но когда этих исключений становится все больше и больше, то, хотят этого ученые — приверженцы старой парадигмы или не хотят, они, эти исключения, превращаются в правила, которые и рождают новую парадигму.

Так одна всеобъемлющая теория сменяется другой всеобъемлющей теорией, включающей в себя все исключения предыдущей теории, превращая их в правила.

К сожалению, явление инсайта пока еще исключение.

Когда открыли рефлексы, всем показалось, что открыли тот самый «атом», который мечтал найти Леб, чтобы с его помощью объяснить «все». Но по-видимому, рефлексом не только нельзя объяснить все, но рефлекс, оказавшись на какое-то время единственно доступным и видимым механизмом общения живого существа с окружающей средой, скрыл от нас все остальные его механизмы. Дело было не только в том, что все начали объяснять рефлексами, но что все возможно было объяснить ими.

И вот кульминация: американские ученые Аллен и Беатриса Гартнеры (1966) научили амслену (язык глухонемых людей в Америке) самку шимпанзе, которая впоследствии сама стала обучать этому языку других обезьян. Но в свете господствующей во всем мире теории рефлексов, для того чтобы этот факт занял поистине достойное ему место, Гартнерам пришлось долгие годы заниматься схоластическими, лингвистическими спорами, придумывать сотни специальных опытов для доказательства, что их обезьяны действительно разговаривают, а не действуют под влиянием выработанного у них рефлекса на жесты учителя, что их обезьяны не тупо подражают своему учителю, а действуют осмысленно, будучи им обучены, как могут быть обучены дети.

Однако давно уже пора действовать не только по принципу: докажите, что «понимает», но и по принципу: докажите, что «не понимает»; при этом действовать не только с позиций: раз схватила за резинку, когда зажегся свет, значит, рефлекс, значит, не понимает, но наконец принять во внимание тот неотъемлемый факт, что образование рефлекса (так же, как и у людей) еще не опровергает непонимания. Мы ведь тоже многое можем делать рефлекторно, при этом прекрасно сознавая, что мы делаем.

Действие рефлекса очень сильно. Действие выработанного рефлекса так сильно, что часто закрывает собой, затушевывает действие разума. Ученые же, имея налицо рефлекс, все списывают на его счет. Таковы, например, рассуждения о дельфинах американского ученого Фореста Гленна Вуда, выступившего против доктора медицины Джона Лилли. Джон Лилли, может быть, и перегнул палку, утверждая, что дельфины разговаривают по-английски, но, наблюдая за дельфинами, он стремился вырвать их из мрака рефлексов, в которых все потонуло.

Способность к пониманию, разумность у животных разная, поэтому для того, чтобы каждый раз не скатываться к объяснению всего путем рефлексов, надо четко разделить, чем «заведуют» они, а что привилегия инсайта (проблеска разума — озарения). Чтобы вновь и вновь не читать в книгах такую фразу: «Я бы мог сказать, что животные думают, если бы не знал, что суть всего — рефлексы» (Ж.-А. Фабр. «Жизнь насекомых» и Бауэр «Книга о слонах»).

Инстинкты, рефлексы, разум. Все это имеет место у всех.

Последнее почти у всех, но в разной степени. Задача науки — вскрыть методы, отделяющие одно от другого, выявить сущность происходящего.

Еще в 1955 году профессор Московского государственного университета Леонид Викторович Крушинский провел серию опытов. Дело было не в серии, дело было в методике.

Крушинский, как и многие, даже далекие от науки люди, общаясь с животными, столкнулся с несоответствием прочно укоренившегося мнения, будто все суть рефлексы с ясно наблюдаемым фактом: животные понимают. Не все, конечно, и не всегда, но понимают.

Наблюдения Крушинского над разумными действиями некоторых животных в природе привели его к опытам. Они не могли его не привести к этому, ибо одно наблюдение фактов — ничто, особенно в период главенствования теории, противоречащей этим фактам. Нужны были доказательства. Нужна была такая же простая схема, как: «мясо — слюна», «лампочка — слюна», покорившая всех своей чрезвычайной, прямо-таки «математической» простотой; нужна была такая же простая схема, которая бы своей простотой и наглядностью могла соперничать с предыдущей.

И такую схему Крушинский нашел: «мясо — тоннель», куда скрывается мясо, и снова — «мясо». Вся схема. Животное видит, куда ушла его пища (в тоннель), бежит снаружи тоннеля (непрозрачного коридора) и ждет: сейчас пища появится.

Разумно? Да. Но проявляют такую разумность не все животные, а лишь самые «умные». Остальные тоже могут догадаться, куда исчезло «мясо» и где его ждать, но догадаться не сразу, не с первой попытки, а после обучения, или вообще не догадаться. Конечно же, таких слов: «догадаться» или «не догадаться» — Крушинский не употребляет. Опыт поставлен ученым, выступившим против теории, ставшей парадигмой. Здесь надо быть до предела точным.

Вместо обычных слов «догадаться» и «не догадаться» употребляется научный термин — экстраполяция. Животных разделяют на тех, кто способен «экстраполировать (предугадывать) ситуацию», в данном случае направление движения уходящей «в

небытие» кормушки с кормом, и на тех, кто не обладают такой способностью, топчутся на месте или уходят прочь.

Изучению разной степени способности решения элементарных логических задач начинают подвергаться представители всех классов животных. Составляются таблицы. В классе млекопитающих наверху оказываются псовые (волки, красные лисы, собаки), внизу — мыши. Кошки, конечно же, глупее собак: они не так быстро решают эту задачу — куда исчезает мясо и куда надо за ним бежать.

В своих работах Крушинский опирается на новые исследования нейрофизиологов, определяя зависимость «экстраполирующего эффекта» от уровня усложнения структур мозга.

Все брошено на борьбу с парадигмой. Именно с ней, не с рефлексами, не с условно-рефлекторной деятельностью, а именно с ней, всесильной парадигмой. Ибо опыты Крушинского вовсе не опровергают ни наличия рефлексов, ни их огромного значения для всего живого и для формирования поведения, эти опыты направлены лишь на то, чтобы пробить брешь в огульном, всепоглощающем разгуле условно-рефлекторной парадигмы.

Девять лет потребовалось Крушинскому, чтобы вышло второе издание его книги «Биологические основы рассудочной деятельности» (М., 1986). Но теперь эта работа члена-корреспондента Леонида Викторовича Крушинского наконец получает достойное признание. До этого она как бы была и не была. Она была, но мало что изменяла. Изменило время. Парадигма, как живое существо, вероятно, имеет свой возраст (еще бы! Идет смена поколений, смена взглядов). Накопились факты, их такое количество, этих фактов «разумности животных», этих инсайтов, что от них уже никуда не уйдешь.

Кроме того, во втором издании Крушинский опубликовал новые опыты, открыл удивительное явление, которое он назвал парадоксом высшей нервно-психической деятельности у животных. Парадокс заключается в том, что наиболее умные особи (помните того жука или моего Котю), решая логическую задачу с первого предъявления, истратив при этом массу энергии, «срываются» и перестают вообще что-либо «понимать», то есть становятся попросту «дураками», в то время как не очень умные, средние по способности индивиды, которые не решают задач с

первого предъявления, а решают их совсем другим путем — рефлекторным, особой энергии при этом не тратят и в «дураков» не превращаются, а так и остаются «средними». Поистине парадоксальное явление! Позволяющее отделить рассудочную деятельность от условно-рефлекторной. Но более того, Крушинский опытным путем, удаляя отдельные участки мозга, отдельные скопления нейронов, устанавливает, что условно-рефлекторная деятельность и рассудочная связаны с разными отделами мозга.

Таким образом, Крушинский не только установил, что животные способны к решению элементарных логических задач, что они обладают элементарной рассудочной деятельностью, но и доказал, что эта деятельность отлична от условно-рефлекторной как по своей природе, так и по месту локализации в головном мозге.

Работам Леонида Викторовича Крушинского была присуждена Государственная премия.

Казалось бы, все самое главное наконец доказано, парадигма повергнута, рефлексы заняли свое место, а рассудок — свое и нечего более ломиться в открытые двери. Однако все обстоит не так просто, как кажется, и двери, лишь чуть-чуть приоткрывшись, каждую секунду готовы закрыться.

В чем же дело? А дело тут тонкое, я бы сказала — тончайшее.

С одной стороны, произошло невиданное: нейрофизиологи с помощью новых методов изучили мозг, его функциональную деятельность на уровне нейронов (нервных клеток), изучили связи этих нейронов, скопления их, изменения в их структуре, соответствующие той или иной деятельности мозга, дав предпосылки для создания интереснейшей теории «специфических состояний мозга».

Естественно, физиология высшей нервной деятельности не могла остаться в стороне от этих открытий. И если раньше условно-рефлекторный процесс, представляясь функционально однородным, предполагал, что организм должен отвечать на любой раздражитель внешней среды, то теперь условно-рефлекторная деятельность стала рассматриваться уже как производная ряда различных механизмов, которые оказались способны из всех внешних раздражителей выделять особо значимый раздра-

житель для данного организма, в данных условиях и реагировать лишь на него.

Если раньше рефлекторная дуга рисовалась довольно просто, то теперь выяснилось, что сенсорные системы (системы органов чувств) чрезвычайно сложны, аксоны (отростки нейронов) центростремительных путей разветвляются, отдавая ответвления в такие части мозга, о существовании которых ранее и не предполагали. Таким образом, само собой понятие условно-рефлекторной системы усложнилось.

И вот тут усложненная и приукрашенная теория условно-рефлекторной деятельности начинает занимать прежние позиции.

И для этого, оказалось, даже не надо отрицать ни разума, ни рассудка, чего опасался Крушинский, предупреждая, что некоторые физиологи до сих пор, несмотря ни на что, считают, что мышление суть рекомбинация рефлексов (Крушинский, 1986). Зачем? Не надо ничего отрицать, пусть себе рассудок и существует, но пойди и докажи, у кого существует и в какой степени.

Условно-рефлекторная деятельность и рассудочная оказались (в свете новых представлений об условно-рефлекторном процессе) так тесно связаны с одними и теми же явлениями — эмоциями, памятью, обучением и другими,— что разделить их действительно подчас чрезвычайно трудно.

Исследователю как бы всегда мешает рефлекс, он старается избавиться от него, меняет экспериментаторов, установки, только чтобы можно было написать: «Возможность выработки условного рефлекса в данном опыте была исключена». Лишь тогда, когда эту фразу ученый (все равно где — у нас или на западе) может написать, только тогда он удовлетворен и своей методикой, и своей постановкой вопроса, и своими результатами.

Однако если экспериментатор другой школы захочет, то он без особого труда докажет, что «рефлекс присутствует» — условный, выработанный на экспериментатора, на обстановку, на что угодно и что «рассудок» у подопытного животного возможно и существует, но «опыт» не «чист», а потому надо еще доказывать и доказывать!

Недавно вышла книга о поведении животных английского

автора Д. Мак-Фарленда, где он пишет, что опять поставлены под сомнение опыты Гарднеров. (Сколько же можно!)

Избавиться от условных и безусловных рефлексов, отделить их действие в опыте от действия разума, рассудочной деятельности головного мозга действительно трудно, и удается это редко, ибо условные рефлексы «пронизывают всё» и присутствуют в той или иной модификации почти всегда. Избавиться от них — это все равно что избавиться от крови, от кровеносной системы или другой системы организма. Мы можем лишь приглушить или отдифференцировать (отделить) их действие, найдя удачную методику, подобную методике Крушинского, где на первое место выступает действие разума, рассудочная деятельность головного мозга.

Во втором разделе книги «Биологические основы рассудочной деятельности» Крушинский пытается найти критерий, с помощью которого, наблюдая за поведением животного уже теперь в естественных условиях, можно было бы точно сказать: это рассудочная деятельность, а это — условный рефлекс, а это — инстинкт (безусловный рефлекс). Но оказывается, что критерия такого — нет.

Леонид Викторович Крушинский пытается наметить его, советуя изучать оборонительные, нешаблонные реакции животных, но тут же ему приходится оговариваться, так как инстинктивное поведение животных так же часто обладает изменчивостью и пластичностью.

И с «производством орудий производства» (уж куда как не критерий разумности животных) дело обстоит не лучше. Вьюрок делает палочки, чтобы выковыривать ими из щелей червячков — вроде бы разумно, а вот паук плетет паутину для постройки сложнейших «домов» — это его естественное физиологическое свойство. А дельфины — такие «умные животные» — вообще ничего не строят.

Да и вьюрок, кстати, который всюду приводится как пример птицы, делающей орудия производства, этот самый вьюрок чрезвычайно любопытно себя ведет в неестественных для него условиях. В клетке вьюрки, получив доступ к палочкам, засовывают их в любые отверстия, играя друг с другом. Как разоб-

раться, чего тут больше: безусловного рефлекса, осмысленного действия — поиска личинок, или игры в палочки, дабы удовлетворить свою потребность оперированием палочек, заложенную в них от природы? (Подобно тому, как лиса удовлетворяла свою потребность в закапывании пищи, имитируя зарывание на голом полу клетки.)

Животное, действуя бессознательно, следуя заложенному в нем от природы инстинкту, может одновременно и осознавать свои действия. «Талант» заложен в каждом. В одном — это умение струей воды сбивать на лету насекомых, у другого — петь, у третьего — прыгать. Талантов у животных хоть отбавляй.

Светлячок умеет светиться, а обезьяна раскачиваться на хвосте. Разве это не таланты? Если животное при этом осознает то, что оно делает, то, попадая в затруднительное либо необычное для него положение, может ли оно менять, может ли корректировать свои поступки в пределах своего таланта (возможно приобретая при этом «новые таланты», совершенствуя свое «искусство»)? И если может, то какое место занимает собственное решение задачи в деятельности индивида, когда он попадает в затруднительное положение и надо что-то решать?

...Однажды, сидя рядом с корягой, которая преграждала путь небольшому ручейку — обмелевшей реке Трубинке, я стала бросать в воду кусочки белого хлеба.

Сначала появился один малек, ткнулся головой о хлеб, уплыл. Потом другой. Хлеб мальки не ели, его уносило сильным течением, да и куски были слишком большие.

Тогда я стала делать из хлеба шарики. И если шарик был не очень велик, то мальки ловили его, во рту приносили к берегу и тут устраивали бои.

И вдруг началось нечто совсем новое. Один из мальков — назовем его «лидером» (сейчас это модно),— схватив шарик в рот, начал быстро плавать — прямо-таки бегать туда-сюда,— и все мальки цепочкой за ним. А «лидер» — зигзагами от них, выпустит шарик, опять схватит и опять «бегает».

С этого «лидера» и началось. А потом их появилось несколько. Один у другого отнимет шарик и «бегает» — зигзагами или кругами, но все время в гуще мальков. Потом шарик исчезает. Иногда во рту у «лидера», иногда уплывает. Но вот что самое интересное — малек с шариком (обычно это самый большой из

всех мальков) явно играет с другими. Зовет их за собой, убегает от них. И если убежал далеко и уже вокруг нет никого, то он возвращается. Заметьте: не съедает шарик, оставшись один, без соперников, не бросает его, а возвращается обратно в кучу плавающих и как бы ждущих продолжения игры мальков. И снова «мяч на поле»! Снова за ним «бегают», отнимают, подхватывают!

Однажды, когда мальки особенно разыгрались (в тот день образовалось несколько центров игры), я увидела, как из-под коряги выползли два пескаря. Большая, осторожно-любопытная самка (долго она терпела в своем укрытии и не выдержала) поползла по дну, за ней вылез самец. И тоже стал ползать среди кишащих мальков. Они ползали недолго и уползли обратно.

Но так я узнала, что живут пескари именно там, под корягой, и что дом их удивительно благоустроен. Вода омывает его, бурлит у берегов, с шумом пробиваясь за корягу, а здесь, под корягой, тихо, уютно, никто их не видит, у них же все на виду и дети их — мальки — тоже.

Каждый раз, когда я приходила к коряге, я видела, как мальки (теперь я знала, что это маленькие пескарики) ожидают меня, если я приходила в один и тот же час, и как они «ожидают еще пуще», если я пропускаю день или два, и как они выставляют «караул», который тут же сообщал остальным пескарикам о моем неожиданном появлении.

Что в этом удивительного, скажут мне, с высоты того количества исследований условно-рефлекторного поведения животных, какое мы имеем на сегодняшний день? Или тех знаний законов, которые управляют сообществами?

Однако дело тут совсем в другом. Дело в том, что наблюдение подчас, как говорится, простое и совершенно случайное может вдруг стать совсем не таким простым и уж вовсе не случайным, и тогда может открыться вам нечто невероятное: может (если повезет!) возникнуть такое понимание между наблюдателем и наблюдаемым, которое неожиданно станет ведущим «стимулом» происходящего!

Меня не было в деревне, где течет река Трубинка, месяц, а когда я приехала и буквально примчалась к коряге, я не увидела сначала никого. Но потом «пришли» все, сколько их там было (ибо пескариков приплыло огромное количество), и они не

только не забыли игры с хлебными шариками, но играли как никогда, словно весь месяц только и ждали этого момента и уже не надеялись, что он наступит, но где-то в своем мозгу продолжали совершенствовать приемы игры и теперь применяли их, демонстрируя мне и тут же на ходу придумывая новые.

В науке существует проблема распознавания образов: как сделать так, чтобы машина отличала красивую вещь от некрасивой, талантливую от бездарной. Однако очень трудно оказалось подчас заменить человека во многих пунктах оценок, где человек решает вопросы сразу, не задумываясь. Потому что человек (уж каким способом — это другой вопрос и пока во многом не имеющий ответа) обладает способностью правильно видеть, оценивать и решать.

Да, критерий научного наблюдения поведения жизни животных в естественных условиях сложен. Он состоит из особой интуиции наблюдателя. Мы имеем дело с «немыми существами». Но именно человеческий глаз часто способен проникнуть в «душу» животного, проникнуть и правильно понять то, что с ним происходит. И никакая машина не заменит вам того, что может увидеть человек в глазах смотрящего на него живого существа.

Так имеем ли мы право пренебрегать наблюдательностью человека, его способностью правильно оценивать свои наблюдения. Зачем громоздить машины там, где они не нужны?

Вы скажете, пока нет точных критериев оценки, выводы из таких наблюдений могут быть ошибочны. И это опасно. Однако не опаснее (как мы уже убедились) того, когда был как бы найден один из «критериев» — условный рефлекс, превратившийся в такую «машину», которая все смела и переработала на своем пути, объясняя любую деятельность животного действием одного сплошного тупого рефлекса.

Иван Петрович Павлов, запретив в своей лаборатории слова: «животные думают, чувствуют, понимают», боролся с «теорией антропоморфизма» (уподобления человеку), в то время очень распространенной, мешающей продвижению науки вперед, стоящей на пути новых исследований. (Кстати, к концу жизни академик Павлов высказывался в пользу некоторой разумности высших позвоночных животных. Но его слова потонули тогда в его же теории условно-рефлекторной деятель-

ности, ибо с парадигмой бороться трудно даже тому, кто ее породил.)

Однако теперь чего нам бояться? Теперь мы другие. Теперь, когда по-новому определен процесс условно-рефлекторной деятельности, когда мы располагаем тончайшими методиками (на уровне нейрона) для проверки фактов, думается, не только не следует бояться визуальной оценки наблюдения специалиста за поведением животных, но оно, это наблюдение, может явиться одним из лучших, стремительно проникающих в суть новых явлений инструментом познания!

И какой еще нужен «критерий», если не тот, который рождается в голове ученого в результате сопоставления накопившихся фактов, теорий, методик?

А если к тому же эти знания не будут возвращать мысль к установившимся догмам, то их совокупность способна дать то интуитивное представление о происходящем в поведении животного, которое в сочетании с «острым глазом» может привести к открытиям, к каким не приведут и сотни опытов.

И надо бы перестать говорить, как о чуде,— о решении животным логических задач, об инсайтах, как об озарениях, неизвестно откуда взявшихся. Озарений не бывает, если нечему озаряться! Камень при всем желании может «родить» только камень, но не мысль.

Современное представление о работе мозга (от первых попыток создания Ухтомским «принципа доминанты» до современной теории «специфических состояний мозга») позволяет нарисовать картину возникновения инсайта не как ниоткуда взявшегося феномена, а как естественную реакцию животного, попавшего в сложную ситуацию, из которой оно умеет найти выход.

Как теперь известно, каждому действию животного соответствует специфическое состояние мозга. Состояния мозга беспрерывно меняются как функционально, так и структурно, эти состояния мозга, определяющие поведение животных, с одной стороны, и сами зависящие от происходящих с животным действий — с другой, вобрали в себя всевозможные психофизические процессы и явления: мотивации, эмоции, предыдущий опыт со всеми видами обучения, в том числе и импринтинг, память, и все механизмы, с помощью которых происходит взаимодействие животных с действительностью.

Состояние мозга как бы обладает автономными свойствами живого существа: знает и что внутри организма делается, вплоть до каждой клеточки, и что во вне, и что этому организму надо, сообразуясь с его прошлым опытом. Вот оно-то и определяет, каким путем идти: инстинктивным, рефлекторным, разумным или всеми вместе, а может быть, сделать финт — выброс — инсайт! Решить что-то небывалое и снова спрятаться в свое следущее состояние мозга.

Состояния мозга были уже тогда, когда настоящего мозга еще и не существовало. В самом начале развития, когда были только его зачатки, но они уже умели в ходе эволюции поведения отложить в память (генетическую память) наиболее удачные проявления этого поведения, создавая тем самым новые структуры, а следовательно, новые состояния мозга.

Мозг развивался. Удивительное дело. Для того чтобы быть умным и решать логические задачи, оказалось не обязательным обладать теми отделами мозга, которые как бы несли разум, прогресс. Разум в эволюции мог вдруг появиться на фоне бездарности, и не функциональной, а органической. Казалось бы, если нет у птиц отделов мозга, «которыми рассуждают», то это значит: как ни прыгай, как ни летай, а глуп ты и рассудочная твоя деятельность не только не элементарна, но прямо-таки должна приближаться к нулю.

Но оказывается, это не так. Нет у птиц коры больших полушарий, но зато есть другой отдел мозга «стриатум». И вот этот «стриатум», который существовал и у черепах, и еще у более древних существ, вдруг берет на себя необычную для него функцию — догнать по своему развитию кору больших полушарий млекопитающих и стать органом, который мог бы заменить деятельность этой коры у птиц. Догнать он, конечно, не догнал, но кое-какие структуры, которые мы потом видим в коре больших полушарий, у него появились. Правда, у разных птиц в разной степени.

А в результате потрясающий факт: ворона, у которой стриатум развит более, чем у всех других птиц, оказалась по решению логических задач ближе к представителю млекопитающих, например к кошке, нежели к курице (Крушинский, 1986).

Развитие мозга в эволюции шло разными путями. С одной стороны, появляются новые образования — «новая кора», разви-

вающаяся в дальнейшем в кору больших полушарий; с другой — усовершенствуются старые — развиваются ядра стриатума.

Но если новая кора, возникнув, имеет возможность развития (образуя в дальнейшем сложнейшие отделы коры больших полушарий), если это развитие ведет в конечном итоге к появлению человека, то стриатум со всеми своими усложненными структурами лишь эпизод в эволюции, лишь тот пробный камень, который позволяет как бы проверить (испытать) структуры (ведя их к совершенству) в разных группах животных, на разном уровне, при этом давая выбросы совершенства то в одном, то в другом виде. (Подобно тому, как зачатки форм и различных черт характеров, начиная свое развитие у рыб, продолжали его в других классах животного царства.)

А в результате кажущаяся примитивность поведения у одних животных и сверхумное поведение у других может оказаться сбалансировано природой в чем-то, пока еще нам не известном, и поведение, представляющееся простым, на самом деле будет чрезвычайно сложным. Ибо им могут заведовать не только уже открытые структуры мозга, к которым с помощью микроэлектронной техники мы теперь имеем доступ, но и совсем новые образования еще не открытых, более сложных структур. И это не фантазия. Ведь пока полностью не раскрыт механизм поведения животного, любая, самая что ни на есть доказанная и принятая к изучению и обращению в обиходе теория — весьма проблематична.

Человек, осознавая себя, осознает и все вокруг. В наше время литература о животных, можно сказать, завоевывает мир.

«Животное — тоже человек» — приблизительно так кричат эти книги. И моя книга кричит о том же. Конечно, животное — не человек, уж скорее человек — это тоже животное (по формальной логике).

Конечно, животное это не человек, но оно имеет право на многое и уж во всяком случае на то, чтобы люди, изучая их, исходили не только из принципа «животное не понимает ничего, докажите, что оно понимает», но и из обратного: «животное понимает все — докажите, что оно не понимает».

И это не одно и то же, как кажется. Это принципиальная установка, с которой ученый начинает опыт и затем делает выводы. А принципиальная установка слишком большое оружие

в руках человека, подчас не зависящее от его желания быть объективным.

Я не против существующей постановки вопроса, но она уже была, просуществовала не одно десятилетие, и из нее выжать что-нибудь новое, мне думается, просто невозможно.

Наука о поведении животных — наука молодая. Факты, которыми она располагает, несмотря на все усилия этологов и просто биологов-естествоиспытателей, к сожалению, пока еще не так многочисленны, а главное, отрывочны и часто носят случайный характер. Нет еще планомерного изучения поведения животных, его систематического изучения, какому подвергались в свое время, скажем, скелет, или внутренние органы животных, или те же самые рефлексы. Отсюда и знаем мы о жизни животных не так уж много, и суждения наши подчас поверхностны, и выводы односторонни, а теории маломощны.

Некоторые ученые полагают, что одной из причин, почему наука о поведении животных развивается не так быстро, как хотелось бы, является то, что у нее пока еще не до конца выработан свой научный язык. Терминов много, но они подчас недостаточно связаны между собой, нет внутреннего связующего стержня; смежные науки (зоопсихология, нейрофизиология, биохимия, генетика и другие), внося свой вклад в науку о поведении животных, используя при этом свои термины, претендуют на прямую трансформацию своих идей в этой науке.

Параллельно с этим процессом идет описательный процесс, и думается, что он также играет важную роль в формировании научного языка.

Писатели пишут романы, повести, рассказы, где в художественной форме описывают жизнь людей, опираясь на их психологию, на свои собственные наблюдения.

Человек наблюдает человека и описывает его поведение. Художественные книги — это не наука, но это правда (если мы имеем дело не с фантастикой и не сказкой), и от писателей не требуют научного языка, для того чтобы поверить им, а наоборот, чем художественнее описание, тем ценнее книга, тем ценнее обобщение, на которое и ученые могут опереться в своих выводах.

Встает вопрос: какое отношение имеет к науке о поведении животных художественное описание жизни животного?

Любая наука создается в развитии, во времени, в истории. И начало всякой науки — описание. И так как мы имеем дело с описанием поведения животных (то есть почти с романами, повестями и рассказами), то думается, что художественное описание в данном случае не только не помешает, а, наоборот, принесет пользу.

Ведь совершенно неизвестно, что потребуется науке о поведении животных, когда она вплотную вступит во второй свой период, когда она будет обобщать свои факты (не игнорируя, конечно же, факты и теории смежных наук), будет создавать свои теории (подобно теориям импринтинга или комплекса фиксированных действий). Тогда, может быть, ей и потребуются как раз те самые эмоциональные подробности, которые сейчас могут быть выражены лишь в художественной форме.

Вот почему современные крупные этологи, такие как Лоренц, Даррелл, Шовен, пишут свои книги в художественной форме, описывая поведение животных обыкновенным разговорным языком, справедливо считая при этом, что они тем самым развивают науку.

Глава четвертая

ЧАПА И ЧАПОЛИТА

Котю мы любили, Котю мы баловали, от Коти все терпели. И Коте постепенно становилось лучше. И живот у него уже не так часто болел, и есть он стал больше, и шерсть не так лезла. И вообще, кот несколько подрос. Дело, правда, осложнялось тем, что болезнь захватила Котю в самый, так сказать, трудный момент его роста. И люди часто именно в это время заболевают, в момент созревания, когда ты уже не ребенок, но еще и не зрелый человек.

Котя как раз в этот период созревал.

О будущей жене Коти я давно слышала, потому что ее давно уже предлагали Коте в жены. Слышала, что она черная, пушистая и роскошная.

Но я понимала, что после неудачного переезда из дома

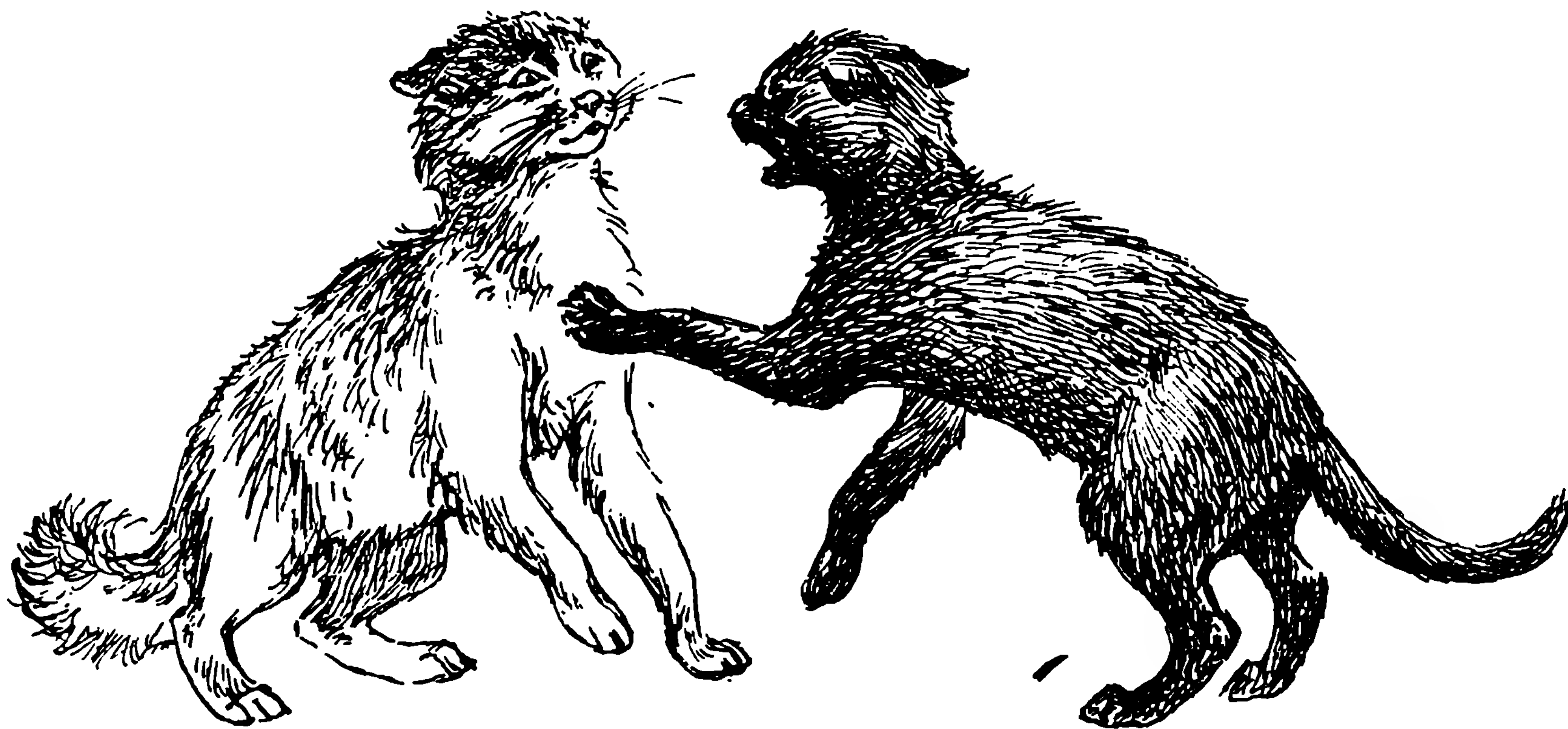
отдыха в Москву Котю долго еще никуда нельзя будет возить, и поэтому попросила хозяев кошечки привезти ее к нам. Хозяева согласились, и на следующий день Чапа (так звали будущую жену Коти) была у нас.

Я смотрела на Чапу и думала о том, что любимое существо, конечно же, может казаться несколько красивее тому, кто его любит, но все же должны быть какие-то пределы необъективности. Чапа действительно была черная, но такая длинная и худая, а спина у нее была настолько облезлая, что о «красоте», если она и существовала когда-то, теперь говорили лишь только длинные остья волос, спускавшихся кисточками по бокам.

Мне было жалко Котю. Но у Коти, очевидно, было другое мнение относительно Чапы. Увидев ее, он тут же забыл обо всех. Чапа же вела себя довольно странно. Поначалу, казалось, она манила за собой Котю, но, как только Котя настигал ее, она оборачивалась и шипела. Котя садился и озадаченно смотрел на нее. У Коти был тик. Самый настоящий. Когда Котя нервничал, он начинал часто-часто мигать. Котя сидел перед Чапой, мигал, и шерсть на нем вздрагивала.

Шли третьи сутки. Чапа прямо-таки изводила нашего Котю своими увертками и кокетством, хотя было непонятно, откуда оно у нее, у этой «облезлой крысы»? Так про себя я ругала Чапу.

Оба ничего не ели, и хозяева Чапы, обеспокоенные происхо-

дящим, решили навестить свою любимицу. Но каково же было их удивление, когда эта любимица, как только они вошли в комнату, тут же спряталась под кровать.

Николай Николаевич, хозяин Чапы, с уверенным видом человека, который знает, что надо делать в таких случаях, вынул из кармана бутылочку и пощелкал по ней пальцем. «Чапа, Чапа!» — позвал он.

И действительно, Чапа, высунув мордочку, посмотрела на бутылку и подошла к Николаю Николаевичу.

Я не могла про себя не отметить: какие-то совсем другие отношения были у Чапы с хозяином, совсем другие, не похожие на наши отношения с Котей.

Чапа крутилась возле ног Николая Николаевича, а тот все пощелкивал и пощелкивал по бутылочке. У Чапы было тоскливое, покорное выражение «лица». Видно было, что она покорялась чему-то, что всегда ее интересовало и теперь должно было интересовать, но сейчас не интересует и просто из «уважения» к сему предмету (в бутылочке была валерьянка) заставляет крутиться и не уходить.

Увидев все это, хозяева Чапы решили оставить ее еще на два-три дня. И Чапу оставили. Но очевидно, Чапа хорошо поняла, что ей дали лишь небольшую отсрочку: она изгибается как балерина и бегает по квартире еще пуще прежнего.

А Котя уже буквально падает с ног: он больше не в состоянии ни спать, ни есть, ни бегать за Чапой.

Котя вспоминает о нас. Он приходит к моей маме и сразу же засыпает. Чапа не может вынести Котиного беспробудного сна. Она тормошит его, и сонный Котя снова плетется за ней. Тогда вдруг Чапа изгибается и бьет Котю по «лицу», бьет, как обиженная женщина, негодующая на спящего на ходу мужа.

И тут я понимаю: дело, конечно, не в Чапе (надо быть справедливой), которая пусть и облезлая и «неодухотворенная», но нормальная кошка. Дело в моем Коте! Возвращение к своему виду, понимание, что ты кот, приобретение навыков, правил после случившегося в детстве «запечатления на другой вид», происходит медленно, постепенно и сложно. Сначала кот ему прокусил лапу, затем — серая кошечка, которая сидела напротив него часами и что-то внушала ему; и вот теперь — Чапа.

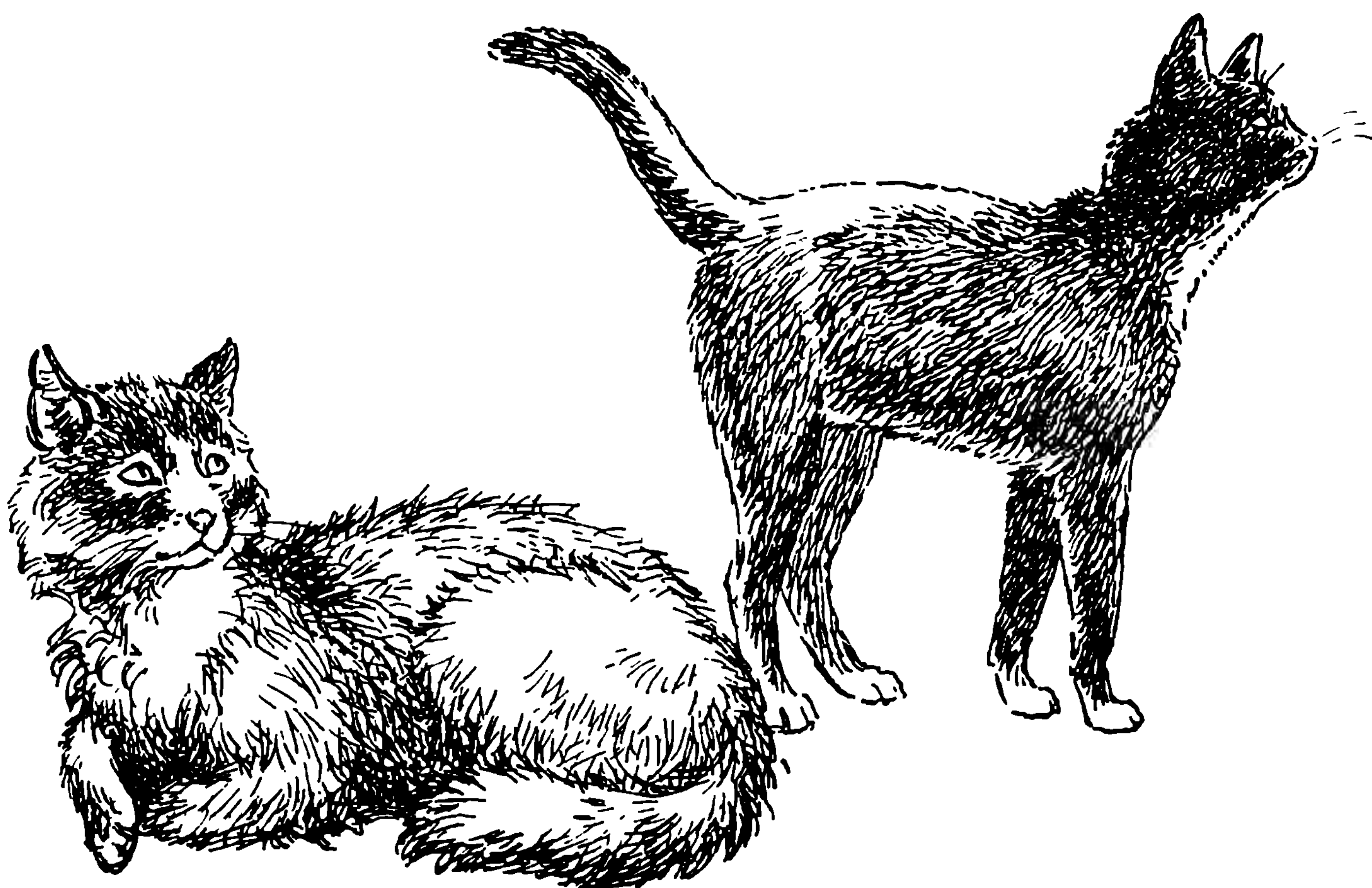
Майнарди пытался спарить лису с собакой. И хотя лисе (это

был самец, а потому будем называть его лисом) и нравились собаки, так как он был запечатлен на собак, так что чувствовал себя в некотором роде «собакой» и готов был полюбить собаку, но собака оказалась строптивой и не смогла (по мнению Майнарди) опуститься так низко, чтобы отдать свою любовь лису, который по рангу был ниже ее. А лис действительно оказался рангом ниже: позволял собакам делать с собой что угодно и вел себя не так, как подобает настоящему самцу, которому достойно отдать свою любовь. Такие выводы делает Майнарди. Ему так и не удалось получить потомство от лисицы и собаки.

Ранги, определяющие, кто выше стоит на иерархической лестнице, а кто ниже, играют у некоторых животных большую роль в выборе партнеров.

В случае Коти и Чапы вопрос о рангах, по-видимому, не стоял. И это в данном случае отличает опыт Майнарди от моего. Котя не только не соответствовал идеалу, не только не умел подчинить себе Чапу, не только не был выше ее (по кошачьим понятиям), но был, видно, до того странным в своем поведении, что выходил из ряда тех, которые вообще имеют какие-либо ранги. И все поведение Чапы поэтому было направлено лишь на то, чтобы вывести Котю из состояния наивности, непонимания и детства, на то, чтобы вынуть из Коти одно содержание и вложить другое.

Котя не сопротивлялся, он покорно ходил за Чапой, принимая все ее побои и все ее негодование. Но лучше бы он возму-

тился, лучше бы обиделся, окрысился, схватил за шею, проявил бы хоть какую-то свою сущность!

Однако Чапа не собака, а Котя не лис, и Чапа добилась: у нее родились котята.

Но только гораздо позже, когда у Коти появилась вторая кошечка (кстати, дочь Чапы от другого брака, и звали ее Чаполита), нам стало ясно, какое значение в жизни Коти имела встреча с этой, казалось бы некрасивой, «неодухотворенной» Чапой, которая не только родила от Коти котят, но далеко продвинула его по пути возвращения к своему виду.

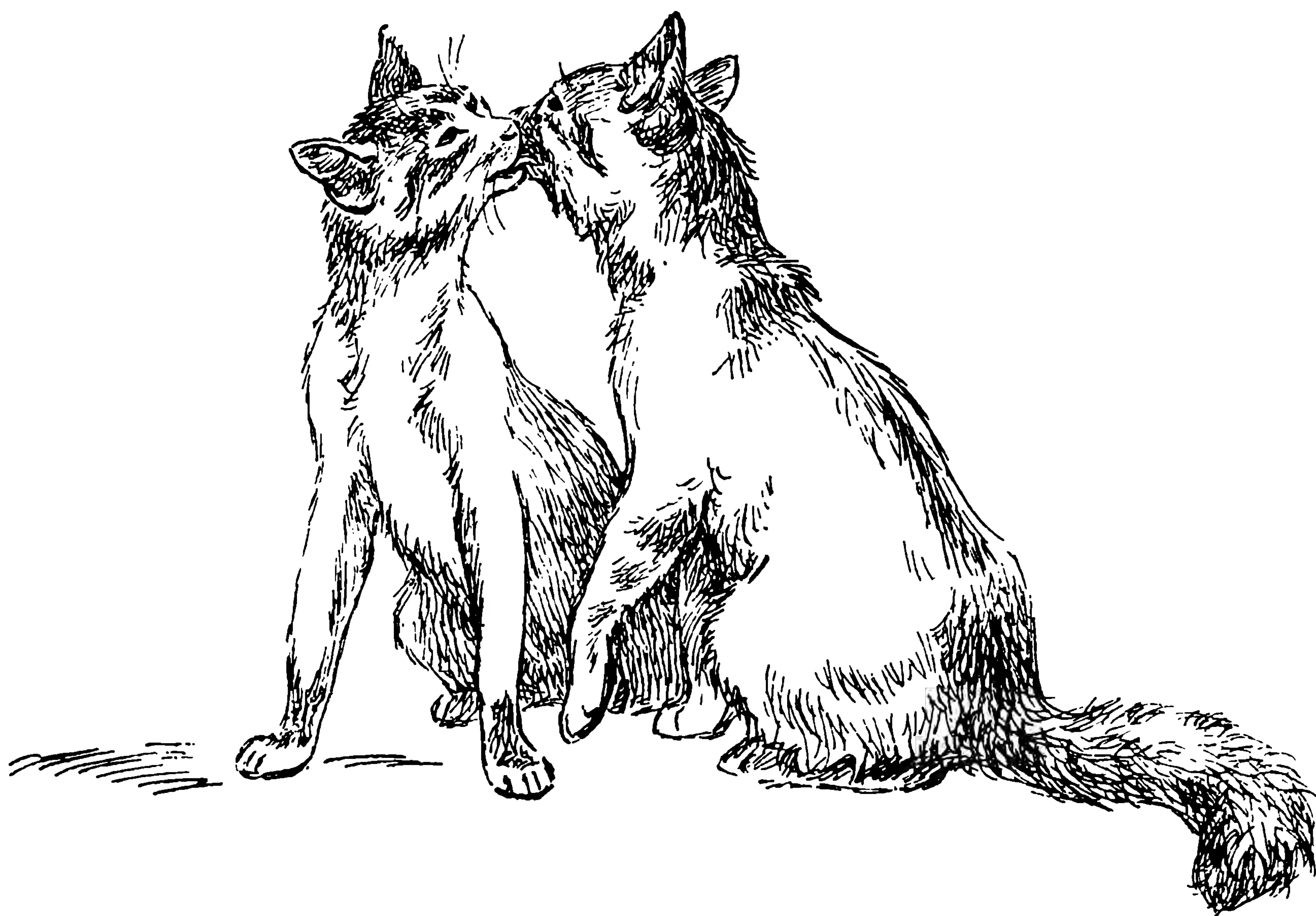
В отличие от своей матери (опытной кошки), Чаполита была невинна. Казалось, роли переменились. Чаполита не только не била Котю, она вела себя так скромно и так грациозно, а Котя относился к ней настолько по-мужски снисходительно строго, что, сравнивая его отношения с Чапой, можно было только удивляться, сколь разными могут быть взаимоотношения между животными и насколько нежной и проникающей в душу друг к другу может быть у них любовь.

Котя ревновал Чаполиту. Когда я брала ее на руки, он строго говорил ей: «Мяу». И Чаполита тут же спрыгивала. Но не потому, что боялась Коти. Не забитость была в ее взгляде, а довольное, спокойное подчинение своему повелителю.

Они «разговаривали». И это был тот случай, когда даже не вставал вопрос, а не вообразили ли мы? Нет, не вообразили. Это был разговор: в их немые кошачьи взгляды были включены «мысли» и «чувства».

Я стояла за стеклянной дверью, и Чаполита меня увидела, а Котя нет. Но Котя сразу же заметил перемену в Чаполите и вопросительно посмотрел на нее: мол, что это она? Ведь никого же нет. Однако Чаполита «говорила» (всем своим видом) — есть. И тогда Котя пошел к дверям. Он подошел, заглянул за них и там, увидев на полу мой туфель, медленно скользя глазами сначала по моим ногам, потом по платью, поднял голову и, посмотрев прямо мне в глаза, «сказал»: «Чаполита права: вот, оказывается, кто здесь».

Котя обожал Чаполиту. Ее созерцание счастья, ее любовь смогли сделать то, что казалось уже невозможным — Котя окон-

чательно выздоровел. Закончилось его раздвоение на кота и человека. Котя наконец стал котом! Тонким, понимающим, особенным, но котом!

Подвергшийся импринтингу, будучи более ранйм, наш Котя сразу попал в тысячу сложнейших ситуаций, каждая из которых вселяла в него непонимание, несоответствие его существа действительности. Отсюда стресс, отсюда его заболевания, из которых редко кто выкарабкивается. Благодаря Чаполите, ее характеру, Котя обрел в себе «мужчину». Второй признак импринтинга был повержен. Чаполита завершила в Коте процесс возврата к себе, к своему виду. Она подчинилась Коте. И то, что Чаполита подчинилась ему, то, что в этой паре Котя стал главным: приказывал, ревновал и опять приказывал, видел подчинение, полное себе подчинение, то, что он повелевал в этой паре «Ромео и Джульетты», вот это и вылечило его, зачеркнув импринтинг на человека или, во всяком случае, его подавляющее начало.

...Импринтинг — удивительное биологическое явление. С помощью него, благодаря ему, благодаря существованию такого феномена, такого свойства всего живого, когда в определенный период времени, пусть в ограниченный отрезок, но одно живое

существо может вобрать в себя другое, служит, как ни странно может это показаться, сближению в «идеале» всего живого. Пусть этот «идеал» никогда не наступит, но не это важно, важно, что есть такой миг, есть такая возможность сближения всего и всех, и не только с живой природой, но и с неживой, ибо во время импринтинга существо живое воспринимает и неживое, как живое, и стремится к нему, и любит его.

В этот момент нет страха, нет ненависти. Все это приходит позже (вспомните, как маленькая Утя, поймав мышку в ведре, вначале отпускала ее). Да, все это приходит позже и постепенно: и тогда в живом существе сталкиваются два начала. Одно — бесконечного «добра» ко всему, а другое — постепенно входящего в него «зла». «Зла», которое необходимо для жизни, для выживания, которому учатся и без которого, как говорится, не проживешь. Кто твой «друг», ты узнал сразу, и лишь потом ты учишься и учишься узнавать «врага»: и того, от которого ты должен уметь «убежать», и того, которого ты должен уметь «победить».

Но запечатленное в детстве «добро» остается и каждый раз проявляет себя. Если это «добро» и есть «добро», если запечатление было правильным, то оно подкрепляется и никуда не уходит, если же оно было случайным, оно либо приводит к катастрофам, либо постепенно стирается. Уж как складывается жизнь.

«Добро» и «зло» параллельно живут в живом организме, образуя ту сложнейшую психику поведения, которую мы подчас наблюдаем.

Мирно прогуливаются животные, казалось бы несовместимые друг с другом: жертва и хищник. Они оба запечатлены на «добро», и, пока в них не сработает «механизм голода» и, вместе с тем, не придет понимание, кто перед ними, то есть понимание реальности обстановки, до тех пор они будут мирно гулять рядом, нимало не заботясь, что один через минуту может быть съеден другим. Они гуляют, и это, возможно, благодаря импринтингу, благодаря запечатлению всего живого на «добро и прекрасное».

Этот удивительный момент запечатления на «добро», а также осознание себя как частицы всего окружающего проносит животное в том или ином виде через всю жизнь. И если оно слу-

чаем запечатлено не на себя и себе подобных или окружающий его мир не соответствует ареалу, свойственному его виду, обстановке, в которой жили его предки и живут его собратья, если животное попало, прямо скажем, не туда, то оно вынуждено жить в так называемом «дискомфорте», то есть в несогласии с самим собой.

Частично возврат к себе (по Майнарди) может происходить путем самозапечатления. Тогда ты сам, от импульсов, изнутри в тебе исходящих, будешь доходить до свойственных тебе, согласно твоему происхождению, эмоций, знаний, действий. Но если повезет, и ты встретишься с себе подобными или попадешь в обстановку, соответствующую твоему образу жизни, то тут тебя начнет ломать и корежить, как ломало и корежило нашего Котю.

В мире описано много случаев, когда человеческие дети попадали в обстановку несвойственной им жизни. Их воспитывали волчицы, жвачные табунные животные. И они, эти дети, став взрослыми, бегали с табунами, ели траву (паслись), обнюхивали своих новых собратьев.

Много раз пытались спасти таких людей. Вернуть их к нормальному человеческому образу жизни, но почти всегда это приводило к гибели. Вот почему Жан-Клод Арман, обнаружив мальчика, выросшего среди газелей, не стал травмировать его переселением к людям, а сам поселился рядом со стадом.

Мальчик ползал на четвереньках, щипал траву, но, когда газели бегали, вставал на ноги и бежал за ними, как человек. Однажды мальчик даже подошел к костру и прикоснулся к горячим головешкам, потом приблизился к Арману и потрогал его языком, издавая при этом гортанные звуки, напоминавшие голос газелей. (Жан-Клод Арман, «Дикий мальчик большой пустыни».)

Поверьте, судьба Коти была не меннее сложной, чем у этого мальчика. И тут главное не то, что Котя чувствовал себя «человеком» (это просто помогло лучше понять действие импринтинга), главное тут в том, что Котя не чувствовал себя котом будучи им. А это значит, в какой-то степени кот жил в «невесомости».

Запечатленный на человека и не будучи им, он приобрел от человека лишь то, что могло осесть в нем, то есть имело место

приложения, в то время как остальному «человеческому» негде было запечатляться. И наоборот, многое истинно кошачье — в решетке запечатления осталось пустым. И вот постепенно, в течение всей жизни этот каркас заполнялся. И может быть именно потому, что каркас этот у животных примитивнее, чем у человека,— животные легче переносят обратный возврат к себе. И поэтому чаще случаи, когда животных, воспитанных в непривычных для них условиях, все же удается вернуть к своему образу жизни, в то время как человек при таких попытках — гибнет.

Я УЧИЛА СКВОРЦА ГОВОРИТЬ

Котя был еще маленький, когда я принесла в дом кенара. У меня никогда не было птичек, и я воспринимала птиц такими, какими видела их на улице: свободными и независимыми. И вот у нас в доме — кенар.

Я кормлю кенара, чищу клетку и ощущаю, что все, что я делаю, находит ответную реакцию у него не только потому, что ему надо есть и пить, но и потому, что он понимает, что это все делаю именно я, что от меня изливается на него добро, и за это он каждый раз смотрит на меня благодарно.

Речь идет о маленькой птичке, о крошке, где тут разглядеть благодарность? Некоторые рассказывают, что птицы садятся на головы своим хозяевам, целуют их, даже чистят им ресницы. Всего этого моя птичка делать не могла, но вот смотрит кенар на меня из клетки, и я чувствую явное общение с ним. И что удивительно: чем крохотнее существо, чем меньше у него способов общения (помните, я говорила о разных способах общения у животных), тем более ранят человеческую душу те скудные проявления понимания, которые исходят от него. Словно, чем скупее «слово», чем сдержаннее, тем большую силу в себе несет, тем доходчивее оно и пронзительнее.

Меня действительно «пронзила» та птичка. Может быть, оттого, что была первой, открывшей мне птичий мир. И мне ужасно захотелось иметь собственную птичку, которую бы я кормила, с которой бы разговаривала, которую бы воспитывала.

Я так говорю, потому что кенар, о котором я сейчас рассказала, был не мой, а был у меня «проездом». Он жил у нас только

два дня, но за эти два дня я хорошо поняла, что птичек мне никогда не иметь.

Клетку поставили в кухне на стенной подвесной шкафчик. Для маленького Коти такая высота была неодолимой преградой. Мы ушли из кухни, а потом случайно вернулись. И что же? Котя забрался на кухонный стол, встал на задние лапы и, открыв дверцу шкафчика, уже собирался прыгнуть на нижнюю полку. Котя до этого никогда не открывал дверцу этого шкафчика, и я думала, он и понятия не имеет о полках, которые там находятся. Но Котя все сообразил: и про кухонный стол, и про полки, по которым можно взобраться наверх.

Накричав на Котю и выставив его из кухни, я сняла клетку и взяла кенара в руки. Я услышала, как часто и испуганно бьется его сердце, и увидела, что глаза у кенара со страхом смотрят на меня. Тут я поняла, что птичку и Котю вместе иметь никак нельзя. Даже если Котя и не поймает птичку, то напугать он ее может до смерти. (Известны же случаи, когда животные, испугавшись, умирали от разрыва сердца.)

Однако, ощутив однажды птичий интеллект, мне невероятно захотелось познать птичью природу.

Ведь птицы разговаривают. И это не в том смысле, мол, птицы «разговаривают» между собой на своем языке. Нет, некоторые птицы умеют разговаривать на человеческом языке, умеют произносить человеческие слова, фразы и даже читают стихи!

Существуют разные мнения: одни полагают, что птицы произносят человеческие слова, не понимая их смысла; другие утверждают, что птица начинает разговаривать лишь тогда, когда хочет пообщаться с человеком.

Если бы я могла иметь птичку, если бы я ощущала ее, как Котю, то есть понимала бы все ее движения, желания, настроения, да если бы еще эта птичка говорила, то, мне чудилось, я бы могла многое понять про птиц. Но птичку мне иметь было нельзя. Так мне тогда казалось, так оно, наверное, и было, хотя есть же люди, у которых живут все вместе: собаки, кошки, птицы и даже змеи.

И вот как-то мне позвонили и сообщили, что в зоомагазине продается скворец майна. Скворец стоил рубль сорок. Вот этот рубль сорок и решил тогда все дело.

После канареек, которые на птичьем рынке продавались по двадцать пять рублей, после кактусов, которые продавались по восемь, мне показалось самым главным, что стоит скворец — рубль сорок.

За рубль сорок — говорящая птица, своя! И куда-то ушла вдруг вся реальность (существование Коти), угасло сознание и будто отняли у меня разум.

— Покупайте,— сказала я.

Миг прошел, разум вернулся, но скворца уже купили. Скворец майна удивительно красивая птица. Черная, с огромными желтыми продолговатыми глазами. Египетский профиль, да и не только профиль. Вся посадка головы, весь облик. Красавец египтянин с древних фресок. И такой же гордый, с внутренним достоинством.

Я все узнала: и чем кормить, и как мыть клетку, но дело оказалось совсем не в этом.

Милые попугайчики, кенари, которых я видела у других,— все это были ручные птицы, почти как мой Котя, а этот — дикий, пугливый до безумия. К клетке нельзя было подойти: скворец начинал так биться о прутья, что разбивал в кровь глаза!

А я учила его говорить (ведь это была моя задача), а иначе зачем он мне, мне и моему коту, которого не пускали теперь в комнату.

Я учила скворца говорить. Я заводила ему пластинки с человеческой и птичьей речью, я часами повторяла одни и те же ласковые слова. А скворец метался по клетке и не только не собирался произносить эти слова, но продолжал разбивать себя в кровь при малейшем моем приближении к клетке. Но ведь приближаться я должна была. Я же должна была кормить скворца. «И как он этого не понимает,— думала я.— Ведь он же, когда я отхожу, ест то, что я ему бросаю сквозь прутья».

Маленькие птички летают по клетке — этот не мог. Однако его метание с жердочки на жердочку, на пол, опять на жердочку, не производило впечатления имитации полета. Казалось, он просто не может остановиться, не может «найти себе места» в этом заточении.

А я учила его говорить. Сто нежных слов, какие обычно говорят птицы, подражая хозяевам, я обрушивала на своего

скворца. В этом желании непременно иметь говорящую птицу, несмотря ни на что, я не учла одного, а именно: что имею дело со взрослой, дикой птицей, а ведь даже людей учат говорить с детства.

Как ни странно, помог моему сближению со скворцом — Котя. Когда скворца принесли, я перестала пускать Котю в комнату, где стояла клетка. Я сделала это так решительно, так резко отогнала Котю от двери, что Котя понял: мяукать под дверью (бить на жалость) или ждать, когда о тебе вспомнят,— бессмысленно. О нем помнят, слишком помнят, все время следят, чтобы дверь была закрыта, и ничего не поможет. Здесь не выклянчишь и не выпросишь, здесь дело посерьезнее: в комнате сидит скворец. Котя видел, когда скворца принесли, слышал его скрипучие звуки, которые называются пением, чувствовал скворца по запаху, да и прорывался несколько раз в комнату, подкарауливая, когда кто-нибудь открывал дверь. Котю тут же выставляли, кричали: «Нельзя!» И Котя понял: нельзя! Нельзя так нельзя.

Но очень хочется, так хочется, что не то, что слово «нельзя!» поймешь, а поймешь все, до конца сообразишь и придумаешь! Вот тут-то и сработал опять механизм, когда животные становятся вдруг сообразительнее, когда они как бы переполняются желанием — «мотивацией». Мотивация, ставшая доминирующей, подавляет все остальные желания, подчиняет себе все и приводит в действие механизмы, которые начинают действовать целенаправленно для снижения данной мотивации.

Традиционно связывать мотивацию лишь с условными и безусловными рефлексами. Инсайт, логические решения задач при этом остаются в стороне. Они не только не связаны с мотивацией, но, наоборот,— противопоставляются ей.

Ученые в последнее время при установлении причинной цепочки поведения животных все реже прибегают к термину «мотивация». Происходит это отчасти от понимания, что животные гораздо сложнее в умственном отношении, чем это предполагалось раньше. (Д. Мак-Фарбленд. «Поведение животных», 1988).

Один английский ученый сказал: «Мотивация — это «корзина», в которую бросают все, что науке еще не известно». Возможно, это слишком сильно сказано, но попробуем, в таком слу-

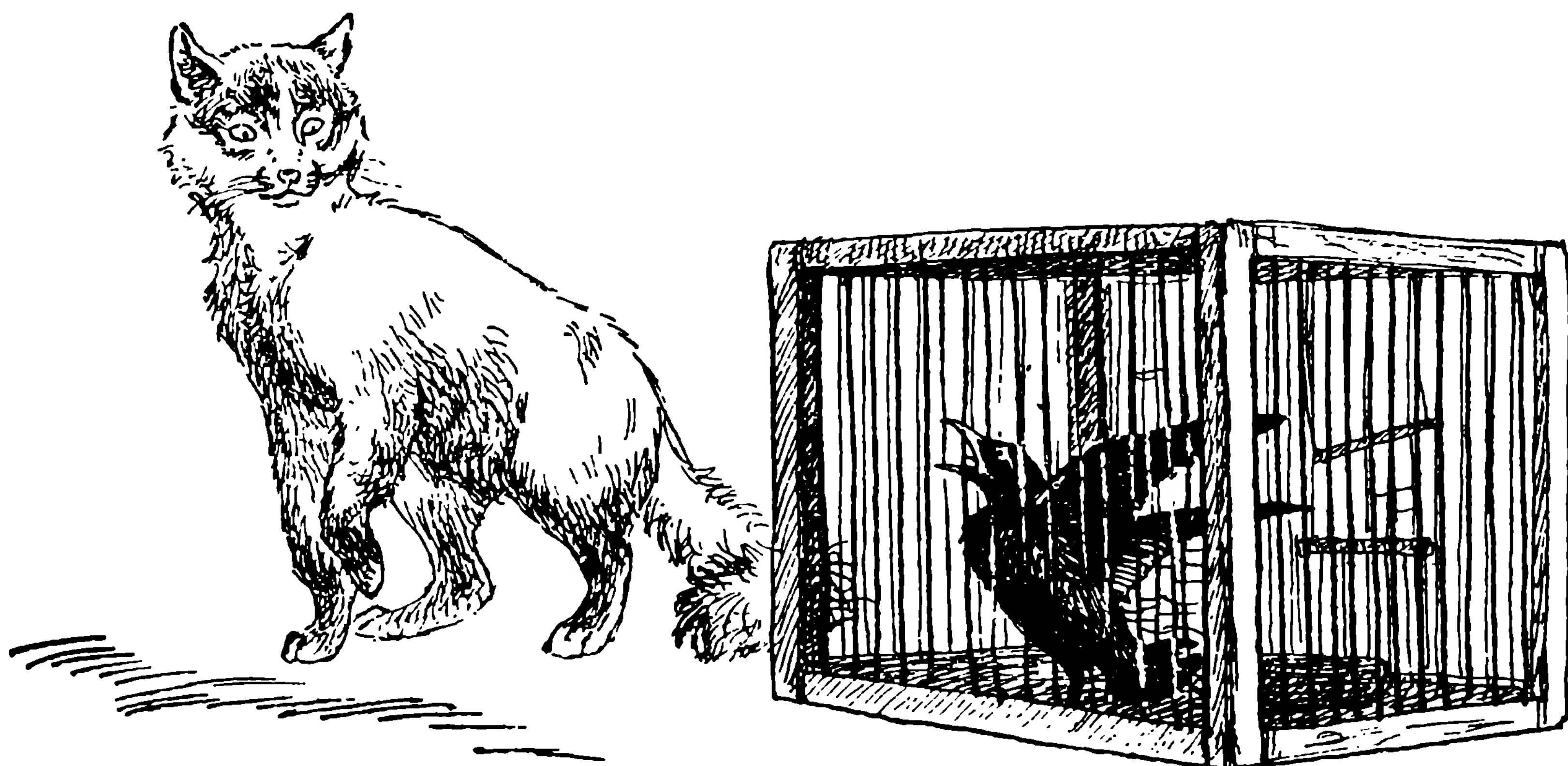
чае, забросить в нее и механизм рассудочной деятельности (вот уж что точно пока покрыто тайной), но, «забросив» его туда, мы тем самым расширим понятие мотивации, превратив его в пусковой механизм не только подсознательной жизни животного, но и сознательной. Ведь решение животным логических задач разве не связано с «мотивационным состоянием»? И разве оно не есть результат наивысшего проявления реакции организма на сложную ситуацию, возможно требующую от животного в естественных условиях мгновенного и правильного ответа, от которого, может быть, зависят жизнь и смерть — думается, мотив достаточно веский.

А тогда вопрос стоит так: может ли включиться для уменьшения мотивации и удовлетворения потребности в решении задачи этот второй (так будем его называть), разумный способ, имеющий свои механизмы и свои пути? (Крушинский, 1986.) Может?! Это, во-первых, зависит от уровня того, перед кем встала задача. Но если может, то, во-вторых,— нужно ли? Тот ли это жизненный случай, достаточно ли велика и важна причина, достаточна ли мотивация, достаточно ли переполнен ею (потребностью в решении данной задачи) весь организм, чтобы пустить в ход не только привычные инстинктивные и рефлекторные процессы, но и разумные.

А вот если это тот случай, то можно говорить об инсайте, как о механизме для решения животным особо сложных задач. И тогда мотивация не только не будет противоречить инсайту, но будет связана с ним причинно-следственными отношениями.

Котя решил усыпить наше внимание. Он перестал рваться в мою комнату, ходил, спал, ел, был спокоен и уравновешен. Глядя на Котю, действительно можно было поверить, что он смирился, понял, что туда нельзя, привык к новому положению дел и всем доволен. Ну а то, что «там» живет скворец, это его мало трогает, да он и забыл про это совсем, у него много и других дел.

Расценивайте Котино поведение как хотите, я ни на чем не настаиваю, но, глядя назад, вспоминая, как это все было, понимаю, что предположение, будто скворец вдруг перестал интересовать Котю, когда его интересовали даже птицы за окном, поймать которых было невозможно, что такое предположение менее правдоподобно, чем то, что Котя решил нас обмануть, особенно

если учесть, что кошки умеют притворяться; это я наблюдала не раз.

Как бы то ни было, но мы поверили (ибо люди, во-первых, доверчивы, а во-вторых, скорее поверят во что угодно, нежели в то, что животное решило их обмануть). Итак, мы поверили, что Коте скворец безразличен, поверили, успокоились и ослабили внимание.

И тут вдруг однажды, когда мы сидели за столом в кухне и пили чай, мы услышали душераздирающий крик: «А... А... А!» Так мог кричать только человек, если на него внезапно напали и ему грозит смерть, и, ничего не соображая от страха, он может только кричать призывно, требовательно, страшно!

Мы вбежали в комнату и увидели орущего скворца и виновато-удивленного Котю. Котя был не менее нас поражен человеческим криком скворца.

Котю выставили за дверь, сильно отшлепали, громко отругали. Все это делалось для Коти, для того, чтобы его наказать, проучить, вразумить наконец. Но вот именно это и произвело впечатление, только не на Котю (плевал он на наши «шлепки», прекрасно знал, как мы его любим), а на скворца!

Так укрощают диких слонов. Дикие слоны не хотят подчиняться человеку. И когда ничего не помогает (ни ласка, ни еда, ни время), тогда устраивают инсценировку. Слона связывают, бьют, не кормят, а потом приходит избавитель, он развязывает веревки, лечит раны и дает поесть. Вот этого освободителя слон и начинает любить.

Таким освободителем по отношению к скворцу неожиданно

оказалась я. Несколько раз я выставляла Котю за дверь, прибегая на крик скворца. И скворец вдруг стал доброжелательнее ко мне. Он метался по клетке, когда я сыпала ему корм, но не с таким неистовством. Он прижимался к прутьям, но не разбивался о них в кровь. Он боялся, как боялся мой папа, когда ему капали в глаза, и жмурился, хотя знал, что ничего плохого ему не сделают. Рефлекс страха при приближении — неосознанный инстинкт. Такой рефлекс очень трудно погасить, он природный, врожденный, глубокий. Как ни хочешь не бояться, как ни понимаешь, что вокруг «свои», все равно боишься. А то, что скворец способен воспринимать доброжелательное отношение, так это понял даже Котя. Вот уж когда он сообразил! Вот где его поведение дошло до невероятной сознательности!

Котя больше не врывался в комнату, не подбегал к клетке со скворцом. Более того, он даже не притворялся, что скворец ему безразличен, не притворялся ни перед нами, ни перед скворцом. Напротив, и вот тут начинается самое главное: Котя входил в комнату и всем своим видом, то есть выражением «лица», движениями, всем своим обликом, а также поведением, стремился показать, что он уважает страх скворца перед ним и никоим образом не хочет причинять скворцу хоть какой-нибудь вред. Для этого он идет не обычным путем, а вдоль стены, самой дальней от скворца, разыгрывая немую сцену, как самый лучший актер, который должен показать этюд на тему, как убедить другого, который тебя боится и сидит в комнате, что тебе в эту комнату необходимо зайти, но он тебя не должен бояться, так как ты ничего плохого не собираешься ему делать и испытываешь к нему лишь самые добрые чувства.

И скворец, на понимание которого это было рассчитано, «понимал» это. И не кричал. А взволнованно, напряженно смотрел на двигающегося по направлению к дивану Котю и ждал. Чего же кричать, когда на тебя явно не собираются нападать. Это как-то не солидно для умной птицы!

Кот прямо-таки дрессировал скворца. Он приучал его к себе. Котя сидел на диване и смотрел на скворца спокойно и доброжелательно. Котя уходил, и опять приходил, и опять сидел спокойно. Мы перестали волноваться, поскольку знали: в опасный момент скворец нас позовет. Но скворец не звал. Он тоже смотрел на Котю. Казалось, они очень интересуются друг другом.

Казалось, между ними есть какая-то связь. Связь двух живых существ, не похожих на людей. Вроде бы им даже вдвоем было веселее. Во всяком случае, Котя делал вид (или на самом деле так было), что ему скучно без скворца и просто интересно смотреть, как тот прыгает, клюет червяков и пьет воду. Скворец же, когда не было на диване Коти, был сильнее обеспокоен: он вытягивался на длинных ножках, стараясь заглянуть под клетку — не там ли Котя?

Не знаю, чем бы это все кончилось, если бы не случилось несчастье.

НЕСЧАСТЬЕ

Возможно, это была случайность. Но теперь вспоминается, что и ножка у Коти была к тому часу больная. Вроде бы накануне мама наступила на нее, и Котя вроде бы захромал, заплакал. Никто тогда не обратил внимания, потому что и раньше Котя, разлегшись на полу совершенно беззаботно, подставлял то хвост, то лапы.

Но теперь кажется, что от этого все произошло, потому что ведь и раньше Котя иногда обманывал нас и, подкараулив, когда мы откроем форточку, мчался к окну. Возможно, и погода всему соответствовала, и подоконник обледенел. Но теперь и другое думается, что какие-то мы были все-таки обалделые от этого сочетания: скворца и Коти.

Как всегда, я, прежде чем открыть форточку и проветрить комнату, отнесла Котю на кухню и закрыла дверь. Так я всегда делала зимой, хотя понимала: Коте нужен воздух. Но что поделаешь, когда живешь на девятом этаже. Открыв форточку, я пошла к двери, чтобы выйти из комнаты. В тот миг, когда я открывала дверь комнаты, открыли дверь в кухню. А может, за секунду до этого. И Котя, который все видел и только ждал момента, надеясь именно на такой случай, выскочил из кухни и бросился без остановки в комнату. Он бежал так поспешно, так боялся, что сейчас, когда все складывалось удачно, все рухнет, что я не решилась его остановить, побежать за ним, напугать. Заметив, что он поскользнулся на повороте, когда, влетев в комнату, повернул к окну, я затаила дыхание, боясь напугать его еще больше и надеясь на то, что, успокоившись, он разумно

использует свою возможность и, как всегда, тихо посидев за закрытым окном на узком скользком железном подоконнике, вернется обратно.

Уже потом я поняла, что поскользнулся на ровном полу он не только от волнения, что помешают задуманному, но и от того, что ножка у него была ушиблена.

Я тихо прикрыла дверь и ушла. Когда вернулась, чтобы посмотреть, нагулялся ли Котя и можно ли закрывать форточку, увидела — подоконник пуст.

Но ведь так бывало: Котя забирался под диван, а то и в шкаф или еще куда-нибудь. А может, я не заметила, и кто-то другой, заходя в комнату, выпустил Котю из комнаты?

Я сказала только мужу. И на всякий случай он побежал вниз. А я продолжала искать Котю под кроватями и столами.

Боишься, ждешь, но, когда случается, не можешь поверить. Я не верила еще и тогда, когда услышала страшный Котин крик за входной дверью. Котя кричал душераздирающе, с перерывами, резко выдыхая крик.

— Кто это? — спросила мама в ужасе.

— Тихо, только не надо волноваться, тихо,— говорила я нарочито спокойным, строгим голосом,— Котя упал из окна.

Котю внесли в большую комнату. Он продолжал резко и отрывисто кричать. Котю положили на кровать, мы все стояли возле него. Все, кроме моей мамы. Она забилась в дальнюю комнату и сказала, что не выйдет, что не может.

— Мама, успокойся, это только кот,— внушала я ей.— Ты должна успокоиться.

Котя метался по кровати. Он не мог встать на лапы, они были разбиты, но он ползал, цепляясь за одеяло.

Я постелила одеяло на полу, и мы перенесли Котю на пол. Он был весь окровавлен, я стала смотреть, откуда течет кровь. Кровь текла из лап и рта.

Вызвали ветеринарную скорую.

Котя то замирал, словно теряя сознание, то оживал и тогда начинал ползать и кричать. Он дополз до диванчика и начал взбираться на него.

— Он не может на полу, как ты могла положить его на пол! — кричал папа.

Приехал врач, смазал йодом разбитые лапы. Сказал, что

прикушен язык и, вероятно, отбиты внутренности, потому что губы обескровлены, а это значит — сильное внутреннее кровоизлияние.

Врачу было нас жалко. Мы ведь не хотели усыпить Котю, а муки с ним будет много, если выживет.

Врач уехал, а Котя продолжал метаться. То он хотел на диван, то буквально чуть ли не падал на пол.

Он лежал на полу в тот момент, когда открылась дверь и вошла мама. Котя поднял голову, посмотрел на нее, и в глазах его мы все одновременно увидели — это то, чего он все время с таким беспокойством ждал. Теперь он увидел маму, теперь все будет хорошо. Он затих, но не потерял сознания. Мама сидела рядом с ним на полу и нежно говорила, что все будет хорошо. Все будет хорошо.

А я уже знаю и этот голос, и эти слова и знаю, что когда мама так говорит, то ничего хорошего не будет. А будет все очень страшно.

— Вы не смеете,— закричала я,— вы не смеете так! Это не человек. Это только кот. Как же вы можете, как вы можете те же слова, и те же слезы, и все так же. Вы что, забыли — я никогда не забуду и никогда не смогу плакать о коте.

Знакомый врач посоветовал по телефону запеленать Котю, чтобы он не ползал и еще сильнее не разрывал себе внутренности.

Мы запеленали. Котя затих, потом очнулся, начал задыхаться, вздохнул глубоко и снова затих.

Папа не верил, что Котя умер.

Все уже легли, а папа, положив Котю к себе в комнату, каждый раз вставал и щупал его.

Я слышала, как папа сказал:

— Нам ничего не полагается — ничего.

Я ВЫПУСТИЛА СКВОРЦА

Коти больше нет, но я все же расскажу, что было дальше.

После смерти Коти я сразу уехала. Мама писала, что скворец все время вытягивается на длинных ножках и заглядывает под клетку — ищет Котю. Потом написала, что скворец заболёл. Когда я вернулась, скворец был в плохом состоянии. Хвоста у

него больше не было, весь вылез. Глаза из желтых стали белыми. Спал он теперь не на жердочке, как раньше, а внизу, на дне клетки. И голову стал прятать в шею, как это делают другие птицы, когда спят, но у скворца это было от слабости.

Я решила выпустить скворца. Ждала только, когда потеплеет.

Мы сняли дачу.

...Обычная дорога: с одной стороны дачи, с другой — аллея, за ней — поле.

По мостику я перешла через речку и свернула направо. Я никогда не ходила сюда. Да сюда, по-видимому, и никто не ходит. Здесь болото. Сначала сухие кочки, потом все сырее и сырее. Вокруг деревья, кустарники, птицы. Поют птицы. И высокая трава. Вдали — поле, ромашки. Солнце. Я задохнулась от красоты, от журчания речки, от пения птиц.

Боясь раздумать, я помчалась за скворцом. Я вбежала в комнату, схватила клетку, накрыла ее тряпкой и снова побежала. Тысячи мыслей бились у меня в голове, но я не давала им ходу. Я снова зашла туда, где болото. Здесь нет людей, а главное — кошек и собак. Здесь поют птицы. Над головой чистое, голубое небо. Я поставила клетку, сняла тряпку и открыла дверцу. Скворец не двигался.

Прошло несколько минут, и вдруг скворец выбежал и прямо через воду, неумело махая крыльями, пугаясь травы, запрыгал к кустам. И вглубь — на ветку.

И вот тут, только теперь, когда он оказался на ветке, на настоящей ветке среди настоящих листьев, в чаще кустов и деревьев, только здесь, когда среди разных голосов птиц я услышала, как он жалобно запел все ту же свою тонкую, похожую на скрип опускающегося в колодец ведра, песню, только теперь я ощутила его близость с собой, родство, понимание. Мы были как два родных существа среди чужой окружающей нас природы. Тоска охватила меня. У меня уже не было Коти, и теперь я теряла скворца.

Скворец несколько раз спел свою песню и, прыгая с ветки на ветку, скрылся за листьями.

На следующий день я снова пришла на это же место. Принесла хлеба, воды. То, что оставила вчера, было уже съедено. Только кем?

Я стояла на том месте, где выпустила скворца, возле его мисочек и звала:

— Сквора, сквора, скворушка...

Я звала так нежно, с такой болью и виной перед ним, что мне казалось — камень бы отозвался. И скворец отозвался. Я услышала скрип. Я не могла ошибиться, его нельзя было спутать ни с чем, ни с одной другой песней. Никто здесь так не поет.

— Скворушка! — закричала я.— Скворушка, ты здесь? Ты живой? Ты слышишь меня? Скворушка!

Скворец спел два раза и смолк. Он сидел где-то в чаще, над

самым болотом. Я не могла туда пройти. Да и боялась спугнуть с места, к которому он уже привык.

Что же это он никуда не улетел? А я-то надеялась, что он здесь полетает, окрепнет и, может быть, осенью сумеет улететь на юг.

Назавтра я опять пришла. Опять насыпала скворцу хлеб, налила воду в баночку, звала, звала, но никто больше не отозвался. Птицы щебетали, словно рассказывая мне о чем-то, что я должна была понять, но я не понимала.

Я встала и пошла обратно. Я вышла на поляну и села на возвышение. Отсюда хорошо было видно болото, кочки, деревья, окаймляющие поляну.

Вдруг из-за деревьев вылетела большая птица, покружилась и улетела, потом вторая. Я сначала вглядывалась: не скворец ли майна? Нет, не скворец. Скворец черный, а у этих серая грудка. Это были вороны. Большие серые вороны. И они начали кружить у меня над головой. Их становилось все больше и больше. И я уже перестала вглядываться в них и искать скворца. Тучей они закрыли от меня небо. Они летали кругами и кричали. Так страшно кричали! И все новые и новые вороны поднимались из-за деревьев. Что это? Неужели это они из-за скворца? Чепуха, просто время такое — «гуляют». Ведь птицы всегда гуляют кругами. Я сидела как пригвожденная и слушала их крик над головой. И не могла встать. Может быть, они боятся за своих детей — мол, повадилась каждый день ходить сюда. Так я себя уговаривала. Слишком страшно было думать, что они знают про меня что-то, чего еще не знаю я.

Наконец я встала и тихо пошла. Вороны некоторое время летели надо мной, потом исчезли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Три фактора. Три явления. Они идут рядом почти изначально, идут, чтобы сомкнуться.

Три фактора: первый — это постепенно развивающийся «человеческий характер», его черты, его наметки, которые присутствуют изначально у многих, а более всех — у домашних животных; второй — явление импринтинга, помогающее сбли-

жению разных видов, разных «характеров», а более всего, сближению домашних животных с человеком (и в «идеале» — всего живого); и, наконец, третий — самый главный в рассматриваемом вопросе — это вообще «возможность» существования домашних животных; она предопределена и способностью животных к приручению, и особой их физиологией, ибо домашние животные, в отличие от одомашненных, приспособлены жить с человеком физиологически (и это очень важно), а также психологически и социально.

Однако человечество не перестает искать ответ, каким образом волк (или шакал) стали собакой, а дикая кошка — домашней.

Так уж не тот ли это вопрос, каким образом устроено все?!

А вот и еще вопрос: зачем? Зачем существуют на земле собака и кошка? Ну, как же, ответ ясен: сторожить, ловить мышей. А может быть, для того, чтобы явить пример дружбы, преданности, любви, какие они бывают «в чистом виде», отделенные от человеческих качеств, от человеческой психологии высшего разума, когда вдруг нравится, а потом не нравится. У кошек и собак нет придуманных мотивов, у них мотив один: хозяин — это и есть хозяин, его надо любить, любить беспредельно, до самоотрицания.

Но может быть, это просто инструмент, с помощью которого они действуют, добиваясь взаимности отношений? Общения? Вот оно самое главное — общение. Сближение человека и животного! Психическое, психологическое.

Муравьи живут обществами, почти как люди, но они не сближаются с человеком. И жуки, и птицы, и волки — они где-то там. Их ловят, изучают, ставят опыты. У них вырабатывают рефлексы, открывают инсайты.

А рядом только эти двое: собака и кошка. Они за всех. Они от всех. И наконец мы начинаем их понимать. Чья в этом заслуга больше: их или наша?

Вы когда-нибудь задумывались о предназначении домашних животных?

Мы изучаем обезьян — и открываем свое происхождение. Мы общаемся с дельфинами — и начинаем познавать разум животных. Но мы долго и упорно не замечаем и не хотим отдать должное тем, кто пришел и живет с нами. Не потому ли, что они так

похожи на нас? И мы бессознательно, отделив их от «тех», не воздаем им должное, мы не узнаем и не хотим узнавать «посланцев» природы. А они давно «разговаривают» с нами, давно ищут пути сближения: «нас» и «тех», от кого пришли. Их настоящее предназначение велико: сблизить человека с природой, дать понять человеку разумность всего живого, позволить проникнуть в самые тайны бытия — в способы сосуществования таких разных и в то же время единых царств природы (сомкнув этологию с экологией). Так дайте же наконец им слово! И самое главное: потрудитесь услышать его.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИВЕНЬ. Повесть 3
УТЯ. Повесть 65

Рассказы

ГДЕ ЕЕ ДОМ? 103
КОСЕНОЖКА 109
В КОНЦЕ ЛЕТА 123
ДВА ЖУКА 133
СЕМЕРКА ЧЕРВЕЙ 137
ДВЕ УЛИТКИ 149
ВО ДВОРЕ 151
ПЕВЕЦ 153
СЕРАЯ МЫШКА 155
В МОСКОВСКОМ ЗООПАРКЕ 157
ДАФНИИ, ЛЮБОВЬ И ФАНТАЗИЯ 159
КТО ЕСТЬ КТО 161

ДАЙТЕ КОШКЕ СЛОВО 163

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего возраста

Романова Наталья Игоревна

ДАЙТЕ КОШКЕ СЛОВО

Ответственные редакторы *В. С. Мальт, Е. В. Ющенко*
Художественный редактор *Н. З. Левинская*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Корректоры *Л. А. Анчевская, О. М. Манжуло*

ИБ № 11779

Сдано в набор 27.03.90. Подписано к печати 15.05.91. Формат 60×90 1/16. Бум. типограф. № 2. Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 17,5. Уч.-изд. л. 14,03. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4435. Цена 3 р. 40 к.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Романова Н. И.

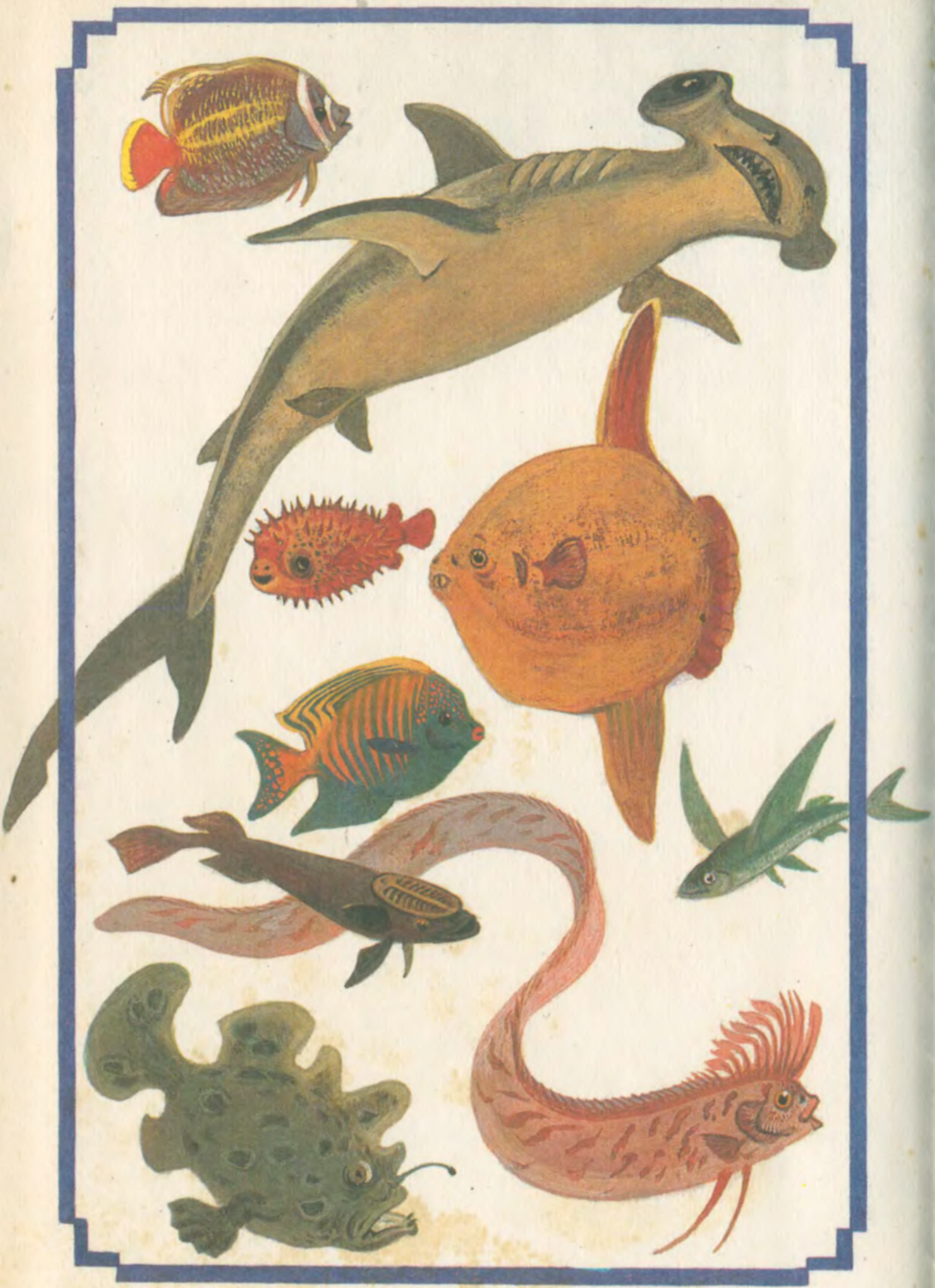
Р69 Дайте кошке слово: Повести и рассказы/ Художн. С. Яровой.— М.: Дет. лит., 1992.—255 с.: ил.

ISBN 5—08—001437—7

Книга рассказывает о взаимоотношениях человека и животных, об их взаимном влиянии друг на друга, об ответственности человека за все живое на Земле.

Р $\frac{4802020000—016}{М101(03)-92}$ 038—90 ББК 46.7

ISBN 5—08—001437—7

3 р. 40 к.

Издательство
„Детская литература"